

МИТИН ЖУРНАЛ
KOLONNA PUBLICATIONS

*Серия «VASA INIQUITATIS» («СОСУД БЕЗЗАКОНИЙ»)
является совместным проектом издательств
KOLONNA Publications и МИТИН ЖУРНАЛ*

ББК 84.7 Чил.

Alejandro Jodorowsky
LAS ANSIAS CARNÍVORAS
DE LA NADA

Александр Ходоровский
ПЛОТЯДНОЕ ТОМЛЕНИЕ ПУСТОТЫ

ISBN 5-98144-036-8

©Alejandro Jodorowsky, 1991
©Владимир Петров, 2005
©Митин Журнал, 2005
©Kolonna Publications, 2005

Обложка: В. Горбунова
Руководство изданием: Д. Боченков
Макетирование: Е. Антонова

KOLONNA Publications (ООО «Колонна пабליкейшнз»),
а/я 24048, Тверь, 170024, Россия. e-mail: kolonna@kolonna.org
www.mitin.com/kolonna

Александрo Хoдoрoвский

**ПЛОТOЯДНОЕ ТОМЛЕНИЕ
ПУСТОТЫ**

Перевод

Владимира Петрова

С одной стороны – шепот из
глубины нашего нутра,
С другой – плотоядное
томление пустоты.
Лицом к лицу.
Не понимая письмен
тени, что обитает в нас.

Висенте Уидобро

1. ЭТО АНГЕЛЫ...

Ангелов не существует – я знаю, что вижу сон. Как обычно, я говорю сам с собой. И все же судьбоносный приказ отдан. Они спускаются, по-неземному прекрасные, сквозь темные тучи. Нет! Это невозможно! Праведники не должны расплачиваться за грешников! Совершенные ангелы мести, если в этой стране найдется полсотни праведников, вы ведь не уничтожите ее, так? И если найдется тридцать, десять праведников, вы ее не уничтожите, так? А если семь? Пять? Три? Один-единственный? Собаки! Вы здесь не для того, чтобы разрушать! А для того, чтобы отыскать единственного! Зачем стирать нас с лица земли, не найдя сперва его? Ангелы-убийцы! Прекратите так зверски рычать. Мои уши лопаются. И во мраке, созданном избытком света, мучаясь болью в матке, я должен вторично пережить жуткий взрыв? Нет! Открыть глаза, закричать, найти дверь, вернуться к действительности! Что, я проснулся? Снова каменное молчание океана без волн... Снова разоренный пляж, грунтовая дорога, которая упирается в Анды, в гору со срезанной верхушкой. Снова старый шлагбаум: черно-белые полосы указывают, что в этих гигантских горах начинается – или заканчивается – страна. Мой ветхий деревянный домик воздвигнут в крайней, не нужной никому точке. Внутри сижу я, покрытый пылью солдат-пограничник, с открытыми глазами, и пытаюсь уйти от кошмара... Я проснулся. Ветер швыряет к моим башмакам без подметок кучу пустых консервных банок. Это мой мир, где я пребываю в спокойствии. Блестящий – без единой пылинки – телевизор: я беспрестанно вытираю его, больше ничего в доме я не вытираю. На экране Генерал – видный мужчина тысячелетнего возраста, темноволосый, с напوماженными

усаами и подбородком, словно вырезанным из черного дерева, – одновременно со мной перестает храпеть, открывает глаза, зевает, смотрит на меня, обращается ко мне:

КОГДА Я СПЛЮ, СПИТ ВСЯ СТРАНА! КОГДА Я ПРОСЫПАЮСЬ, СТРАНА ПРОСЫПАЕТСЯ! СВОБОДА – В ПОВИНОВЕНИИ МОИМ ПРИКАЗАМ! НИКТО ИЗ ГРАЖДАН НЕ СМЕЕТ СОВЕРШАТЬ САМОВОЛЬНЫХ ПОСТУПКОВ! ВО ИМЯ ВСЕОБЩЕГО СЧАСТЬЯ И БЛАГОПОЛУЧИЯ ТОЛЬКО Я МОГУ ЗНАТЬ, КУДА И ЗАЧЕМ МЫ ИДЕМ! Я ХОЧУ НЕ СЖЕЧЬ ВАС, А ТОЛЬКО НАУЧИТЬ СТРАХУ ПЕРЕД ОГНЕМ! ПРОНИКНИТЕСЬ ПОЧТЕНИЕМ К СВОДАМ, ЛОВУШКАМ, ФОРМЕ, КУБУ, ПЛОТНОМУ, ВЕСОМОМУ, ПАСТИ ДРАКОНА, РАСПАХНУТОЙ В ЗЕВКЕ! ПУСТЬ СГИНЕТ ЧИХ, И ДА ЗДРАВСТВУЕТ ГИППОПОТАМ! ДОЛОЙ СОКОЛА, УРА ВЯЗКОМУ ПЕСКУ! НЕТ – ВСАДНИКАМ АПОКАЛИПСИСА, ДА – КВАДРАТНОМУ НЕБЕСНОМУ ИЕРУСАЛИМУ!

Простите, мой Генерал, с вашего разрешения – в этих безлюдных местах нет ни булочников, ни коров, – я открою банку и стану сосать жалкую крабью клешню, пока вы, Верховная Власть, с удовольствием погрузите изысканный круассан в молоко, происходящее не иначе как из груди Святой Девы... Но я слышу топот. Кто эти три тени, там, у горной стены? Откуда они? Как осмелились приблизиться к моему караульному посту? Черные плащи, темные очки, широкополые шляпы не испугают меня! Стой! У меня автомат! Руки вверх! Не двигаться, или стреляю! Молчать, подонки! С этой минуты вы не те, кем считаете себя, вы – мои пленники! Никаких прав! Только я спрашиваю и отвечаю! Допросы – потеря времени, а время – это жизнь! Кто вы такие? Куда направляетесь? Откуда идете? С севера, с юга, из Анд, с побережья? Явно не с севера, не из заграницы: вот она, заграница, за черно-белым шлагбаумом, – каменная стена, что упирается в небо. Явно не с побережья: кислотное море плотает все суда, чтобы набить свое и без того раздутое брюхо. А если вы пришли с юга, из внутренних областей, то зачем идти сюда, до конца ущелья, в

тупик? Нет! Вы никуда не идете: идти здесь некуда. Вы ниоткуда не пришли: зачем кому-то забираться в эту пустынную местность? Я знаю: вы мне явились! Совсем как во сне... Одним и том же – он повторяется сквозь годы... Три ангела... Пришедшие разорить эту страну... Если вы встретите хоть одного праведника, то не уничтожите миллионы нечестивцев... Как вы могли! Надо разобраться, прежде чем действовать! Но вы не дали себе труда! Не стали искать бесценную иголку в стоге сена! А повели себя как убийцы! Сожгли все дотла! Заставили расплачиваться и праведников, и нечестивцев! Этот звериный рык! Этот жуткий взрыв! О мой тягостный земной путь! Мерзкие ангелы! Око за око: во сне вы разносите меня на куски, а в действительности – наоборот! Вот вам! Пусть раскаленные пули пронзят ваши тела, холодные, как рыба чешуя! Как? Вы не валитесь с ног? Не корчитесь в агонии? В ваших плащах нет дымящихся дыр? Но я набил вам животы свинцом! Ни единой раны, ни единой капли крови, – я был прав: вы не пришли ниоткуда, вы возникли в моем сознании, вы – порождение сна. Настоящие пули не убивают призраков.

– Точно так же прозрачные пули не убивают живых существ.

– Прозрачные пули? Молчать! Если автомат замолчал, то мой верный револьвер вышибет вам мозги с такой силой, что они долетят до луны. Кру-гом! Давайте сюда ваши запястья, у меня есть три пары наручников! Как? Невероятно! Три пары наручников исчезли, растворились, словно гипс в воде! Ничего не понимаю. Не двигаться! Я должен спросить Генерала. Мой Генерал, что это? Почему вы не отвечаете? Почему смотрите с экрана застывшими глазами, почему губы ваши плотно сжаты? Сейчас, когда вы мне так нужны, я не слышу от вас ни слова! Мне привиделось, или сюда доставили негодные боеприпасы? Почему? Разве я не заслуживаю лучшего? Мне подсунули какую-то дрянь, ржавое железо, залежалые патроны только потому, что я – жалкий пограничник, посланный туда, где границу не нужно охранять? Так ведь? Я правильно понимаю, что моя застава вообще без необходимости? Со мной так поступили, потому что я вроде этого шлагбаума – ничего не стою и не приношу пользы? Меня обрекли на одиночество из презрения ко мне? Я здесь живу с детства. Я только

и знаю, что этот участок тропы, эти мрачные места, куда даже чайки не сбрасывают помет. Я провожу годы и годы в одиночестве, питаюсь крабьими клешнями, обреченный на двенадцатимесячную зиму. И все же я, верный своему долгу, стоя навтыжку перед Генералом, не оставляю своего поста. Да, я сплю, но изредка. Я могу задремать на несколько минут, всегда чуткий, готовый вскочить на ноги, ожидая, что придет нарушитель и я наконец-то исполню свой долг. А когда нарушитель приходит, я не способен его задержать! Столетия бодрствования, ожидания, – и все впустую... Нет! Это не ваша вина, мой Генерал! Это – преступная халатность ваших подчиненных. Никто не способен сосредоточиться на деле больше одной минуты. Они моментально засыпают, а потом поставляют безвредные пули и ржавые наручники. Вот револьвер, мой Генерал: первое врученное мне оружие. С ним я прибыл сюда. Он мне как брат. Выстрелы из него абсолютно точны. За это я могу ручаться. В те времена мы были молоды и действовали из жажды действия, а не из желания чего-то добиться. А единственное действие, которое нас увлекало, – слепое повиновение вам, мой Генерал. Посмотрите: я, самый преданный ваш слуга, не изменился. Я приставляю дуло револьвера к затылку каждого из загадочных незнакомцев и стреляю, стреляю, стреляю... Сукины дети! Ничего не происходит! Они не падают, улыбаются, они неуязвимы! Мой Генерал, я роняю револьвер моего детства – вязкая пыль тут же покрывает его густым слоем... Я сдерживаю рыдания, чувствуя себя брошенным псом. В первый раз за многие годы я выключаю телевизор...

– Сеньор, мы хотели бы воспользоваться паузой, чтобы...

– Молчать, вы! Если никто не поможет мне, я помогу сам себе! Вперед! Под лавкой у меня спрятаны щетки, бумаги, костюмы Пьеро, плюшевый медведь и вот этот кинжал для жертвоприношений. Я доверяю его священному острию... О-о! Стальное лезвие превратилось в пыль, она взметнулась на ветру серым облаком! Значит, я все-таки сплю?

– Нет, не спите. Патроны были холостыми, а ветер с моря разъедает металл.

– Вы ангелы?
– Нет. Студенты.
– И что же вы изучаете? Откуда вы?
– В этом-то вся проблема. Мы утратили память. И пытаемся установить, кто мы, откуда пришли и куда идем. По этой причине мы называем себя студентами.

– Хватит сказок. Как давно вы обнаружили, что утратили память?

– Несколько минут назад, пока вы спали. Внезапно мы оказались у склона Анд, одетые в черные плащи, широкие шляпы и темные очки. Мы говорим на этом языке, но не знаем, откуда в наших головах берутся слова. Иногда мы не понимаем, что говорим, точно язык во рту сам произносит фразы на незнакомом наречии.

– Я могу вам верить, а могу и нет. Но я кое-что теперь знаю: вы – не простые убийцы. Вы могли прикончить меня, пока я спал. Но, может быть, вы – изошренные убийцы? Этакие небесные коты, которые забавляются с мышью-человеком?

– Мы не знаем, заблуждаетесь вы или говорите правду. Мы забыли, что хотели сделать. Мы не можем сказать, обладаем или нет какой-либо мощью. В эту минуту мы неопасны.

– Неопасны? А оружие, которое распадается, а пули, которые вы сделали бесполезными? Когда я выстрелил в вас, вы даже не подскочили.

– Мы забыли, кроме прочего, о том, что такое страх.

– Кажется, это безнадежно. Никто ничего не знает. Все двусмысленно. Вы лжете, вы ангелы, вы играете со мной – просто из жестокости, или желая выведать у меня нечто, неизвестное мне самому? Что вы ищете?

– Только нас самих, больше ничего.

– Если вы и вправду нуждаетесь в помощи, то единственный, кто в нашей стране что-то знает, – это Генерал. Спросите у него.

– Где его можно встретить?

– Прямо здесь! В телевизоре.

– Это всего лишь изображение. Он не сможет ответить на наши вопросы.

– Заблуждаетесь. Генерал – как священная книга: он говорит то, что говорит, но его слова всегда служат ответом. Надо лишь правильно их истолковать. Включаю...

В ОТЛИЧИЕ ОТ РЕЗИНОВЫХ, НАТУРАЛЬНЫЕ ЧЕЛОВЕЧЕСКИЕ ВЛАГАЛИЩА СОДЕРЖАТ В СВОИХ ТЕМНЫХ НЕДРАХ ГРОБЫ, НОЖИ ИЗ ЧЕРНОГО КАМНЯ, ЗОНТЫ, СТЕНЫ, НАПОЛНЕННЫЕ ОТРАВОЙ САДЫ, СТОЯЧИЕ ВОДЫ, СЛОНОВЬИ БИВНИ, ЗАРОДЫШИ НА ПОСЛЕДНЕЙ СТАДИИ РАЗЛОЖЕНИЯ, ПОХОТЛИВЫХ ОТЦОВ, ТАРАНТУЛОВ С МАТЕРИНСКИМИ ГОЛОВАМИ, ИСКАЛЕЧЕННЫХ БОГОВ, ОСКОЛКИ КРАСНОЙ ЛУНЫ...

– Извините, но мы выключим телевизор. Эти слова нам непонятны и совершенно ни к чему.

– Генерал говорит с каждым телезрителем по-разному. Включите телевизор сами, и он обратится к вам на доступном вам языке.

– Так и сделаем...

Я НЕ ЗНАЮ, ЧТО ТАКОЕ СМЕРТЬ И СОМНЕНИЯ. Я – НЕ ДУХ, НЕ МЫСЛЬ, НЕ ГЛАЗ, СМОТРЯЩИЙ ИЗ ЦЕНТРА ХОЛОДНЫМ ВЗГЛЯДОМ. У МЕНЯ НЕТ НИ ОБЯЗАТЕЛЬСТВ, НИ ИНТЕРЕСОВ, МНЕ ЧУЖДЫ ОТВРАЩЕНИЕ, СИМПАТИЯ, ЖЕЛАНИЯ, ПОИСК СВОБОДЫ ДЛЯ СЕБЯ. Я – СОЗНАНИЕ И СЧАСТЬЕ В ЧИСТОМ ВИДЕ! Я – ГЕНЕРАЛ!

– Выключите! Ужасно! Он никогда так не говорил. Вы не из этого мира. Вы таковы, как я себе представлял.

– Вы сами не таковы, каким себе представляетесь.

– Сомнений больше нет! Ни руки мои, ни ноги не обратятся в пыль! Проникнитесь изначальной правдой, свободной от моих пинков и тычков. И, пожалуйста, перестаньте уваливать от моих ударов с такой тонкой, излишне умелой ловкостью. Не оказывать мне сопротивления – значит толкать меня к отчаянию. Мой натиск усиливается. Проклятие! Я никого не могу коснуться. Я впустую хлещу воздух. Я даже не уверен в существовании собственного

тела, потому что не испытываю боли от своих движений. Я задыхаюсь. Да, я чувствую себя брошенным псом. И возвращаюсь к ящичку из мертвого дерева. Мне нужно поразмышлять, сразиться с самим собой. Если ты в душе привык к повиновению, то все вокруг дает урок повиновения. Мои пули оказались безвредными, нож – хрупким, еда – сгнившей, цели – бессмысленными, граница – воображаемой. Но, конечно, Генерал знает, что делает... Генерал всегда знает, что делает! Не знаю, зачем именно я здесь, но это для чего-то надо. Для чего, меня не касается; он знает, и довольно. Моя задача – повиноваться. Никто и ничто меня не изменит. Я повинуюсь, хотя не получаю приказов. Повинуюсь, хотя никто меня не видит, не слышит, не подозревает о моем существовании. Повинуюсь. Я остаюсь здесь и жду. Если Генерал прикажет мне что-то, отлично. Если я умру в ожидании, отлично. Я буду повиноваться до последнего вдоха. От меня не дождутся ни одного решения. Одни уходят, другие приходят, а я подобен камню на дороге. Камню для Генерала. Если он бросит меня куда-то, я полечу в ту сторону. Если он оставит меня лежать, я в ожидании покорно приму на свои плечи груз пыли. Ангелы Правосудия, вы заставили меня потерять столько времени! Если вы решили стереть мою страну с лица земли, я не в силах этому помешать. Если вы покончите со мной, то уничтожьте мое тело, но не волю к повиновению. Больше ни иллюзий, ни снов! Вас нет! Я включаю телевизор. И возвращаюсь в свой угол, мой Генерал...

Я ХОЧУ СТАТЬ ДЛЯ ВАС ВСЕМ. Я ХОЧУ СТАТЬ ХЛЕБОМ, МОЛОКОМ, КРОВОМ И ВОЗДУХОМ, КОТОРЫМ ВЫ ДЫШИТЕ. Я ХОЧУ СТАТЬ КОЛЫБЕЛЬЮ, КРОВАТЬЮ И ГРОБОМ, А ТАКЖЕ СТОЛОМ И ПЛАТЯНЫМ ШКАФОМ. Я ХОЧУ СТАТЬ ВАШИМ ЖЕЛАНИЕМ И ОБЪЕКТОМ ВАШИХ ЖЕЛАНИЙ. Я ХОЧУ СТАТЬ СЕРДЦЕМ, ЛЮБОВЬЮ, ЛЮБЯЩИМ И ЛЮБИМЫМ.

– Мы уходим... Если мы – три ангела в поисках единственного праведника, то вы тогда...

– Ваши голоса беззвучны! Эти белые лотосы, которые вы достаете из карманов плащей и кладете у моих башмаков без подметок, –

плод воображения! И плод воображения – то, как вы удаляетесь по дороге, склоненные под бурым дождем, падающим с безоблачного неба!

Я ХОЧУ СТАТЬ КАМНЕМ, Я ХОЧУ СТАТЬ ПЕСНЬЮ, Я ХОЧУ СТАТЬ КРЫЛОМ, ПОЛЕТОМ И ПАДЕНИЕМ, Я ХОЧУ СТАТЬ ЧЕРНОЙ ТОЧКОЙ ОТ ВСЕХ РАН. Я ХОЧУ, ЧТОБЫ МОИ СЛУЧАЙНЫЕ ПУЛИ ВСЕГДА ДОСТИГАЛИ ТВОЕГО СЕРДЦА, МИЛЫЙ СВЯТОЙ, ВСЕГДА ДОСТИГАЛИ СЕРДЦА...

– Да, мой Генерал, чтобы всегда достигали сердца! Как это прекрасно: мои губы что-то бормочут, ветер дует, океан ревет, дождь хлещет, ваш обожаемый голос растворяется в шуме бури, мой Генерал! Есть только один звук, только одна музыка, ангелов нет, и я знаю, что это – всего лишь очередной сон!

2. ЭТО СЛЕДОВАТЕЛИ...

– Вы – трое следователей, верно?

– Почему вы так считаете?

– Ну, не потому, что вы носите столичную одежду из тонкой материи – можно быть провинциалом и украсть костюм у заезжего путешественника, вы знаете, что эта местность опасна и кишит бандитами; и не потому, что у вас размеренный шаг, гладкие белые руки, глаза под черными бровями, выдающие иностранное происхождение (тогда я подумал бы, что вы шпионы); но если вы оказались на этой дороге в это время, выйдя из деревни и зная не хуже меня, что до ближайшего поселения сотня километров, – значит, вам доверено некое поручение... Некое расследование.

– Что можем мы расследовать на этой пустынной дороге?

– В том-то и вопрос. Следователям всегда есть что выяснять в якобы безлюдных местах: стоит слегка копнуть – и появятся следы преступления, совершенного поблизости и, возможно, жестокого. Ваш приход сюда – признак того, что следует обнаружить нечто важное.

– Сеньор, послушайте, мы – простые студенты. Мы бредем на удачу...

– Хватит сказок. Я видел, как вы прошли под моим окном, и сразу понял, что здесь кроется тайна. Я последовал за вами.

– Как? Вы никуда не направляетесь, а только идете следом?

– Именно так. У меня свои соображения. Я сказал себе: «Как это в нашу деревню, давно позабытую Генералом, вдруг прибыли три Чрезвычайных Посланника, скрывая свою миссию со всей мыслимой неумелостью, – возможно, желая дать нам понять, что пришел час суда? Кто может похвалиться тем, что за ним не числится серьезного проступка? Те, кто избежали этого днем, впадают в грех ночью, во сне – и я полностью уверен, что эта маленькая деревушка, несмотря на свой сонный вид, хранит в своих подвалах немало тревожных тайн. До Генерала, наверное, уже дошли слухи о наших подвалах. Понемногу, с растущим ужасом, мы открыли, что под каждым домом имеется подполье, множество помещений, идущих все дальше вглубь: там старинная мебель,

машины, там, возможно, обитают целые семьи. Кто осмелится туда проникнуть? Думаю, никто. Не знаю, известно ли вам, что в печных трубах домов постоянно слышен гул, который поднимается снизу. Кое-кто из стариков предрекает в скором времени нашествие свинокротов... Да, сказал я себе, они шествуют по деревне, предоставляя нам судить, простые они путники или нет; но их задание связано именно с нами. Но зачем я говорю во множественном числе? Может быть, ваше расследование касается только меня?

– Как можно так полагать, если мы даже не знали, что вы следуете за нами? Если мы не спрашивали ни о чем человека, все время бредущего рядом?

– Очень просто. Никто не видел вас, кроме меня. Иначе другие тоже пошли бы за вами следом. Я рассудил, что вы появились под моим окном нарочно, прячась от прочих жителей с ловкостью, присущей посланцам Генерала. Ну вот, сказал я себе, пришел мой час. Надо во всем признаться. А самое веское доказательство того, что дело во мне, – отсутствие вопросов. И правда: если вина безмерна, к чему вопросы? Один небольшой вопросик на счет того или иного обстоятельства успокоил бы меня, заставил бы поразмыслить, кто вы – может, любопытствующие молодые люди, которые опрашивают людей для составления фольклорного сборника или чего-нибудь в этом роде. Но это многозначительное молчание свидетельствует о том, что вы храните Великую Тайну. Расследующим пристало не допрашивать, а слушать. Говорить же должен обвиняемый, не ограничиваясь одной, пусть и длинной, фразой, а раскрываясь, словно сундук, вытаскивая на свет то, что хранится внутри.

– Но, сеньор, поверьте, мы не считаем вас виновным и не собираемся ничего выяснять! Мы просто идем на юг, потому что у нас нет денег на поезд.

– Сеньоры, хватит детских оправданий: своей фантастичностью они заставляют меня подозревать, что вы прибегаете к нарочито простым уловкам с целью подчеркнуть вашу подлинную сущность. Умоляю, не идите окольными путями; я знаю, что положение очень серьезно, что на кону моя жизнь, – но пока будет

возможно молить высоких посланцев о милосердии, я не перестану делать это. Вы, конечно, знаете, что из подвала моего дома доносится тошнотворный запах. Но я уверяю, что это не из-за трупов: все началось еще до того, как я замыслил обратить свой дом в общественное кладбище, братскую могилу, которой нам так недоставало. Как должно быть известно Генералу, необычайная быстрота, с которой мы размножаемся, уравнивается большим количеством ежедневных смертей: дома полнятся тройнями, в десять лет женщины зачинают и рожают. Вы, разумеется, открывали хоть одну дверь и видели комнаты, набитые младенцами и умирающими, но все это слишком хорошо знакомо; я превратил свой дом в кладбище, поскольку из подвалов непрестанно исходил запах гниющей плоти и гул миллионов тварей, пожирающих ее. Единственная возможность встроиться в общество, сказал я себе, это стать могильщиком и обратить мой очаг в братскую могилу. С тех пор похоронам не видно конца. Мы придаем умершему позу зародыша, кладем его в шарообразный гроб и сталкиваем с лестницы. Затем слушаем, как он стучается, несясь по ступенькам, все быстрее с каждым мигом. Стук этот теряется вдалеке, но мы знаем, что он не прекращается, что все покойники прыгают по каменной лестнице вплоть до самого дна, которого, возможно, и нет. Наш профессор математики утверждает, что в один прекрасный день с неба хлынет дождь из деревянных шаров и мертвецы посыплутся нам на голову. Да, вот оно, доказательство вины, – запах, идущий из моих окон. Пыль, покрывающая мою одежду, – отличительный знак моего ремесла: «Ибо прах ты...» И потому, сеньоры, я молю о милосердии! Молю, раскройте свою истинную суть, покройте меня ударами, подвергните пыткам, как полагается следователям, отнимите у меня жизнь, если необходимо! В моем кармане лежит остро заточенный нож: такой нож носит каждый житель деревни на случай внезапного вторжения из-под земли.

– Послушайте, сеньор, спрячьте нож, заканчивайте свои рассказы, дайте нам спокойно продолжить путь.

– Продолжить путь? Это значит, что я осужден окончательно и бесповоротно! Значит, вы заранее знаете, что пытки даже не

понадобятся – настолько моя вина чудовищна и очевидна. Вы не палачи, вы следователи. Я знаю, что через несколько секунд Генерал получит ваши донесения и явятся жуткие персонажи, всем нам слишком хорошо знакомые. Видите, в деревне нет электричества. Это чтобы палачи, кружа в ночной мгле, не спустились к нашим бедным домам... Мы живем в полумраке, забившись в самую темную из комнат, стараясь не шевелиться, ведь простой жест рукой может намекать на запрещенный символ; мы не разговариваем, а только лишь исполняем заповедь «Плодитесь и размножайтесь», рьяно и упорно; мы питаемся мхом, растущим на стенах; и все это из-за страха перед пославшей вас организацией. И сегодня я, служа громоотводом для всей деревни, стану жертвой хищной стаи. Лучше уж наложить на себя руки!

– Бросьте свой нож, сеньор, перестаньте вырываться и рыдать, мы крепко вас держим, не мешайте нам. Надо разорвать вашу рубашку, вот так, теперь мы забинтуем рану на шее, которую вы сами себе нанесли. Без глупостей. Вы ошиблись. Мы заговорщики! Как и вы, мы – против Генерала.

– Вот это похоже на правду! Ни один следователь не осмелится назвать себя заговорщиком. Генерал не разрешит этого даже в высших целях. Следователь молчит, придумывает себе невинное занятие, но всегда малоподвижное, так, чтобы гражданин в любую минуту чуял за собой слежку. Зачем могущественным Органам играть в прятки? И напротив, когда их нет рядом, все живут, не сознавая главного в себе: своей вины. Когда же появляются следователи, все скрытое выплескивается наружу, греховная пена лезет из каждой двери. Итак, вы заговорщики? Превосходно! Ничего не рассказывайте, я не желаю знать, против кого вы боретесь: это знаете только вы – а может, и не знаете. Прежде чем вылиться в борьбу, заговор становится умонастроением. Генерал настолько вездесущ, что устраивать заговор против него невозможно. Куда направить удар? Как поразить жизненно важную точку? Он перемещается настолько быстро, полон такой энергии, что фактически непобедим. Некоторые из образованных людей – к ним принадлежу и я, – полагают, что заговор возникает первоначально на уровне мыслей, затем, переместившись в область

эмоций, захватывает сознание и, наконец, приняв форму твердого намерения, вынуждает гражданина покинуть свой город, свою работу, свою семью и скитаться, постоянно скрываясь; путешествовать без цели, разговаривать вполголоса на самые расхожие темы; менять пароль и отзыв каждые две минуты, не доверять никому и, прежде всего, себе. Да, вы в точности отвечаете образу заговорщиков. Вы сказали правду, желая спасти мне жизнь, но сами оказались под подозрением – и в опасности. Птицы могут запомнить и воспроизвести ваши слова. Видите того грифа? Он все время следовал за нами. Но я помогу вам бежать! В ста метрах отсюда есть бензоколонка. Как раз сейчас там должен стоять грузовик, который отвозит человеческие экскременты на завод удобрений. Шофер никогда не осматривает свой слишком пахучий груз. Пользуясь этим, я совершил несколько коротких поездок в ближайшую деревню безо всякого поезда. Я ездил туда из-за своего зонтика. Вы знаете про зонтик?

– Спасибо, сеньор, мы очень вам признательны и уверены в том, что ваш вклад в великое дело, пусть и скромный, не будет забыт. Хотя наши жизни мало чего стоят, заговор получил дополнительную поддержку...

– Сеньоры, каждый гражданин не только виновен в чем-то, он еще и участник заговора. Мы восстаем не против конкретной идеи, а против идеи, которую выдвигает в данный момент Власть. Суть обвинений против нас ясна, но кто укажет, в чем именно заключается вина? Любая новая идеология отличается от предыдущей. С каждым новым поворотом у Генерала возникает новое чувство вины. Дело в том, что истинный заговорщик борется не с режимом как таковым, а с собственной виной. Или, точнее, не с ней, поскольку вина неуничтожима, а с чувством вины. Заговорщики пытаются так натренировать сознание, чтобы человек принимал вину и, несмотря на нее, чувствовал себя абсолютно правым. Никто не преследуется за наличие рук и ног, так чего же бояться, если вина – это наша душа? За это я и восхищаюсь вами: не за бесстрашие – вы испытываете страх – а за то, что, невзирая на террор, вы укоренили в себе заговор, превратив свою жизнь в вечное бегство. В наших темных комнатах хранится неисчислимое множество

рукописей – известно, что Генерал сжигает их, так как не верит в письменное слово, – и там говорится о заговорщиках, проходивших до четырехсот пятидесяти километров. Существуют легенды о том, что Земля круглая и эти смельчаки возвращаются в начальную точку. Мы собираемся по несколько человек и читаем эти страницы умирающим как последнее утешение, хотя они так умножились, что стали господствующим классом. Они отдают приказания, устраивают в страшной тесноте и давке подпольные танцевальные вечера, насилюют прекраснейших девушек, расставаясь с жизнью, напиваются, избивают своих детей; они захватили в свои руки весь мох и наедаются свежей порослью, оставляя на долю живых гнилье и сушняк... Но когда твой сосед заболел и оказался на пороге смерти, все меняется: на время агонии вся деревня у его ног. Наша молодежь рассчитывает подцепить серьезную болезнь, чтобы агония наступила побыстрее... Но я заболтался, вас ждет грузовик. Пойдемте туда, но только тихо; этот совет, конечно, бесполезен, ибо заговорщики способны передвигаться бесшумнее кошек. Вот мешки, небольшие, но если расстелите их сверху, то не измажетесь почем зря. Ну да, ботинки немного пострадают, ведь вам придется вступить в кучу экскрементов прежде, чем расстелить мешки – но в конце концов, за свободу приходится платить. Нет, не двигайтесь, а то запачкаете рукава! Прощайте! Я обязан вам жизнью.

– Теперь, когда грузовик завелся и мы расстаемся, скажите, сеньор, что было внутри зонтиков?

– Ах, предатели! Грузовик уже уехал, мне никак вас не достать! Вы следователи! Только следователи могут спрашивать, что внутри зонтиков! Горе мне и всем нам! Меня раскрыли!

3. ЭТО СТАРИКИ...

– Словно больное животное, грузовик со своей всегдашней бестроитой пытается нагнать судьбу, но та с каждой ночью становится все дальше. Убаюканные ровным гулом мотора, трое стариков, чьи сухие языки уже не перемальвают слов, едут, боясь измазаться испражнениями. Уже не один час я, спрятавшись за грудой мешков, наблюдаю причудливые узоры из морщин на раздувающихся ноздрах. Жалкое увядание! И хотя мое сморщенное тело покрыто язвами и струпами, хотя мне уже за сто пятьдесят, я выгляжу изящно даже в этих лохмотьях, двигаюсь – оцените – будто большая крыса, уверенно и проворно перемещаюсь в этих отбросах, среди которых чувствую себя свободно... Добрый вечер, друзья!.. Не вскакивайте с места, а то испачкаете себе руки, я не кусаюсь. Зубов-то давно нет... Дайте мне подползти поближе и обнюхать вас... Это... ммм... отвратительный запах чистого тела! Вы работали, ставили себя высоко, мылись, надеясь изгнать всяческую гниль из своего мирка, и вот оказались здесь, подобно всем старикам. Общество выкинуло вас, как выкидывают камешек из башмака!

– Сеньора, мы здесь не из-за нехватки денег. Мы не знали, что в грузовике кто-то есть. И мы готовы немедленно сойти, если наше присутствие стесняет вас.

– Старые дураки! Куда вы пойдете, три развалины, если спрыгнете с грузовика? К нелепой смерти: койоты сожрут вас в донках. А оставшись здесь, вы, по крайней мере, послужите удобрением. На фабрике вас измельчат, и, смешанные с дерьмом, вы удобрите землю отечества, породившего вас.

– Сеньора, мы уже сказали, что...

– Заткните пасть! Я все слышала! Может, я и слепая, но никак не глухая. Я даже слышу то, что люди не способны услышать. Вот, например, черви поют, пожирая трупы. Другие видят ужас разложения, я же слышу небесный хор.

– Вы ошибаетесь, мы вовсе не старики....

– Перестаньте пороть чушь. Вас выкинули на помойку, истребленных, обескровленных, одна кожа да кости, – а вы настаиваете, что вовсе не состарились, цепляясь, точно пиявки, за каждое

мгновение, не желая признавать, что судно идет ко дну, что соляная статуя растворилась в океанской воде, что все слова улетучились, что пустота уже разверзла свое бездонное лоно...

– Сеньора, повторяем еще раз: мы путешествуем с севера на юг в научных целях...

– Ха! Эта дорога бесконечна, никто еще не проехал по ней с начала до конца. Полоса сухой, унылой земли между морем и Андами, миллионы, миллиарды километров одно и то же. Но никто не хочет принести себя в жертву: все желают продолжить путь, несмотря на смертельную скуку. Давайте сойдем и удовольствуемся одним куском дороги!

– Сеньора, ваша философия нам ясна, но, похоже, вы нас путаете с....

– Довольно иллюзий! Вы больше не принадлежите миру, отныне вы – лишь часть груза. Погрузитесь же в теплое и темное вещество! Пусть вас утащат вглубь! Не сопротивляйтесь!

– Сеньора, хватит! Не вынуждайте нас защищаться! Уберите свои когти от наших плещей!

– Ох! Вы едва не сломали мне обе руки, но я вам сочувствую. Несчастливая падаль! После сладких снов вы вернулись к мерзкой плоти. Дайте-ка я пороюсь среди мешков: там должен быть переносной телевизор, который все обязаны иметь по закону, под страхом смертной казни... Батарейки в порядке, все работает... Поприветствуйте могучий, героический торс Генерала, поглядите на меня рядом с ним и сравните... И все же меня, как и вас, переполняли иллюзии. Я была его первой женщиной. Мы вместе поднимали эту страну. Я помогала ему соорудить дорогу. Сколько надежд, сколько нерастроченных сил! То был небольшой кусок доброй, душистой земли. Мы питали ее асфальтом, ласкали ее, вылизывая, словно любимого ребенка. Мы устраивали на ней любовные игры, бурно совокупляясь. И верили, что нашему счастью не будет конца. Но вскоре дорога начала строиться сама собой, вытягиваясь вдоль моря, словно бесконечная стрела; покрытие вздыбилось, постройки развалились; все сделалось ненадежным. Мы переселились в палатки, а между тем почва ускользала из-под ног – в ночь, в будущее, которое уже не станет

нашим... Я принялась стареть. Генерал не мог себе такого позволить – должность не позволяет ему. Он обязан быть верным своему образу, оставаться неподвижным посреди бегущих волн. Это тяжкая доля – приносить себя в жертву. Не знаю, как ему это удастся: лицо его такое же, как в прошлом. Ни единый волосок не выпал из усов... А я быстро скатывалась вниз, покрывалась морщинами. Он предпочитал не замечать этого, вынуждая меня заливаться фальшивым смехом, возводить защитную стену из косметики – пока я не стала совсем уродливой. И однажды вечером он разразился рыданиями, прикинув к моему иссохшему лону. Я попросила его подыскать вместо меня молодую самку – она подчеркнет мужскую силу Генерала, чтобы народ почитал его священный пенис. С тех пор множество женщин перебивало в его походной кровати. Но наша любовь осталась! Никто не может нас разлучить. И сейчас, глядя с холодного экрана, Генерал обращается ко мне одной. Ко мне одной... Ах, любовь моя, твой голос заставляет меня неистово плясать посреди испражнений...

ОТ МОЕГО МОСТА К РЕКЕ ТВОЕЙ КРОВИ,
ОТ МОЕЙ ЖАЖДЫ К СТАЕ ТВОИХ ОКЕАНОВ,
ОТ МОЕГО МОЛЧАНИЯ К ТВОЕЙ СМЕРТОНОСНОЙ
ПЛЯСКЕ,
БЕСПРЕДЕЛЬНАЯ ДОЧЬ, МАТЬ МОИХ ПОЦЕЛУЕВ,
ЧРЕВО, ГДЕ КОНЧАЕТСЯ ВСЕ И РОЖДАЮТСЯ НАЧАЛА,
КРОВЛЯ МИРА, СВОИМИ ЧЕТЫРЬМЯ ГУБАМИ
ТЫ УВЛАЖНЯЕШЬ СКОЛЬЗЯЩУЮ ТЕНЬ.
ЖИВИ, СЛОВНО ГОЛОДНАЯ ПТИЦА,
В МОЕМ СЕРДЦЕ!

– Хочу просунуть голову через экран! Хочу целовать твой сказочно гордый рот! Хочу, точно свинья, отрывисто хрюкать! Хочу швырнуть тебе в лицо потроха моей души!

– Мы соболезуем вам, сеньора, и разделяем вашу скорбь. Мы уверены, что Генерал страдает так же, как и вы.

– Заткнитесь, жалкие старики! Кто страдает? Какая еще скорбь? Между нами все по-прежнему. И будет по-прежнему. Хотя

пространство и время разделяют нас, – мы вместе. Он – высоко в духовном центре, а я – здесь внизу, среди гнили. Два конца одной палки. Я не существую без него, но и он – ничто без меня. Хотите знать правду? Дайте я выключу телевизор, чтобы он не слышал... На свои сбережения я покупала акции – и в конце концов стала владелицей фабрики удобрений. Мне принадлежат все экскременты в стране! Если я остановлю производство, растения засохнут, земля обратится в пустыню и Генерал останется ни с чем, отдавая приказы в полной пустоте.

– Мы понимаем, сеньора: от ваших трудов зависит судьба отчества...

– Нет, не понимаете. В этой жизни ласки всегда чередуются с ударами. Я не говорю о вас: старые развалины, вы не способны сжать руку в кулак. Я говорю об этой жиже: теперь нельзя доверять даже испражнениям! Если поднять мешки, устилающие низ кузова, то обнаружатся лотосовые бутоны. Поглядите на цветы: сладострастный оттенок, коварный запах, восемь лепестков, раскрытых навстречу свету, «жизни», «сознанию», «красоте»... Никто не скажет, что они – порождение зловонного, полужидкого, коричневого уродства. Не знаю, откуда бутоны берутся, но они – сущее проклятие. Они появляются в глубине отбросов и с дьявольской быстротой пробивают себе путь на поверхность, чтобы устремиться, подобно безумному крику, к луне или звездам. Но если зажечь спичку, бутоны повернутся к пламени, жадно похрустывая, а с горячих лепестков закапает сахарный сок... Мой темный груз смиренно движется в ночи, сквозь мертвенную тишину, и вскоре – святотатство! – покрывается сверху похотливой порослью. А я, дрожа от жара, с горящими глазами, с ноздрями, изъеденными запахом иного мира, проезжаю сотни и сотни километров, пытаюсь извести эту мерзость... Смотрите, еще один! Наглое чудовище, тебе не жить! Ради бога, соберите остатки сил, помогите вырвать эту заразу! Хочу, чтобы моя фабрика оставалась чистой, совершенной в своей нечистой сути! Не заставляйте меня просить и дальше... Возьмите меня за пояс, тяните, сделайте нечеловеческое усилие! Проклятие! Стебель сломался, мы ничего не добились. Никогда не получается выдрать их из этой

гуши. У всех цветков общие, невидимые корни. Думаю, что они рождаются не в грузовике, а где-то дальше. Могучие корни их спускаются к колесам и, точно длинные, бесконечные нити, тянутся к центру планеты... Поглядите же! Вот я копну здесь... Еще три лотоса! Стоит только вырвать один, как десяток хищных цветов появится в другом месте, раскрывая белые соцветия. Затем прилетают тучи жадных до лакомства пчел, проникающих внутрь этих нежных влагалищ, густой нектар течет рекой, пчелы звенят от наслаждения – и я схожу с ума, начинаю тереть себе соски, раздвигать бедра, прикасаться пальцем к своему лону. На помощь, мой Генерал! Стащи меня с вершины, дай слететь в пропасть! Хватит! Когда груз доедет до фабрики, он будет уже потерян. Злополучные лотосы сожрали все, не осталось ни капли испражнений... Если эта напасть похитит у нас всю гниль, что станет со мной, с нами, с этой героической страной? Я просила Генерала, чтобы он посылал мне по разумной цене, со связанными руками забастовщиков, тяжелобольных, стариков, саботажников, нерадивцев, смутьянов, всех иностранцев... Знайте же! Страна уже много лет живет не за счет обычных удобрений, ставших бесполезными из-за лотоса. Отеческая земля живет благодаря смеси из мяса и костей, получаемой путем тщательного измельчения бесполезных граждан... Понимаете теперь, почему я столько говорю? Почему трачу время, стараясь убедить вас? Утоните в моем жалком дерьме! Обогадите его своими высохшими телами! Эту нужно не мне и не стране: это нужно Генералу! Каждый гражданин, принесший себя в жертву, означает новую улыбку на его лице.

– Большое спасибо, сеньора, но мы не чувствуем в себе призвания удобрять землю. Новые улыбки Генерала оставляют нас равнодушными. Мы лучше спрыгнем с грузовика. Прощайте!

– Нет! Вы не можете так поступить! Я научилась прыгать, как паук, чтобы подчинять непокорных и стирать их в порошок! Что это такое? Тучи не плывут против ветра, волны не катятся прочь от берега. Кто вы такие? Вы, похоже, конченные люди, но позволяете себе искать благополучный исход. Что скрывается за этими очками? Сорвем их! О мой Генерал, их взгляд сверлит мне глаза! Скорее, я больше не могу, наденьте обратно!

– Но. сеньора, наши глаза – такие же, как у всех.
– Не лгите! Я увидела там бездну.
– Вы почти слепая.
– Мои глаза слышат! Вы старше самого времени. Вы – носители лотосовой чумы. Вы заполните землю, море, горы своими цветами. Вы будете умножать жизнь. Мы умрем среди пчел и аромата!

– Сеньора, перестаньте бредить. Как можем мы уменьшить ваши страдания?

– Не издевайтесь. Вы ничего не можете. Зло уже совершилось. А теперь прочь!

– Мы должны сказать вам...

– Нам нечего сказать друг другу! И вы не убедите меня в обратном! Вон с грузовика!

– Извините, сеньора, это все ваши галлюцинации! Нет никаких цветов. Вы нам показываете не растения, а ржавую проволоку!

– Прочь отсюда, лжецы! Проклинаю вас от всего сердца! Прочь, говорю!

– Эта напасть, сеньора – всего лишь плод вашего воображения.

– Нет, это вы все искажаете! То, что станет хлыстом в моих руках – стебель лотоса, а вовсе не ржавая проволока! Трусы! Достаточно намек на угрозу, чтобы вы спрыгнули с грузовика и, как жабы, разбежались во мрак! Я возвращаюсь к тебе, Генерал. Я включаю телевизор. Ты появляешься, плача, как ребенок. Я тоже плачу. На небо медленно выплывает луна, сквозь испражнения пробиваются лотосы, делая всю поверхность моего груза белой... Все шло отлично. К чему нам было настоящее? Священная рутина позволяла нам жить, не покидая нашего участка дороги. Все менялось, кроме нас. Прошлое диктовало свою волю будущему. Наш мир вращался вокруг тебя, высокой мачты, описывая совершенный порочный круг. Но вот пришло страшное время жирных коров. Появился новый мир – мир Сознания. Святой мрак, длившийся бесконечно, рассеялся. Горе всем нам! Я гибну в густолистном саду! Я слышу гудение сотен и сотен пчел! Я – сама тьма!

4. ЭТО ПОСЛАННИКИ...

Мы неумоимо идем под стенания ночи, словно говорящей: я никогда не закончусь. Дорога, зажата между Морем и Андами, походит на змеиный труп. Ни единой птицы. Лишь наверху, на обрывистой вершине, обширное гнездо кондора, полное костей, раздражается облачком пыли от мертвых ветвей, словно небольшой угрюмый вулкан. Слышен сигнал тревоги. Мы проходим мимо угольной шахты, откуда несется почти та же пыль, что из гнезда, но ее несравненно больше. Двухсоткилограммовый рабочий с трехцветным поясом удаляется, кашляя, вглубь черной дыры. Рядом с ним охранники в армейских касках, с дубинками и винтовками, преграждают путь толпе женщин, аплодирующих и кричащих от радости. Толстый Делегат пытается их успокоить, маша потной рукой. Мы подходим к нему. Странно: никто не мешает нам, никто с нами не заговаривает, не смотрит на нас. Для них мы невидимы.

– Спокойно! Не толкайтесь, сеньоры! В порядке очереди! Верьте мне, вашему Представителю! Мой вес не позволяет мне двигаться так быстро, как того требует важность момента! Делается все необходимое! Вы можете видеть останки ваших мужей! (Проклятые взрывы! Подъемник так и не починили! Чего они ждут?) Итак! Выживший! Он карабкается по канату! Да заткните же эту сирену! Смелее, товарищ, дай руку! Я понимаю, что ты не можешь, потому что рука осталась одна. Не беспокойся. Руку протяну я сам... А, понял: он хочет выбраться без посторонней помощи! Я не буду лишать его этого величайшего торжества. Вот он на краю шахты, брат-горняк. Как он прекрасен – с обрубком руки, в рваной робе, испачканный кровью и угольной пылью! Аплодисменты, сеньоры! Поприветствуем эту улыбку на его лице, гордую и счастливую одновременно! Достоянейший из рабочих, я хочу тебя обнять от имени Генерала! Как все прошло на этот раз?

– Удача была с нами, Делегат! Самый мощный из беззвучных взрывов! Мы побили национальный рекорд! Все погибли!

– Все? Ты уверен?

– Уверен! Я выбрался чудом. Там тысячи шахтеров, разорванных на куски. Мусоросборочные машины подбирают останки. Огромный холм из мяса. Никого не опознать. Мы ликуем, уважаемый делегат: шахта войдет в историю!

– Да, товарищ, и ты, как единственный выживший, войдешь в историю вместе с ней!

– Спасибо! Слава Генералу! Я умру счастливым!

– Аплодисменты, сеньоры! Когда шахтер уходит из шахты, там поселяются жабы. Когда в шахте поселятся жабы? Никогда! Потому что шахтер никогда не уходит из шахты. Этот прославленный калека, превращенный в чучело, будет спускаться с нами вниз, каждый день, как талисман! Он по-прежнему станет обрабатывать свои двенадцать часов ежедневно! Мы никогда не забудем его! Пять секунд молчания в его честь!

– Пока все приветствуют, застыв, Генерала на экране гигантского телевизора, мы попробуем привлечь внимание этого шарообразного человека... Сеньор Делегат, можем ли мы помочь вам?

– Что? Кто это говорит?

– Мы трое.

– Где вы?

– Вероятно, вы не видите нас?

– Нет. Возможно, это Анды доносят до меня эхо ваших голосов.

– Мы рядом с вами. Прикоснитесь к нашим рукам: вот они.

Проведите пальцами по телу...

– Да, правда, вы рядом! Три долгожданных Посланника! Эта минутная слепота – должно быть, результат взрыва. Но она не мешает мне ощутить, насколько легка ваша одежда. Видимо, вы одеты по-летнему. От Генерала всегда исходит сильнейшее тепло. Здесь вы простудитесь. К счастью, у нас есть роскошные кожаные мантии, усыпанные драгоценными камнями, – они остались от прошлых посещений. Вы можете ими воспользоваться. Да! Теперь, в мантиях, я вижу вас, досточтимые Посланники Ордена Священного Забвения! Как хорошо, что вы прибыли так быстро! Раньше проходили целые месяцы... Слава Правительству – оно работает все эффективнее!

– Сеньор Делегат, мы не понимаем...

– Неудивительно! Эти взрывы – никто не понимает, отчего они. С обычными взрывами никаких сложностей. В шахтах всегда случаются утечки газа, и достаточно малейшей искры, чтобы прогремел целебный гром. Местные жители это понимают и принимают как должное. Вот причина, вот следствие. Наши же взрывы беззвучны и не имеют причины. Все меры безопасности приняты, наблюдение ведется неусыпно, никто не допускает роковых оплошностей... и внезапно в спертom воздухе какой-нибудь дальней галереи возникает яркий пучок света, который в доли секунды становится грозным, как солнце. Шахтеры, ослепленные этим невыносимым сиянием, испускают крики – но крики наслаждения, а не боли. Кожа слезает, кровь закипает, мозг становится алмазом, все бесшумно рушится. Тишина заполняет мир – и в течение одной бесконечной минуты земля содрогается, птицы замолкают, волны немеют, ветер перестает свистеть, собаки не могут исторгнуть из себя лай, Генерал теряет дар речи. В темноте галерей гуляет зловеющий дух, воплощение несовершенства мира, светоносный хищник, чья цель – подорвать у нас все основы. Главное – не понять, откуда он взялся, а уничтожить его. Вы поможете нам от имени Генерала! Спасибо за то, что прибыли так вовремя!

– Мы оказались здесь случайно. И ничего не знаем о происшествии. Нам не хотелось бы вступать в борьбу с таким врагом – если он таков.

– Да, именно! Генерал желает, чтобы мы поступали так, как вы! Достойный пример! Не зря вы принадлежите к Высшему Орденоу Священного Забвения! Верховный вождь открыл нам истину: вещи существуют постольку, поскольку мы в них верим. Вера – двусторонний меч, иногда она способна порождать чудовищ. Мы обязаны напроочь отвернуться от этого преступного явления природы! Все, больше мы не верим в беззвучные взрывы! Их нет! Пусть этот случай, как и другие – впрочем, какие другие? – сотрется из нашей памяти! Нет – национальному трауру! Да – национальному ликования! Скажем всем присутствующим: «Ура! Да здравствуют Посланники! Да здравствует Генерал! Вот подарки от них!» Семьи рабочих с нетерпением ждут: какая честь для этих женщин – быть, во-первых, принятыми, а во-вторых, утешенными тремя высокими

Посланниками! Я знаю, в этих мешках – медали, сигареты, шоколад! Заткнем же конфетами рты, искаженные рыданием! Каждому по награде! Двадцать сигарет на душу!

– Сеньор, вы путаете... Мы...

– Вы щедры, конечно же, щедры! Двадцать одна сигарета на душу!

– Хватит! Мы должны все объяснить...

– Правильно, хватит! Хватит слов! К делу! Открывайте мешки! Начнем раздачу! Праздничная музыка! Увеличить громкость телевизоров!

БЛАЖЕННЫ БОГАТЫЕ, ИБО ИХ ЕСТЬ ЦАРСТВИЕ НЕБЕСНОЕ! ПРОКЛЯТЫ АЛЧУЩИЕ И ЖАЖДУЩИЕ ПРАВДЫ, ИБО ОНИ УМУРТ, НЕ НАСЫТИВШИСЬ! ПРОКЛЯТЫ ПЛАЧУЩИЕ, ИБО ОНИ БУДУТ ПЫТАНЫ! БЛАЖЕННЫ ЧЕРНЫЕ СЕРДЦЕМ, ИБО ОНИ УЗРЯТ МЕНЯ ВО ПЛОТИ! РАДУЙТЕСЬ И ВЕСЕЛИТЕСЬ: Я МЕЖДУ ВАС, НО Я И ВНУТРИ ВАС! АЛИЛУЙЯ! Я – ГЕНЕРАЛ!

– Настрадавшийся народ! Мой скрипучий голос звучит после бесподобного гимна, после речи нашего Первого и Единственного! Мой скромный долг Делегата повелевает сказать: всякое несчастье есть повод для торжества! Подадим же пример и обратим наше горе в демонстрацию патриотизма! Осталось лишь начать празднество: пока прочие должностные лица еще в пути, мы видим здесь трех высоких Посланников Ордена Священного Забвения! Примем же их с чувством искренней, бескорыстной дружбы и, положив в наши полные горечи рты веселую смесь из шоколада и табака, прокричим в честь Посланников троекратное «ура!», пока из дымящегося жерла шахты, благодаря починенному лифту, поднимается колоссальная гора кровавого мяса! Благодарим вас за горячие аплодисменты. Товарищи охранники, принесите весы, двадцатикилограммовую гирию и пластиковые пакеты, дабы приступить к выдаче останков!

– Опять выдача? Как можно веселиться в такой обстановке?!

– Здесь у нас все решается по справедливости, досточтимые Посланники, без рассуждений и споров! Трупы не поддаются опознанию, и потому каждая вдова получает по двадцать кило останков!

– Не может быть!..

– Да, вы правы, такого не может быть. Обычный покойник не весит двадцать килограммов. Но при таких взрывах семьдесят процентов тела испаряется. Тридцать оставшихся процентов надо распределить поровну. Это несложно. Кроме того, тем самым уменьшается размер гроба и могилы, что дает немалую экономию в средствах!

– Послушайте, сеньор, мы устали от того, что вы нас за кого-то принимаете! Мы не желаем принимать участия в этой отвратительной выдаче!

– Досточтимые Посланники, я вижу, что мой предшественник – к счастью, исчезнувший благодаря взрыву, – не выказывал по отношению к вам должной тонкости. Я не допущу подобной ошибки и не дам вам касаться останков. Это для нас, шахтеров: наши чувства притупились в угольных разрезах, и мы можем спокойно управляться с развороченной плотью. Более того – раз я представляю всех своих товарищей, мне принадлежит честь распределять все это! Я засучиваю рукава, беру несколько кусков – в том числе, скажем, мизинец, дабы придать всей операции некоторое изящество, – и кладу их на весы, пока не выйдет ровно двадцать кило. Дайте нож. Здесь на двести граммов больше, надо немного отрезать. Теперь точно! Вы довольны, господа Посланники? Ни одного пятнышка крови на ваших мантиях! Я подал пример, и сейчас мои подручные продолжают выдачу. Позвольте вдовам подойти ближе! В очередь! Спасибо за бурные аплодисменты и воздушные поцелуи! Э-э, женщина, ведите себя прилично! Не стоит становиться на колени и вылизывать обувь трех высоких особ. Ваша слюна, коричневатая от шоколада, может ее испортить...

– Сеньора, встаньте, пожалуйста! Мы никто.

– Зато Генерал – всё, верные Посланники! А вы ведите себя учтиво, лучше преклоните колени перед телевизором, чтобы Генерал воспитал и напитал вас своим голосом.

ШАГ ЗА ШАГОМ
Я ПРИБЛИЖАЮСЬ К ТВОЕЙ ЧЕРНОЙ ДУШЕ:
ПОЦЕЛУЙ ЗА ПОЦЕЛУЕМ,

Я ВЛЕЗАЮ НА ТВОЕ БОЖЕСТВЕННОЕ ДЕРЕВО;
СОН ЗА СНОМ,
Я ГРЫЗУ ТВОЮ КАМЕННУЮ АРФУ;
ОКО ЗА ОКО,
Я – СОЛНЦЕ ТВОЕЙ СУДЬБЫ...

– Идите сюда, сеньора! Получите символическое тело своего мужа! Двадцать кило, в точности! Не раскрывайте рта! На каждом празднестве после взрыва все благодарные вдовы, получая траурный пакет, произносят одну и ту же мужественную речь: «Возлюбленный Генерал, Посланники Ордена Священного Забвения, Делегат! Мы здесь, чтобы служить, и потому не положим эти почтенные останки в бесплодную могилу, нет, мы отнесем их в квартал охранников, – пусть героические служители порядка накормят ими своих собак, ревностных и самозабвенных четвероногих, которые выбиваются из сил, возвращая отступников обратно в загон!» Будем считать, что вы сказали то же самое, поплодируем изо всех сил и украсим обильную грудь новыми наградами! Ни одна женщина не уйдет без своих двадцати кило! А пока мы упаковываем все это мясо, пусть голос Генерала воодушевляет нас!

СВОБОДА НАЧИНАЕТСЯ С ОБУЧЕНИЯ ЛЮБВИ!
ТВОЕ ЛОНО – ЕДИНСТВЕННЫЙ ХРАМ ДЛЯ МЕНЯ!
ХОЧУ, ЧТОБЫ МУМИЯ ТВОЯ ОБРАТИЛАСЬ В БАБОЧКУ!
В ЭТОМ МГНОВЕНИИ НЕТ НИЧЕГО ЛУЧШЕ, ЧЕМ ЭТО
МГНОВЕНИЕ!
ИЗМЕНИВ НАШУ ЖИЗНЬ, МЫ ИЗМЕНИМ НАШУ
СМЕРТЬ!
НАСТОЯЩЕЕ ЕСТЬ ПОЛНОЕ ОСОЗНАНИЕ СЕБЯ!
Я – МЕСТО, КУДА УСТРЕМЛЯЮТСЯ ТВОИ МОЛЬБЫ!
Я ДАЮ ТЕБЕ СВЕТ, НО ОТНИМАЮ ТЬМУ!
ЕСЛИ ХОЧЕШЬ ОБРЕСТИ ПАМЯТЬ, ОТДАЙСЯ ЗАБВЕ-
НИЮ!
СУТЬ ПОЗНАНИЯ – В ПОЗНАНИИ СУТИ... АРРР... АРРР...

– Стоп! Генерал потерял дар речи! Птицы замолкают, волны немеют, ветер перестает свистеть, собаки не могут исторгнуть из

себя лай, тишина заполняет мир! На помощь! Аррр... земля... содрогается... Новый... ввв...

Мы не знаем, почему вдовы, служители порядка и толстый делегат шатаются, задыхаясь, валятся на землю, корчатся в эпилептическом припадке. Звуки не умолкают, почва неподвижна. Доказательство этому – то, что мы втроем остаемся стоять посреди всеобщего падения...

АРРР... АРРР... НЕЛЬЗЯ ГОВОРИТЬ О РАЗДЕЛЕНИИ,
ЕСЛИ НЕ БЫЛО ЕДИНСТВА!
ЧТО ПОСЕЕШЬ В СЛАВЕ, ВЗОЙДЕТ В УПАДКЕ!
ВАЖНО НЕ НАХОДИТЬ, А ДАРИТЬ!
ТЫ ПОЛУЧИШЬ НАЗАД ТО, ЧТО ДАЛ!
ПОЭЗИЯ – ЭТО ЛОВУШКА!

– Генерал вновь обрел голос! Вставайте, товарищи, вольно! Все позади... Что будем делать? Взрывы случаются все чаще.

– Нам наскучила эта игра! Нет никаких взрывов! Земля не дрожит! Это вы дрожите!

– Я не согласен с вами, досточтимые Посланники. Дело в том, что земля дрожит только для нас, но не для вас.

– Звуки не исчезли: волны шумят, собаки не прекращают лаять. Это вы оглохли!

– Нет. Вы ошибаетесь, уважаемые Посланники. Дело в том, что мир замолк только для нас. Мы отличаемся от вас.

– Никто не валил вас! Вы бросились наземь, а мы продолжали стоять!

– Нет и нет. Вы говорите неправду, сеньоры. Дело в том, что вы невесомы, в то время как мы испытываем воздействие силы тяжести.

– Вы ничего не понимаете! Обманываете самих себя!

– Нет, нет и нет! Суки, вы меня задолбали! Поглядите, козлы: они пусты! Это простая видимость! Вам нужно не быть, а казаться!

– Браво, делегат! Наконец-то вы заметили! Наконец-то кто-то понял, кто мы такие!

– О-о! Что я сказал? Как я мог? На коленях молю великолепнейших Посланников Ордена о прощении! Кошмарный промах!

От взрыва я совсем потерял голову! Но что такое? Автоматные очереди? Трое в масках кричат: «Бросайте оружие, собаки! Первому, кто пошевелится, вышибем мозги!» Спокойно, сеньоры: видите, мы подняли руки и положили оружие. Мы не оказываем сопротивления. Делайте с нами, что хотите, но умоляем – пощадите Посланников – их персоны священны. «Моя задница священна!» Кровь стучит у меня в висках: как можно так отвечать? Откуда вы взялись? В какой ночлежке родились? Бейте меня в живот прикладом, но не хватайте за лацканы высоких посланников и не трясите их так неистово. Совершенно не стоит называть их «дерьмовыми кровопийцами». Не стоит угрожать им со словами: «У вас есть все, а у нас нет ничего, так что мы разденем вас и вырвем кишки!» Эти нелюди – покарайте их, мой Генерал, ибо ведают, что творят, – осмелились сорвать драгоценные мантии с несчастных Посланников.

Странно. Сняв с нас мантии, нападающие застывают, как вкопанные. Те, кто вышел из шахты, опускают руки. Один из бандитов протирает себе глаза и орет: «Где, мать его за ноги, этот ублюдок?» Делегат щиплет себя за руку, пораженный: «Они исчезли. Генерал покарает нас. Вернитесь, уважаемые министры! Простите наши грехи! Сжальтесь!» Трое в масках бьют его по губам. «Заткни пасть, жирный тюлень! Эти трусы не сделались невидимыми, а просто сбежали, ублюдки! Срали мы на Генерала! Выключить телевизоры!» Когда экран гаснет, поднимается ветер. Потом он переходит в ураган. Нам жарко, но остальные дрожат, словно от арктического холода. Синие нападающие, постукивая зубами, из последних сил закутываются в наши мантии. Ветер немедленно стихает. Зажигаются экраны.

**ВЫ ГОВОРИТЕ О ЖАЖДЕ В МИРЕ, ГДЕ ВСЕ ЕСТЬ ВОДА!
ВЫ ДОЛЖНЫ СТАТЬ ЧЕРНЫМ СОСУДОМ, ВМЕЩАЮЩИМ
ВСЕ МОИ СОЛНЦА!**

Мы не понимаем ничего, все вокруг не видят нас. Подлый толстяк, смешно напрягаясь, поднимает с места свои двести кило и почтительно склоняется перед нападающими, словно это мы, – а

между тем тысяча статистов изображает улыбку: «Досточтимые Посланники Ордена Священного Забвения, беззвучные взрывы вызвали у нас видения! Нам показалось, будто наглые бандиты лишили вас мантий, а затем вы исчезли. Чушь! Вот вы перед нами! Продолжаем праздник!» Нападающие ведут себя не как раньше: они кладут автоматы и отвечают на горячие овации вельможными жестами. «Да, возлюбленный наш народ, продолжаем праздник! Мы выполнили первую часть миссии, возложенной на нас Генералом: отдать долг уважения вдовам. Все получили награды. А теперь...» Толстяк, раздувшись, кажется, еще больше, истерически хлопает с радостным видом и прерывает говорящего: «...А теперь настает восхитительная вторая часть: утешение! На смену мертвому солдату идет живой! Следует набрать без промедления новых шахтеров! Сеньоры Посланники, видите этих могучих жеребцов? Они способны осеменить до тысячи женщин в сутки. А наши вдовы, самые плодовитые самки в округе, в течение девяти часов рожают сыновей, вырастающих за ночь больше, чем обычный ребенок за год. Достаточно двух недель, чтобы в шахту спустилось новое поколение крепких горняков. Прекрасный пример! Но я все говорю и говорю, а щедрое лоно женщин заполняется жидкостью, раскаленной, словно лава. Патриотическое соитие! Музыка!» Слышится военный марш. Вдовы – рассерженное море – поднимают юбки, показывая темное пятно между бедер. Посланники бросаются на них. Они действуют быстро, каждые три секунды переходя от тела к телу. Разгоряченные женщины испускают стоны. Мы, стоящие вблизи, в центре этой эйфории, начинаем пошатываться: земля корчится под ногами. Никто вроде бы не замечает. Буйство не стихает. Цепляясь друг за друга, чтобы не упасть, мы кричим: «Теперь уже точно! Земля содрогается! Птицы замолкают! Волны немеют! Ветер перестает свистеть! Собаки не могут исторгнуть из себя лай! Генерал теряет дар речи! Еще один беззвучный взрыв!» Раскинув ноги, в гневе оттого, что их прервали, вдовы режут с плохо скрытой враждебностью. Толстяк, неистово взбадривая рукой свой крохотный конец, хлопает по задницам, показывая жестами, что действие должно идти по-прежнему. «Ничего страшного! Не поддавайтесь

панике! Из Анд снова долетает эхо далеких голосов. Это звуковые миражи. Земля не содрогается. Волны, собаки и ветер поют. Генерал не потерял дар речи!»

ПУСТЬ ВАШИ ВУЛКАНЫ ИЗВЕРГАЮТ МРАМОР!
ПУСТЬ ВАШИ СТОНЫ СТАНУТ СОСТАВАМИ, ИДУЩИМИ В МИР ИНОЙ!
ПУСТЬ НЕЖНЫЙ ПЛОД РАСКРОЕТСЯ, ПОГРУЖЕННЫЙ В ЕДКИЙ РАСТВОР!

«Продолжим праздник осеменения! Да здравствуют мощные орудия Посланников! Да будет семя их плодоносным!» Механические движения – раз-два, раз-два, – возобновляются. Содрогания прекратились. Генерал с глазами сатира и похотливостью в голосе читает стихи, сводящие женщин с ума. Нам нечего здесь делать. И мы медленно удаляемся, вступая на все ту же дорогу, надеясь, что однажды она приведет нас к рассвету.

ИЩИ В ЛЕСУ ТАЙНОЕ И ЧУТКОЕ МЕСТО,
РАЗРОЙ ЗЕМЛЮ ТОПОРОМ,
ПРОНИКНИ В ГЛУБОКУЮ МОГИЛУ,
НАЙДИ ТАМ ВОДЯНОЙ ГРОБ.
ОТДЕЛИ ОТ НЕГО ШИРОКИЕ ЧЕШУИ,
НАЙДИ ЩЕЛЬ, УДАРЬ В НЕЕ,
ОТРУБИ, ДОЙДИ ДО ПОСЛЕДНЕГО ОБРАЗА,
ОБЕЗГЛАВЬ ПЕРВОЕ ВОСПОМИНАНИЕ,
ЗАЛЕЙ КРОВЬЮ МЫСЛИ,
СОТРИ В ПРАХ НЕВЫНОСИМЫЙ ЛАБИРИНТ,
ПОЛНЫЙ СНОВ, ЭТИ ЗАРАЗНЫЕ ИЗГИБЫ,
ЧТО РАСТУТ И РАСТУТ ВШИРЬ,
СЛОВНО СГНИВШИЙ НОСОРОГ
В ПРОЧНОМ ЯЩИКЕ.

Мы приноравливаем наш шаг к колебаниям его голоса, который все слабеет и слабеет, пока не затихает совсем в плотной тьме.

5. ЭТО УБИЙЦЫ...

Пляж залит водой и словно стонет от близости терпкого океана. Едкая вода увлажняет сероватыми испарениями грунтовую дорогу. Почти рядом с нами проплывает рыбацья лодка. У человека, сидящего на веслах, вместо левой руки – чешуйчатая клешня, верхнюю часть черепа ему заменяет ржавая пластинка, а правая щека раздулась. Он машет нам рукой, чтобы мы вошли в лодку, и пристраивает для этого к борту толстую доску. Похоже, что-то мешает ему говорить – например, камешек во рту. Впереди тошнотворная вода залила немалую часть дороги. Мы вынуждены принять предложение и забираемся в лодку. Приложив палец к губам, рыбак показывает нам свой телевизор. Генерал сперва кажется задумчивым, потом воодушевляется.

ТАМ, ГДЕ НЕТ ОППОЗИЦИИ, НЕТ И ПОЗНАНИЯ! РЫБА НЕ МОЖЕТ ОСОЗНАТЬ, ЧТО ЕСТЬ ВОДА, ПОКА НЕ ВЫБЕРЕТСЯ ИЗ НЕЕ! КАК СОЛЯНАЯ СТАТУА МОЖЕТ ИЗМЕРИТЬ ГЛУБИНУ МОРЯ, ПОГРУЗИВШИСЬ В НЕГО?.. ТО, ЧТО НЕОБХОДИМО, ВОЗМОЖНО! ЛЮБАЯ ЖАЖДА НЕМЕДЛЕННО ТВОРИТ ВОДУ! СЕЙЧАС БОЛЬШЕ, ЧЕМ КОГДА-ЛИБО, Я ПРЕДЛАГАЮ ВАМ ПУТЕШЕСТВИЕ В НЕВОЗМОЖНОЕ!

Рыбак гребет в открытое море и, не выключая телевизора, кладет его в черный пластиковый мешок и привязывает к якорю, погружая, таким образом, в воду. Припухлость на щеке не мешает ему разговаривать с нами:

– Быстро! Скажите, что вам известно?

– Ничего. Мы утратили память.

– Правильно! Это вы и есть! Слова «Мы утратили память» – несомненный признак профессиональных убийц. Какое облегчение! Лжецы, безумцы и шарлатаны стали для страны настоящей язвой. Теперь трудно доверять людям... Надеюсь, вы вооружены.

– Мы? Вооружены?

– Правильно! Никогда не следует об этом спрашивать. Какой убийца путешествует без пистолета? Позвольте пошарить в ваших плащах...

– Зачем?

– Чтобы окончательно убедиться. В наши времена осторожность не повредит. Видите, ладонь моя раскрыта, в ней нет ничего... Я поищу в подкладке... Вот! Доказательство! У каждого из вас – пистолет с глушителем.

– Странно. Мы даже не знали, что носим с собой оружие.

– К чему продолжать эту комедию? Здесь нас никто не видит. Нет микрофонов, а телевизор, шпионящий за всеми, погружен в море, или, вернее, то, что от него осталось. Проклятому Генералу удалось отравить все воды, и вот они превратились в кислоту. Все, что осталось, – узкая прибрежная полоса, шириной не больше километра. Если мы, несчастные рыбаки, заплываем дальше, лодки растворяются в океане. Поэтому страна стала гигантской тюрьмой. Никто не может ни приехать, ни уехать. Как Генерал, только ради этой презренной цели, смог убить море – колыбель жизни? Все рыбы исчезли. На пляжах остались одни белые раки и морские ежи, которые все растут и растут – некоторые уже сделались размером с дом. Один мой старый товарищ, ввалившийся в нищету, проложил себе путь между шипов, очистил панцирь от тошнотворной слизи и стал жить в нем. Сегодня целые деревни живут внутри отвратительных ежей. Смотрите на меня! Я потерял руку в борьбе с громадной акулой, а эта пластинка в голове напоминает о славном деле с китом: удар хвостом – и полчерепка как не бывало. Раньше никто не видал целого рыбака: одни больше, другие меньше, но все приносили дань морю, теряя по частям самих себя... А сейчас в деревнях полно попрошаек, к нашему общему стыду, там живут одни молодые рыбаки, целые и невредимые, даже шрама не отыскать. С кем им бороться? В наши дни не видно ни прекрасных вдов утопленников, ежевечерне смотрящих на прилив со слезами на глазах, ни героических сирот былых времен, мечтающих однажды отправиться на поиски острова потерявшихся лодок... Сегодня есть только расслабленные мальчишки, которым ничего не нужно от жизни... Они пробираются между черных игл, ни разу не увидев перламутрового блеска чешуи. Вот эти чешуйки на моих клешнях – больше, чем просто украшение. Позвольте показать вам живого рака – он у

меня за щекой. Каждый рыбак днем и ночью носит во рту такое вот животное, чтобы не забывать: Генерал превратил нас в жалких ловцов раков. Мы знаем, что здесь ничего не изменить, и все же хотим заявить о нашем отчаянии. Желаете ли вы точно выполнить свой контракт?

– Какой контракт?

– Правильно! Вы профессионалы. Контракта не существует без оплаты. Вот этот чемоданчик – для вас. Там мои сбережения за много лет. Я дам вам вторую половину, когда вы убьете мать Генерала. Ее нельзя уничтожить.

– Если так, как же она сделается уязвимой для нас?

– Все знают, что она – не настоящая, это одна из теток Генерала, которую выдают за мать. Ежегодно убивают одну из них. Ну, а с этой Генерал, возможно, даже не знаком.

– Тогда какой смысл в нашей работе?

– Меня удивляет ваш вопрос, друзья мои!

– Хорошо, это нас не касается. Вы платите, мы делаем, что нужно, и кончено. (Мы – профессиональные убийцы, отрицать невозможно, все говорит об этом: отсутствие памяти, пистолеты с глушителем, бесцельные блуждания). Если надо убить несчастную безумную женщину, мы совершим это. Но в общем-то, вы бросаете деньги на ветер.

– Нет. Символы реальнее самой реальности. Мы тоже не знаем, есть ли у Генерала мать. Иногда мы верим, что он родился от горы в Андах, осеменной молнией. Или что он родился зрелым человеком, – одна старуха семьсот лет вынашивала его в себе. Или что он появился в общей могиле, из гниющих влагищах. Но неважно. Важно то, во что верит народ. А он убежден, что мать Генерала – девственница. Всякий раз, когда очередная сумасшедшая объявляет себя матерью Генерала, ее окружает толпа горячих, рьяных обожателей. Мы убиваем одну, но на следующий год возникает новая, как если бы это безумие воплощалось заново в другом теле. Убить одну из них – значит выразить глубинное возмущение, вонзить клинок справедливости в сердце страны. Генерал уничтожает наш океан, а мы, рыбаки, уничтожаем его матерей! Полное равновесие.

– Мы принимаем условия контракта и готовы приступить к выполнению. Когда и где?

– Это будет на побережье, вблизи от дороги. Чтобы усилить символический смысл деяния, вы должны стрелять прямо в сердце. Все остальное пусть будет неповрежденным. Если вы не пробьете сердце или пуля попадет в другую часть тела, мы не заплатим. Договорились?

– Договорились! Все пули направляются в сердце!

– Вам нужно высадиться на побережье и провести там ночь. Она приедет утром. Вот куски дерева, чтобы разжечь костер. Да пребудет с вами точность! Теперь надо вытащить из воды обязательный для всех телевизор. Проклятый хнычет, чтобы его пожалели. Но кто поверит ему?

МАТЬ МОЯ, ЖИЗНЬ МОЯ, ДУША МОЯ, СВЯТАЯ МОЯ, ВЕРЬ МНЕ, ПРОШУ ТЕБЯ, КЛЯНУСЬ ТЕБЕ НАШЕЙ СВЯЩЕННОЙ РОДИНОЙ: Я НИКОГДА НЕ ИСПРАЖНЮСЬ В ТВОЮ ВАГИНУ И НЕ ЗАСТАВЛЮ ТЕБЯ ПОЕДАТЬ МОЮ ТЕНЬ... Я НИКОГДА НЕ ВОТКНУ БУЛАВОК В ТВОЮ ПУХЛУЮ ПЛОТЬ И НЕ УКРАДУ МОНЕТ, СПРЯТАННЫХ У ТЕБЯ В ЗАДУ.. Я НИКОГДА НЕ ОТРАВЛЮ ЗАРОДЫЩА В ТВОЕМ ЖИВОТЕ И НЕ ОБРЕЖУ ЧЕРНЫМ НОЖОМ РЕКИ ТВОИХ ГРУДЕЙ... Я НИКОГДА НЕ ПЕРЕЛОМАЮ ТЕБЕ КОСТЕЙ, НЕ ВЫРВУ НИ ХРУСТАЛИКОВ, НИ ЯЗЫКА. НИКОГДА, НИКОГДА Я НЕ ОБРАЩУ ТВОЕ ТЕЛО В КРОВАВОЕ МЕСИВО, КЛЯНУСЬ, ПОЙМИ МЕНЯ, РАЗ И НАВСЕГДА. МАМА, «ПРОСТРАНСТВО» – ЭТО МЕСТО, ГДЕ НАХОЖУСЬ «Я»! МАМА, «ВРЕМЯ» – ТО, ЧТО ПРИХОДИТ НА СМЕНУ «МНЕ»! МАМА, «СОЗНАНИЕ!» – ТО, ЧЕМ ЯВЛЯЮСЬ «Я»! Я ОТКАЗЫВАЮСЬ УМИРАТЬ, ПОГРУЖЕННЫЙ В ТВОЮ МАТЕРИЮ!

Рыбак уходит прочь. Свет от экрана бросает на его лицо мертвенные отблески. Мы усаживаемся на песке, ежась от холода, рядом с чахлым костром... Кажется, мы заснули. Заря, которая не приходит, окрашивает горы красным. Мы замечаем вход в пещеру, убранный бумажными цветами, приношениями, свечами и

тысячами костылей. Возле нас сгрудились сотни паломников, словно большой свинцовой круг, и стонут. Здесь старые оборванцы, покрашенные проститутки, слепые, прокаженные, персонажи, насквозь пропитанные алкоголем. У всех широкополые шляпы, как у нас, все опираются на какие-то костыли. Бодрый старик открывает глаза, встает, хлопает себя ладонями по ляжкам, кукарекает по-петушиному. Народ просыпается и начинает яростно чесаться. Звук от трения ногтей по заскорузлым телам, умноженный эхом из гор, заставляет крабов телесного цвета бежать к морю, которое разъедает их, превращая в зловонную массу. Слово опьяненное стадо, мужчины и женщины направляются, толкаясь локтями, в сторону грота, без конца испуская жалобные вопли. Они повторяют одно и то же слово: «Святая, святая, святая...» Может быть, эти охваченные религиозным пылом люди способны видеть нас такими, каковы мы на самом деле. Попробуем заговорить с ними...

– Привет, друзья! Кто вы?

– Как и вы, страстные обожатели нашей покровительницы – Матери Генерала и всех нас! Чего вы ждете? Присоединяйтесь к нашему стаду!

– Но мы не овцы.

– Вы паломники! Но слишком небрежные, даже костылей не взяли.

– Но мы не хромые.

– Никто здесь не хромой! Просто все исполнены почтения: святой матери Генерала нравятся костыли и еще больше – когда они сложены у входа в грот. Когда она благословляет нас, мы с радостью делаем вид, что произошло чудо, перестаем хромать и, танцуя, отдаем ей костыли для коллекции. Таков обычай! Вы, малoverы, не почитаете святую! Как можно представлять перед ней с пустыми руками и здоровыми ногами?

– Мы не паломники!

– Смеетесь? Эти шляпы, кажется, непохожи на пожарные каски!

– Хватит! Мы убийцы!

– Убийцы? И кого же вы собираетесь убить?

– Мать Генерала!

– Bravo, братья, для этого мы все здесь и собрались: убить святую мать Генерала! Дева жаждет, чтобы ее убили! Сегодня смерть придет к ней... Наутро она воскреснет. Как и вы, каждый из нас имеет при себе пистолет. Наше оружие было торжественно освящено. Надеемся, что и ваше тоже... Эй, шлюха, дай костыль! И вы, шулер и горбун, по костылю! Паломники делятся друг с другом всем, так что берите! Не презирайте нас, мы бедные, но гордые. Костыль каждому! Деве нравится, когда к ней приходят не на прямых ногах. Если хотите, чтобы ваши, идущие от самого сердца, пули вонзились в тело Матери, хромайте и пойте вместе с нами. Святая, святая, святая!

На нас нацеливается множество стволов, пальцы подрагивают на спусковых крючках. Мы принимаемся ковылять и запеваем. Вскоре паломники бросаются на колени. Языки наши набухают кровью, сердце гулко стучит и, против нашей воли, костыли выпадают у нас из рук. Появляется плотная молочно-белая девушка с длинными светлыми волосами. От нее исходит запах, как от цветов табака, но еще более одуряющий. Она полностью обнажена. Голубизна ее глаз настолько пронзительна, что у нас перехватывает дыхание. Кудрявые волоски на ее лобке – стая желтоватых жуков – сверкают над перламутровыми нижними губками, покрытыми каплями росы, где, словно в крошечных зеркалах, отражаются наши очарованные лица. Это Дева. Она держит на руках, прижимая к сердцу, деревянную статую размером с младенца, изображающую Генерала. Грудь святой ярко сверкает. Паломники сгрудились вокруг этого источника света, похожие на ночных бабочек, когда те, ослепленные, стучаются о стекло фонаря. Старик забывает о нас. С жадностью оголодавшего человека он берет грудь и сосет, насыщаясь. Облизнувшись, он поднимается, отбрасывает костыли и пускается в пляс, в то время как слепой пытается на ощупь найти сосок, корчась от жажды. Старик кричит в экстазе: «Глядите! Я больше не хромаю! Святое молоко меня омолодило! Я теперь восемнадцатилетний! Чудо! Чудо!» На наш взгляд, он остался все тем же стариком. Уступая место невероятному существу, одетому пожарным, с картонными крыльями, на которых трепещут криво обрезанные шелковые ленты, слепой пляшет и кричит:

«Благословенное молоко! Ко мне вернулось зрение! Я вижу!» Мы хватаем его за руки, заставляем обернуться к нам...

– Скажи, какого цвета твоя шляпа?

– Черного!

– А твоя кожа?

– Черного!

– А море?

– Тоже черного! Небо черное, Анды черные, дорога черная! Чего вы спрашиваете? Ослепли?

Он вырывается из наших рук и, подпрыгивая, бежит мимо очереди из паломников, изгибающейся так, что она образует лабиринт. Все сдерживают нетерпение. Всякий раз, когда кто-то сосет грудь, он вскрикивает: «Чудо!» Проститутки с простуженно-трубным голосом утверждают, что у них влагалище стало еще глубже и предлагают каждому сунуть туда палец, чтобы убедиться. Прокаженные, все так же полусгнившие, уверяют, будто возродились к нормальной жизни, толпы алкоголиков считают, что молоко очистило их отравленную кровь. Дева поворачивается с медлительностью, умноженной людским безумием, и смотрит в нашу сторону. Кажется, что от сияния ее голубых глаз раскалываются стекла в наших очках. От ее голоса по ступням пробегают мурашки.

– Идите ко мне, дети мои. Верьте мне. Молоко мое сладко, словно мед.

– Твое молоко – одна лишь видимость! Эти паломники глотали собственную слюну!

– Как уродлив тот, в ком нет веры! Я страдаю за вас... Мне больно... Вы полагаете, будто лишились памяти... На самом деле ее нет, потому что вы никогда не жили... Несчастные тела без имени, сбросьте маски убийц, пожертвуйте гордостью, покажите, кто вы такие: пустая оболочка, ничего больше... Придите ко мне, припадите губами к моей груди. Мое молоко вольется в вас горячим потоком, и вы наконец станете кем-то! Станете детьми моей скорби...

– Твой влекущий голос заставляет нас упасть на колени, без смущения мы направляемся к твоей груди, обратившись в детей,

желая найти то, что, наверное, искали всегда: первоисточник, чистую реку, полную живой воды, прозрачной, словно хрусталь, реку, вытекающую из трона богов – твоего непорочного тела, смывающую проклятие... О, какое разочарование! Рты наши, как и прежде, сухи. Твоя грудь – как камень. Ни молока, ни матери, ни пустоты! Еще один дурацкий мираж!

– Нет! Нечто осязаемое: с вашими сомнениями вы опустошили мои молочные железы! Груды увяли, живительный сок вытек, источник иссяк навсегда. Неверующие, вы предали и голод, и жажду! Посланники черного лика, формы без сущности, кости с выеденной сердцевиной, ненавистные сеятели заразы!

– Лисица! Ты кричишь для того, чтобы твои лицемерные поклонники стерли наше свидетельство несколькими выстрелами! Ты породила панику. Послушай их: «На помощь, идет зараза! Я снова постарел! Все бледнеет перед глазами, я опять слепой! Мое влагалище жжется, как тарантул! Я гнию! Призрак жажды! Застрелить их!» Зачем же ты теперь раскрываешь объятия навстречу стволам, сперва призвав к расстрелу? Зачем отдаешь приказы – они гремят под сводами пещеры, огромной, как собор, – нагромоздить оружие пирамидой? Как ты осмеливаешься остаться с нами наедине?

– Пули паломников освящены и предназначены только для моей плоти.

– И наши тоже! Покажи, где твое сердце! Отбрось прочь идола!

– Не могу. Его рот прилепился к моей груди. Я кормлю безостановочно. Кончилось молоко; он станет сосать мою кровь. Если я перестану питать это деревянное дитя, Генерал умрет и страна погрузится в хаос.

– Предрассудки! Шарлатанство! Ты знаешь, что профессиональные убийцы обязаны стрелять тебе в сердце и потому прикрываешься этим куском дерева, словно щитом.

– Вы лишены веры, мне жаль вас... Я отнимаю драгоценное изваяние от груди. Его деревянные зубы терзают мою плоть. Смотрите, малoverы, на кровавую рану, зияющую в моей левой груди... Я страдаю за вас... Вы думаете, будто лишились памяти... На

самом деле ее нет, потому что вы никогда не жили... Несчастные тела без имени, сбросьте маски убийц, пожертвуйте гордостью, покажите, кто вы такие: пустые оболочки, ничего больше... Идите ко мне, погрузите пальцы в мою рану, пусть она развернется еще шире... Моя кровь прольется на вас горячим потоком, и вы наконец станете кем-то! Станете детьми моей скорби!

– Притворство! Все в тебе лживо! Ты говоришь готовыми словами, бесстыдно повторяешь сама себя! Эта кровь – всего лишь красные чернила, рана твоя нарисована!..

– Клевета. Я пришла, чтобы страдать во имя всех вас. Если рана моя фальшива, идите и сотрите ее. Покажите всем, что вы правы!

– Не стоит труда. Если мы смоем краску и чернила с твоей кожи, нас обвинят в том, что своим неверием мы изменили реальность. Что мы превратили подлинную рану в фальшивую, извратили великое чудо искупления. Бремя вины ляжет на плечи мира.

– Я страдаю за вас... Мне вас жаль... Вы думаете, будто лишились памяти: на самом деле ее нет, потому что вы никогда не жили... Несчастные тела без имени, перестаньте наконец сомневаться и стреляйте... Убедитесь тем самым в своем существовании. Только обрекая на смерть, вы поймете, что сами живы. Если вы не убьете меня, то погрузитесь во мрак!

Мы проверяем наши пули: все в порядке, они не поддельные. Дева раздражается громким хохотом. «Стреляйте же, наконец!» Паломники бегут прочь из пещеры. Они не делают ни малейшей попытки остановить нас. Мы стреляем. Три выстрела – и воцаряется тишина: волны перестают бормотать, рты паломников раскрываются в беззвучном крике, движения их замедлены. Дева кладет руки на грудь, откуда хлещет красный поток, и падает на колени. Паломники поднимают ее, удерживая руки Девы в крестообразном положении. Из лона ее также течет кровь. Мы оглядываем наши дымящиеся пистолеты. Слышатся завывания ветра. Толстая веревка, сброшенная с гор, пролагает путь между черными шляпами, сорванных вихрем с головы. Дева улыбается нам в агонии.

– Благословенны будьте навечно! Выстрелив, вы осемили меня! Я вновь беременна! Родится новый Генерал! Обретите же память: вы пришли не уничтожить мир, а спасти его! Старый Генерал должен умереть, чтобы появился на свет новый – мой сын! Вы призваны донести до него радостную весть! Убедите его спуститься под землю кучкой ненужных отбросов – я же в это время у подножия гор буду рождать новый свет! Идите! Влезайте по веревке! Горные стрелки доставят вас в секретную крепость! Генерал ждет вас!

Дева тихо угасает на руках паломников. Из рта ее вытекает струйка воды. Мы принимаемся взбираться по веревке. Последним усилием она встает на ноги и шепчет нам:

– Я не умираю... Храните веру, словно бесценный алмаз... Вы не убили меня... Вы доставили мне наивысшее наслаждение: исчезнуть в океане жизни, чтобы жизнь пробилась сквозь мою плоть... Верьте, прошу вас: ваши пули стали семенем.

Дева падает, как мертвая. Кто-то тянет за веревку, мы взмываем вверх. Паломники, громко чавкая, достают ножи и вилки и втыкают их в тело Девы, точно хотят его пожрать.

6. ЭТО ВЕТЕРИНАРЫ...

Правда, прочная у меня веревка? К тому же мягкая и сладко пахнущая. По ней хочется взбираться вверх, все выше и выше, до самого неба. Жаль, что это невозможно. Нельзя даже забраться на какую-нибудь вершину... Но ходят смутные слухи о том, что Генерал имеет обыкновение – один, никто не вправе его видеть под страхом обезглавливания, – каждое полнолуние взбираться на горный пик, чтобы побеседовать с Кондором, самым старым из живущих на земле. Говорят, будто он пережил три мира, где обитали существа, непохожие на тех, что мы видим сейчас... Осторожно! Ставьте ноги крепко на узкие выступы, не сорвитесь вниз! Представьте, что вы поднимаетесь по вертикальной лестнице: нам еще долго идти! Надеюсь, вы дрожите от холода, а не от страха перед высотой. Но даже если так, я легко вас пойму: известные ветеринары, возглавляющие факультет зоологии Военного университета, совершенно не обязаны быть еще и альпинистами. Хотя именно поэтому наши познания о животных стали такими разрозненными и нелепыми. Чтобы досконально изучить зверей, нужно вглядываться в их следы, совать нос в их логова, различать по исходящему от них запаху... Ладно, хватит болтовни... Как хорошо, что мы прибыли вовремя! Вас легко могли съесть! У подножия гор расплодился каннибалы: они хуже хищников и должны быть беспощадно уничтожены. Сейчас этим вырождакам повезло, мы оставили их в покое, чтобы не поднимать шума: треск очередей или взрывы гранат подвигли бы Священную Птицу на долгий и трудный перелет. Именно поэтому я говорю шепотом... Генерал послал вас сравнить безгласие своих сочинений с ревом, что издают живые существа. И вот вы здесь! Придите в мои объятия! Мы ждем вас уже несколько недель. Наденьте эти снегоступы: склон дальше совсем скользкий. Совершите над собой усилие. Для вас, привыкших к плоским полам библиотек, сделать один шаг здесь – все равно что пройти десять километров. Если вы чувствуете, что сердце готово выскочить из груди, не волнуйтесь: тело достаточно выносливо и приспособливается быстрее мозга. Подумайте над словами Генерала:

«СОЗНАНИЕ ЕСТЬ ПОНИМАНИЕ. ТАМ, ГДЕ ИМЕЕТСЯ БОЛЬ, ИМЕЕТСЯ СОЗНАНИЕ». Мы пришли! Алое сияние – это, по-вашему, заря? Нет, не заря. Взгляните на высокий стволopodobный пик, увенчанный гнездом: свет исходит от громадного Кондора, который весь пылает! Хотя я и солдат, но всякий раз не могу удержаться от слез при виде этого зрелища. Надеюсь, вы достаточно опытные специалисты, чтобы объяснить этот печальный факт... Не сомневаюсь, что так, поскольку вы посланы Генералом – мы, обитающие в горах с рождения, не в состоянии понять ничего. Многие годы мы следим за этими гигантскими птицами – размах крыльев до пяти метров – но никогда не видим их и знаем об их существовании только по белому помету, пахнущему сандалом; по жертвам кондоров, что остаются целыми и невредимыми, не считая вырванного языка; по пронзительному свисту, доносящемуся из гор; по черным перьям с белым пятном, которые устилают расщелины, складываясь в причудливую вязь... И лишь изредка, в самые глухие ночи, стоя на краю обрыва, мы наблюдаем Кондора, прямого, хищного и безжалостного. Он сияет так ярко, что прочая живность просыпается, считая, будто настал долгожданный рассвет. Горные цветы пылко раскрываются, пробужденные насекомые приветствуют вновь обретенное тепло, грянув утреннюю мелодию, сплетенную из жужжания, гудения, треска надкрыльев – грустную, ведь Кондор сторает. Вещество, из которого он состоит, настолько плотное и настолько древнее, что пламя пожирает его в течение сорока дней. Гордая птица живет до самого последнего мгновения. Когда остается один лишь обугленный скелет, с последним языком пламени Кондор издает длинный, протяжный, непонятный крик, раздирающий нам душу, и падает замертво. Одним Кондором меньше, одним одиночеством больше... Я – никто, Генерал – все; но иногда я задаюсь вопросом, правильно ли, что он, нечувствительный к ядовитому газу, отравляет верхние слои атмосферы, только чтобы забраться наверх и обозреть соседнюю вершину? Кондору требуется летать выше всех остальных, подниматься и подниматься целыми днями, пока он не достигнет центра небосвода, откуда сможет властвовать над миром, озирая его. Если лишить его этой заботы, он будет унижен, жизнь

его потеряет смысл. Вы, как официальные ветеринары, получили задание поймать самца, чтобы Генерал мог приручить его и держать на своей личной горе. Кондор – его эмблема. Но не пленный, а свободный – тот, что надменно парит над пропастью, тот, что может взглянуть в упор на солнце, единственный, кто знает, что за этими каменными стенами ничего нет, всегда пребывающий в гордом одиночестве, непобедимый, на которого никто не осмелится напасть, читающий мысли людей. Таков же и Генерал; но, к несчастью, царь птиц впал в печаль, День больше не настает, тайна смерти потеряна. По мере того как пламя его сжигает, рушатся алтари, храмы становятся добычей муравьев, народ, бессильный, проникается ужасом. Каждый день проходят грозы, от молний осыпаются вершины гор. Скоро Анды, еще недавно прекрасные, станут похожи на гнилые зубы. Есть глупцы, которым нравится нежиться в этом сиянии, похожем на рассвет. Когда мы говорим, что это не солнце, а сгорающий Кондор, они смеются нам в лицо. «Какая разница? Мир велик, рассветы будут всегда!» Недоумки... А знаете ли вы, что Кондоры не размножаются? Они пришли в наш мир из стародавних времен и перестали давать потомство еще до Великого потопа. К чему размножаться, если эта птица живет тысячи и тысячи лет? Возраст ее легко читается по усталым глазам, по морщинам на шее, по седым перьям на боках, по лысой голове. Жизнь понемногу уходит из гор, обескровливая их, и никому до этого нет дела. Кондоры сгорают, простонародье ликует... Генерал должен знать об этом, господа ветеринары! Прошу вас немедленно начать подготовку отчета! Возьмите бинокли! Огонь пожирает толстый гребень и красный отросток, растущий под клювом! Кондор выплевывает белый камень, который носит в зобу! Этот камень обладает магической силой. Поверхность его испещрена старинными иероглифами, скрывающими тайны смерти и любви... Камень тоже начинает гореть. Кондор долбит его клювом. Раздается гулкий звук, как при барабанном бое: траурная мелодия истины, исчезающей навсегда... Сожалею, что ваши глаза, уважаемые Деканы, не настолько остры. Только сожаление, ни в коем случае не презрение, поймите меня правильно. Даже если я вручу вам вместо

биноклей мощнейший телескоп, вы не различите муху. Да, муху! Если кто и страдает в эту минуту, то именно она. До чего она невелика! Но ее страдание больше, чем мир. С самого начала она была верной прислужницей Кондора, помогая ему в поисках пропитания, то есть трупов. Она такая же древняя, как и ее хозяин, и так же неуничтожима: от долгой жизни муха стала прозрачной, сделалась чистым духом... А теперь, когда ее друг и повелитель приносит себя в жертву, она спустится в долину и будет бесцельно блуждать, потерявшись среди грязных сородичей, ежедневно опуская лапки в неударжимый поток смерти, одинокая до конца... Поверьте, это насекомое умнее всех нас: оно может прочесть иероглифы на магическом камне, знает, что стоит в конце пути, способно научить любви... Но молчание: никто не в состоянии понять ее сложный язык, язык полета вокруг воображаемой оси.

На ваших губах играет ироническая улыбка. Ну да, разумеется, вы не живете в горах. Вы привыкли к искусственному теплу библиотек, к терпкому запаху запрещенных книг. Безжалостный ветер наших мест забивает вам ноздри, кровавит губы, не позволяет предаться размышлениям. Вы полагаете, верно, что избыток кислорода вызвал у меня приступ бреда. Вы считаете, что яркий свет, идущий с вершины, принадлежит не Кондору, а солнцу, которое вечно рождается и никогда не восходит. Умерьте свою гордость. Не думайте, что прочитанные вами горы книг позволят проникнуть в жизнь гор. Не заблуждайтесь. Доверьтесь нашему опыту... Отряд Военных Альпинистов был создан по приказу Генерала три века назад. В то время горы были сплошной загадкой, а богатства их – Анды изобилуют живым золотом – пропадали втуне. Что такое живое золото? Когда этот металл встречается в чистом виде, то испускает вздохи наслаждения, поет, подобно тропической птице, говорит по-древнееврейски. Кондор следил за тем, чтобы это громадное существо не беспокоили понапрасну, выклевывал глаза ворам... Рассказывают, что живое золото помнит, как был сотворен мир, и слышало звук первого слова... Генерал, зная обо всем этом, решил заселить Анды новой расой. Он выбрал двенадцать самых крепких женщин страны и за одну ночь осеменил их. Что там творилось, я не могу описать.

Генерал излил свое горячее семя среди стонов удовольствия, напоминавших крик кита. Наши деды были зачаты в безграничном наслаждении... Когда женщины готовы были рожать, Генерал велел доставить их к подножию гор. Дети, вместо того чтобы учиться ходить, осваивали лазанье по склонам, а когда их отлучили от груди, стали питаться падалью, насекомыми и кактусами. И однажды с ловкостью коз принялись карабкаться от скалы к скале, оставив навсегда своих матерей внизу. Так началась их жизнь на вершинах. Такими были наши славные предки. В те времена Кондоры еще могли взмывать вверх, воздух на высоте не был отравленным. Не один альпинист путешествовал, сидя на голубоватой спине могучего хищника... Некоторые будто бы даже долетали до золотого города, что предсказывает будущее. Он находится в зачарованном мире – Кондоры попадали туда благодаря своему свисту... Да, возможно, это всего лишь легенды. Но нельзя отрицать, что в недоступных местах, куда есть доступ только по воздуху, находили надписи, сделанные нашими предками. В них описывается искусство лазания по горам, переданное Генералом. От поколения к поколению скалы передавали нам бесценное знание. Это первые слова, которые мы научились произносить. Мы твердо верим, что их сообщил нашим дедам сам Генерал, потому что, согласно традиции, они сказаны от первого лица:

КОГДА Я ГОВОРЮ, ЧТО ВСЕ ГОРЫ СВЯЩЕННЫ, ТО ХОЧУ СКАЗАТЬ, ЧТО СВЯЩЕННА ВСЯ СТРАНА – НЕБО, МОРЕ, ДОРОГИ И АНДЫ. ТОТ, КТО СОЗНАЕТ ЗНАЧЕНИЕ ХРАМА, СОЗНАЕТ, ЧТО ПОЧТЕНИЕ К НЕМУ ДОЛЖНО РАСПРОСТРАНЯТЬСЯ НА ВЕСЬ ВИДИМЫЙ МИР.

ВСЕ ГОРЫ ЗАКЛЮЧЕНЫ В ОДНОМ УТЕСЕ. ЕСЛИ ТЫ ПОКОРИЛ ОДИН УТЕС, ТЫ МОЖЕШЬ ВОЗВРАТЬСЯ НА ВЕРШИНУ. ЕСЛИ ТЫ СПОСОБЕН ВНИКНУТЬ В СОВЕРШЕНСТВО МЕЛОЧЕЙ, СДЕЛАЙ ВЕЛИКОЕ ДЕЛО, НАЧНИ ЛАСКАТЬ КАМЕНЬ, СЛОВНО ЧЕЛОВЕЧЕСКУЮ КОЖУ, ОБРАТИ ВНИМАНИЕ НА КАЖДЫЙ МИЛЛИМЕТР ПОВЕРХНОСТИ, ИЗЛЕЙ НА НЕГО ЛЮБОВЬ: ТАМ, ГДЕ НЕТ ЛЮБВИ,

ПРИЛОЖИ СВОЮ, И ДОБЬЕШЬСЯ ЛЮБВИ В ОТВЕТ; ИЩИ НЕЖНОСТЬ В ТВЕРДОСТИ. ПУСТЬ КАМЕНЬ РАСКРОЕТСЯ НАВСТРЕЧУ ЖЕЛЕЗУ, ТОЧНО ЦВЕТОК НАВСТРЕЧУ РОСЕ. КАМЕНЬ – ТВОЕ ЗЕРКАЛО: КАК ТЫ ПОСТУПАЕШЬ С НИМ, ТАК И ОН ПОСТУПИТ С ТОБОЙ.

ИДЕАЛ УТЕСА – СТАТЬ ЦЕНТРОМ ГОРЫ, ТВОЙ ИДЕАЛ – СТАТЬ ЦЕНТРОМ УТЕСА: ТЫ ОДЕРЖИШЬ ПОБЕДУ, ЕСЛИ ОКАЖЕШЬСЯ ПЕРЕД ЦЕНТРОМ САМОГО СЕБЯ И СОЕДИНИШЬ ЕГО С ОСТАЛЬНЫМИ ДВУМЯ. ГОРА СТАНЕТ ТВОИМ МАГНИТОМ: ДОВЕРЬСЯ ЕЕ ЗОВУ, И ТЫ СМОЖЕШЬ КАРАБАКАТЬСЯ ВСЛЕПУЮ.

КАЖДАЯ ВЫБОИНА, СДЕЛАННАЯ ТОБОЙ ПРИ ВОСХОЖДЕНИИ, ДАСТ ТЕБЕ ПРАВО НА СЛЕДУЮЩУЮ; ЕСЛИ ОНА СДЕЛАНА ПЛОХО, ТЫ СОРВЕШЬСЯ ВНИЗ; ЗАБУДЬ О ВЕРШИНЕ И РАБОТАЙ ТЩАТЕЛЬНО; ОДИН ШАГ – И ТЫ ПОБЕДИЛ. ЕСЛИ ПУТЬ ЛЕГОК, ТЫ НЕ ДОСТИГНЕШЬ ВЕРШИНЫ.

БУДЬ ТЕРПЕЛИВЕЕ ВСЕХ; ТЫ ОДЕРЖИШЬ ПОБЕДУ, КОГДА НАУЧИШЬСЯ ТЕРПЕТЬ ПОРАЖЕНИЕ.

С двадцати двух лет нам позволено спускаться в долину к самкам. Они знают об этом и ждут нас, чистые и влажные, майскими ночами, с раздвинутыми и задранными кверху ногами, чтобы лоно их могло смотреть, подобно глазу, на вершины. Мы падаем в темноте на нетерпеливые тела, изливаем пахнущее камнем семя и в момент оргазма срезаем их волосы, чтобы удлинить веревки – единственное наследство, полученное от отцов. Сплетенные из женских волос, с воспоминанием о сладострастной ночи, веревки эти прочны и ароматны. Они зовут нас подниматься вверх, обещая в конце гигантское влагалище, готовое поглотить нас и вновь породить в другом, совершенно непохожем на этот мире, где все мы втайне мечтаем существовать. Да простит нас Генерал!

Теперь понимаете, почему необходимо полагаться на меня? От несчастного Кондора осталось только белое оперение вокруг

шеи. Хотя оно горит лучше других частей тела, огонь добирается до него в последнюю очередь. И вот настает трагическое мгновение: обугленный скелет в языках пламени... Мрак окончательно отступает, сияние видно на сотни километров, Анды напоминают окровавленный хребет. Вот он – последний миг. Клюв раскрывается, сожженные легкие напрягаются для предсмертного свиста, – он жалобнее любой колыбельной. Плачут гранитно-розовые бабочки; море, ветер, мошки, альпинисты – плачут все, кроме вас. Наверное, ветеринары – единственные, кто нечувствителен к боли Кондора? Ну да, в доме повешенного не говорят о веревке... Стон разносится от горы к горе, закрытые наглухо сердца распахиваются настежь – а вы не слышите? Как такое возможно? Благородный скелет превращается в белое известковое облако и прокладывает путь ночи. Тьма снова царит над землей. Давайте зажжем фонари, крошечные глазки света, сиротливо мерцающие посреди безмерного горя. Вокруг нас витает черное яйцо. Снова разъединение, немота, изгнание. Лучше вам вернуться назад: вы ничего не видели и не слышали. Кондор погиб напрасно. Ветер прилетит разметать его кости и разорить гнездо. Урок пропал зря, секрет отныне недоступен никому. Вершины напрасно будут пересекать столетия. Одна только верная муха, через века, никем не слышимая, грустным жужжанием передаст Истину птицам смехотворных размеров... Ребенком я однажды спускался повидать свою мать: она жила обнаженная в пещере, считая себя девой и святой. Увидев меня, единственного сына, мать сквозь слезы поведала мне такую легенду:

«Король той страны был в отчаянии: королеву постигла «ледяная болезнь», уже убившая почти всех его подданных. Один в своем дворце, король рыдал без конца. Кто мог помочь ему? Верный Кондор почтительно подошел к королю и сказал, что в королевстве живет знахарь, знающий лекарство от недуга. Повелитель принялся умолять Властелина Воздуха, чтобы тот разыскал врача-лечителя. Кондор полетел над горами, над безводными пустынями, преодолевая грозы и ураганы, и, отразив нападение медведей, достиг жилища знахаря и спросил, может ли тот излечить королеву. Индеец поблел, сказав: «Да, но... « Кондор торопился и не желал

выслушивать объяснений. Он посадил знахаря себе на спину и направился обратно. По прибытии во дворец король бросился к нему, расцеловал, поблагодарил и потребовал от индейца выдать секрет лекарства. Тот, бледный как смерть, выговорил с мучительным трудом: «Она избавится от ледяной болезни, только выпив всю кровь этого кондора». Верная птица расправила крылья, клюнула себя в грудь и с несказанной нежностью приблизила рану к губам королевы».

Что ж, уходите, ваша наука теперь бесполезна! Спускайтесь по волосяной веревке на землю. Вы пересечете заброшенное кладбище, дойдете до развалин станции и сядете в поезд лунатиков. Он доставит вас прямо в крепость, где находится Генерал. Передайте ему вот что: «Это был последний из Кондоров. Просим Генерала установить на всех вершинах большие экраны, чтобы беспрестанно показывать его изображение. Пусть слышится его свист и хлопанье крыльев в полете... Пусть однажды настанет день и распахнутся ворота золотого города, который мыслит».

7. ЭТО ТЕНИ...

Альпинист предупредил нас, что в этих безлюдных местах дороге скрывает Каманчака, – теплый, но предательский туман, постепенно пробирающийся до костей и мешающий видеть дальше, чем на полметра. В молочно-белом облаке – вероятно, из-за столкновения многочисленных потоков воздуха, – обозначаются фигуры, которые существуют несколько секунд и затем исчезают. Но они настолько бесстыдно-откровенны, что надолго запечатлеваются в памяти. Это лица, искаженные жуткими гримасами, тошнотворные женские тела, замученные пыткой, уродливые псы, пожирающие чьи-то щупальца, мягкие опухоли, завихрения, вызывающие рвоту.

Альпинист посоветовал миновать этот участок пути, все время освещая дорогу при помощи телевизора, который он нам вручил. Мигающий, мертвенный свет экрана слегка разгоняет туман, звуки нарушают тишину. (Мы не можем беседовать между собой, потому что каждый говорит одно и то же, словно из трех ртов доносится один и тот же голос). Неважное средство: несмолкающая речь Генерала превращает нас в тени...

САМЫЙ КОРОТКИЙ ПУТЬ ОТ ВАС КО МНЕ ЕСТЬ САМЫЙ ДЛИННЫЙ. КОГДА ВЫ РЯДОМ СО МНОЙ, ТО НЕ ВСПОМИНАЕТЕ ОБО МНЕ; КОГДА ВСПОМИНАЕТЕ ОБО МНЕ, ОТДАЛЯЕТЕСЬ ОТ МЕНЯ; КОГДА ОБСУЖДАЕТЕ МОИ ДЕЙСТВИЯ, ИЗМЕНЯЕТЕ МНЕ; КОГДА ДАЕТЕ МНЕ ОПРЕДЕЛЕНИЕ, ЛЖЕТЕ; КОГДА ИЩЕТЕ МЕНЯ, ТЕРЯЕТЕ; КОГДА ВИДИТЕ МЕНЯ, ВИДИТЕ САМИХ СЕБЯ...

Слова его, точно очертания Каманчаки, живут несколько мгновений, а потом, превратившись в многоголосое эхо, напоминающее траурную мессу, теряются в закоулках гор. Каждое из них таит в себе скорпионье жало. Все выглядит грамматически безупречно, однако содержание настолько неопределенно, что ускользает от нас, оставляя безграничный простор для толкований. Между слогами ощущается угроза, немая, но оттого не менее

действенная. Любое, самое безобидное слово в устах Генерала становится острым ножом. Откуда ждать слов жизни, если говорит сама Смерть?

ЧТОБЫ ОБРЕСТИ ПАМЯТЬ, ЗАДАВАЙТЕСЬ НЕ ВОПРОСОМ «КТО Я?», А ДРУГИМ: «ГДЕ Я?». ЗНАЯ, ГДЕ НАХОДИТЕСЬ, ВЫ ОБРЕТЕТЕ СЕБЯ. ЗНАНИЕ ТОГО, ГДЕ ВЫ НАХОДИТЕСЬ, ПРИДЕТ ЧЕРЕЗ ЗНАНИЕ ТОГО, ГДЕ ВЫ НЕ НАХОДИТЕСЬ. ОТ ОТРИЦАНИЯ К ОТРИЦАНИЮ ВЫ ПРИДЕТЕ К ВЕЛИКОМУ УТВЕРЖДЕНИЮ. МНЕ ЯСНО ВИДНО, ЧТО ВЫ НЕ НАХОДИТЕСЬ НИГДЕ, НИ В СОБСТВЕННЫХ ТЕЛАХ, НИ В СОБСТВЕННОМ МОЗГУ, ВЫ НАХОДИТЕСЬ ВО МНЕ. Я – ЭТО ВЫ, А ВЫ ПОПРОСТУ НЕ СУЩЕСТВУЕТЕ!

Лучше уж выключить это отвратительное устройство и выбросить его в гниющий океан! О-о! Он плывет по липкой жидкости свободно, словно медуза! Хохот Генерала настолько силен, что с гор низвергаются лавины. Мы вынуждены увертываться от летящих сверху камней, нас неумоимо преследует тускло-лишайный свет аппарата, плавающего близ берега. Генерал не перестает смеяться, но облик его меняется. Пелена тумана воспроизводит все эти превращения в гигантски увеличенном масштабе.

ОБРАЗ МЕНЯ САМОГО СО ВСЕМ ХУДШИМ, ЧТО ЕСТЬ ВО МНЕ! ОБРАЗ МЕНЯ САМОГО КАК ОБЫЧНОГО ЧЕЛОВЕКА! ОБРАЗ МЕНЯ САМОГО КАК ЧЕМПИОНА, ГЕРОЯ, СВЯТОГО И ГЕНИЯ! ОБРАЗ МЕНЯ САМОГО КАК ЧИСТОГО СОЗНАНИЯ! ОБРАЗ МЕНЯ САМОГО КАК АЛМАЗНОГО КРИСТАЛЛА! ОБРАЗ МЕНЯ САМОГО КАК МАГИЧЕСКОГО ЖИВОТНОГО! ОБРАЗ МЕНЯ САМОГО КАК СИЯЮЩЕЙ СФЕРЫ! ОБРАЗ МЕНЯ САМОГО КАК ВЕЛИКОЙ ЧЕРНОЙ МАТЕРИ!

Телевизор застревает в водорослях. Дым, несколько вспышек, – и он гаснет. Сотни тысяч бесформенных пятен отделяются от фигур и ползут к нам. Тени камней прилипают к нашим теням. Словно огромные птицы, опускаются тени гор и тоже прилипают

к нашим. Нас окутывает ночь. Мы будто заперты в черной бутылке. Мы лишены тел, лишены имен. Мы хотим, чтобы вселенная стала одним огненным солнцем.

Рой свечей говорит о том, что мы прибыли на заброшенное кладбище.

8. ЭТО ПОКОЙНИКИ...

Эй, мертвенькие, не проходите мимо! Как это вы хотите попасть на разрушенную станцию и сесть в поезд лунатиков, если я здесь? Кладбище вовсе не заброшено! Вы правильно сделали, что пришли сюда. Новые постановления прямо-таки перевернули страну, и уже не знаешь, где упокоиться. Кладбища – с тех пор, как по закону стало разрешено вспоминать только Генерала, – вышли из моды. К чему тратиться на мавзолеи, ниши, могилы, если никому не позволено запечатлеть на них свое имя? Вождь, как вы уже имели возможность заметить, требует, чтобы на каждой мраморной плите был только экран для показа фильма о нем самом. Улыбаясь, он вскидывает руки в белых перчатках: «Добрый-день-как-вы-я-отлично-благодарю-вас!» – и так без конца. Под каждым памятником – разумеется, символически, – покоится Генерал. Все для него: цветы, рыдания, прощальные речи и – что уж слишком – соборование. Особый указ строго предписывает умирающему облачаться в военную форму, надевать черный парик и напомаженные усы, будь то мужчина, женщина или ребенок. Один Генерал имеет право на смерть. Он, и только он может, должен и хочет попасть в историю. Поэтому сегодня люди предпочитают кремацию. Закончить свою жизнь горсткой праха в жестяной банке... Нас, могильщиков, приглашали работать в крематории. Мои товарищи с удовольствием согласились: прогресс ведь не остановить. Гроб кладут, как цыпленка, в печь, нажимают кнопку и – раз-два – проблема решена! Да, конечно, закопанные мертвецы создают массу трудностей: ими надо заниматься, поддерживать могилы в чистоте, распугивать червей, приносить по утрам цветы, избавлять их от скуки долгими беседами, целыми часами подстригать им волосы и ногти... Днями напролет заполнять урны защитного цвета смесью из костей и пепла, а затем спать свинцовым сном, надышавшись омерзительным запахом, – я предпочитаю всему этому копать землю собственными руками. У меня от этих занятий пальцы давно в мозолях: вырывать ямы радостно, как собака, прячущая кость, вдыхать аромат могил, такой же, как у свежего хлеба или у нетерпеливой

самки... Ничто не сравнится с минутой, когда ты зажигаешь свечи темной ночью! Именно тогда мертвые начинают разговаривать под безликими плитами. В наши дни больше, чем когда-нибудь, они жаждут поведать свои истории. Если честно, то в какой-то там шишке не найти ничего загадочного, ничего притягательного. В то время как ненужная, но неповторимая жизнь рядового покойника – это подлинная поэма... Только недолгое и непрочное трогает по-настоящему, и задача художника – сохранить его, подобно изысканному аромату, в своей памяти. На самом деле я хорошо мертвецов в своей голове. Идите же ко мне, дорогие усопшие! Прежде чем упокоить в трех ямах, вырытых с величайшей любовью, я познакомлю вас кое с кем из соседей; не со всеми, ибо рассказ о чудесной жизни каждого займет не меньше года... Как? Вы хотите знать, где садятся на поезд лунатиков, и больше ничего? Вы хотите расстроить меня, сказать, что вы не покойники? Нет, покойники! Просто не сознаете этого! Желаете знать правду? Все жители страны – покойники. Единственный живой – это Генерал. Остальных я бы похоронил. Дело живых обречено: сегодня большинство считает, что нормально быть мертвым. Раньше уход из жизни сопровождался пышной церемонией: слезы, душераздирающие крики, попойки, шуточки, жаркое совокупление под гробом. Сегодня это все равно, что прожевать бутерброд. Люди умирают, не пикнув. Крышка гроба, в который кладут немногих, кто предпочитает лежать под землей, – не скрипит, гвозди входят в дерево без малейшего сопротивления. Катафалк проезжает, ни разу не остановившись на светофоре. Похоронная процессия прибывает на кладбище раньше времени. Гроб плавно опускается, держась на веревках. Рабочие – мастера своего дела, управляют так быстро и так искусно, что стоит последнему комку земли слететь с лопаты, и никто уже не отыщет места, где покоится усопший. Минута – и участники процессии забыли, зачем они здесь. Все возвращаются в город, будто с пикника... Нет, моим мертвецам есть что порассказать! Вот, например, под этим крестом лежит брат Браулио, святой, не признанный церковью. Он был священником, но ни одна душа об этом не знала, потому что брат одевался в комбинезон. Браулио

обрек себя на добровольную бедность и жил на севере страны, среди добытчиков селитры. Он считал, что чудеса должны быть маленькими, незаметными, дабы не огорчать тех, кого не коснулась благодать. Поэтому Браулио творил из ничего розового фламинго, который появлялся в стае розовых фламинго; менял старые сандалии шахтера на точно такие же старые сандалии; и, наконец, поднялся над землей... ровно на миллиметр. Так он парил двадцать лет, но никто этого не заметил. Когда разразился кризис и шахты закрылись, он, тронутый всеобщей бедой, молился, пока все его тридцать два зуба не стали золотыми. Затем, улыбаясь, он предстал у муниципалитета перед толпой безработных, выпрашивавших миску бесплатного супа. Золото пробудило в нуждающихся такое вожеление, что ему выбили все зубы.

Но я вижу, ваши жесты выдают нетерпение. Вы хотите уйти? Мои истории наскучили вам? Ни разу не встречался с такими общительными покойниками! Ну же, чуточку патриотизма! Мы все – граждане царства мертвых! Жизнь других мертвецов – это и наша жизнь. Мы едины. Терпение. Ночь длинна. Поймите же, сюда никто не приходит уже давно, мне перестали присылать жалованье. Я-то ладно (так или иначе, я найду что надеть и поесть: если у меня протерлись брюки, кто-нибудь из покойников одолжит свои, – они очень любезны и ни в чем не отказывают), но у кладбища свои потребности: веревки, кирки, лопаты, цемент, метлы, краски, удобрения, нафталин, зубная паста, косметика и так далее. Как быть? Пришлось потихоньку продавать мраморные плиты. Банкиры обожают облицовывать ими стены своих домов. Не знаю, до чего мы докатимся, если так пойдет и дальше. Кладбище станет пустыней, козы и овцы будут гадить на могилы достойных людей. Да ведь это уже началось! Посмотрите на этот участок, с виду пустой. Лучший из местных памятников: величественный невидимый дворец, громадный и уютный одновременно, – наш семейный склеп. Мой отец построил его, возведя стены, прозрачные для всех, но для меня – синие. С самого детства я наблюдал, как давший мне жизнь работал – неутомимый труженик – с невидимым веществом, тщательно отделявая здание, так что я запомнил во всех подробностях очертания стен, колонн,

ниш, обрамлявших залы, лестницы и молельни, равных которым по размерам нет ни в одной церкви. Воздух – благороднейший из материалов: он легко поддается обработке, принимает и сохраняет любую форму, не осыпаясь, не разрушаясь под воздействием ветра, что спускается с Анд и предлагает ему совершить предательство, сбежав в сторону океана. Стены, невидимые вам, устояли под напором времени. Целые и невредимые, они остались стоять только из любви к нашей роду, из любви ко мне, его завершителю. Я не осмеливаюсь просить вас оценить должным образом это великолепие: ваши руки, мертвые руки, потеряли необходимую чувствительность, а перегородки здания, словно хрустальные, ломаются от неосторожного прикосновения. Мы, живые люди, способны обращаться с этим творением как надо, но глупые бабочки... Без стеснения они летают над участком, как если бы стен не существовало, и тем подают дурной пример остальным существам. При малейшем небрежении с моей стороны прибегают собаки и мочатся на главный алтарь. Уж не знаю, каким чудом до сих пор все не обвалилось...

– Не обвалилось, потому что тут ничего нет!

– Вы что, рехнулись? Черви выели вам мозги?

– Уже несколько часов мы пытаемся выяснить, где станция! Ответьте же! Хватит изображать гида для посетителей-извращенцев! Нет никакого невидимого склепа! Смотрите: мы ходим взад-вперед по пустому участку, туда и обратно, и ничто не обрушивается!

– Это доказывает лишь, что вы бесплотны! Вы – пропащие души, а не честные трупы! Гнусные призраки, меня-то вы не обманете!

– Это вы нас не обманете! Мертвые не разговаривают!

– Разговаривают! Вы, например. Хватит, пора навести порядок. Каждому свое место. Перестаньте спорить и ложитесь в три свежевыкопанные могилы!

– Послушайте, сударь. Чтобы упокоиться здесь, вы должны доказать правдивость своих слов. Если под этим камнем лежит кто-то, пусть он объявится перед нами!

– А, вы про барона де Токорналя? Дворянин и мыслитель. По его мнению, для того, чтобы плебеи работали, кучка аристократов

должна пожертвовать собой и не работать. Они должны совершить великую жертву и не нуждаться ни в чем, чтобы народ, движимый голодом, мог трудиться. Чтобы эти несчастные, к которым он просто прикипел душой, жили в повиновении, он обязан был беспрестанно отдавать приказы! Барон встретил прекрасную смерть: на каждом пальце он носил по золотому кольцу, покрытому свинцом, желая в одиночестве наслаждаться своими сокровищами. И вот свинец погубил его! Если вы хотите, чтобы барон покинул место своего погребения, вам нужно притвориться его новыми слугами. С тех пор, как его похоронили, он мечтает вновь обрести лакеев.

– Мы хотим узнать правду, раз и навсегда! Давайте, разрыйте могилу, скажите, что слуги его прибыли!

– Нет надобности. Барон бесплотен, дух его проявляется во мне. Когда я впадаю в транс, то становлюсь для него «верховой лошастью». Так и все мертвые, используя мое тело, общаются с миром.

– Как это проверить? Вы играете комедию.

– Я, комедию? Дайте мне выпить пол-литра рома... Дайте мне надеть сюртук с кружевами, спрятанный за глыбой мрамора... дайте мне позвать его... «Приходи, пусть никто не стоит на пути! Покажи свой нос, холощенный пес!» Смотрите, тело мое вытягивается... Ногти удлиняются... Кожа белеет... Голос меняется... Ф-ф-ф-ф! Я – барон де Токорналь! Кто зовет меня? А, это вы? Почему так поздно? Плебеи, умершие от голода, наденьте ливреи!

– Да, сеньор. Какие приказания, сеньор?

– Так... Поскольку я мертв, мне ничего не нужно.

– Невозможно, сеньор. Вы платите нам за выполнение ваших приказаний.

– Да, это правда. Господину – господиново, вшивцу – вшивцево. Приказываю вам сообщить, что я должен приказать!

– Прикажете подать обед.

– Я не голоден, черви съели мой желудок.

– Не имеет значения, сеньор. В любом случае вы приказываете, а мы исполняем. Вы можете не есть. Речь не о еде, а о приказании.

– Справедливо! Лакеи, принести обед!

– Мы собрали по могилам яблоки, блюда с рисом, разноцветные мармеладки, кусочки сахара. Провизия имеется в изобилии! Хотя и подпорченная...

– Будь я в живых, меня бы вырвало.

– Все исполнено, сеньор. Ждем приказаний, сеньор.

– Какая жалость! Мне ничего не нужно!

– Мы уже сказали, сеньор: это невозможно. Вы существуете, чтобы отдавать приказания.

– Мужланы! Что же мне приказать?

– Прикажите сделать так, чтобы вы заснули.

– У меня нет век, как же я засну?

– Не беспокойтесь, сеньор. Речь не о сне, а о приказании. Мы попытаемся нагнать на вас сон, но вы можете продолжать бодрствовать.

– Сделайте так, чтобы я заснул!

– Спите, сеньор... Спите... Вам снится... дворец... Дворец, полный верных слуг... готовых повиноваться... Вам снится, что вы отдадите нам приказания... и что тысячи тысяч слуг ждут, чтобы их исполнить... Вы – господин... Мы – слуги... Мы обязаны повиноваться... Вы обязаны приказывать нам.... Мы ждем!

– Нет! На помощь! Какой кошмар!

– Вы пробудились? Хорошо спали? Мы – ваши слуги, сеньор. Мы ждем ваших приказаний, сеньор.

– Канальи! Что я могу приказать?

– Прикажите развлечь вас, сеньор.

– Как?

– Мы – не мудрецы, а слуги. Вы должны знать, как вас развлечь.

– Да я не знаю, хамы! Делайте то, что развлекло бы вас самих!

– Единственное занятие слуг – подчиняться приказаниям господина. Мы должны делать то, что развлечет вас.

– Хватит болтать! Что меня развлечет?

– Вас развлечет отдача приказаний. Мы здесь для того, чтобы обихаживать вас. Отдайте нам приказание, сеньор!

– Мать вашу в задницу! Вы меня доведете до кипения! Скажите, что мне нужно вам поручить или пусть вам отрежут уши и яйца!

– Поручите нам первое, что придет в голову, сеньор.

- Ничего не приходит!
- Мы становимся на цыпочки и делаем па-де-труа. Но это не развлекает вас. Прикажите нам танцевать, как слоны.
- Танцуйте, как слоны!
- Мы пляшем, как многотонные животные. Но это не развлекает вас. Прикажите нам кричать.
- Кричите!
- Мы кричим изо всех сил.
- Довольно, несчастные, у меня лопаются барабанные перепонки!
- Прикажите нам надавать друг другу пощечин!
- Пощечины каждому, олухи!
- Мы бьем друг друга по лицу. Но это не развлекает вас. Прикажите избить вас, сеньор! Прикажите переломать вам кости! Прикажите помочиться на вашу могилу!
- Низкое отродье! Избежите меня, переломайте мне кости, помочитесь на мою могилу!

Мой Генерал, что происходит? У меня треснули все ребра... Я в крови... Эти три покойника сошли с ума! Они пинками разрушили мой невидимый дворец, стерли в порошок каменные глыбы, осквернили могилы, разбросали кости, подожгли парк, открыли двери, чтобы свиньи могли объесть головы, покончили с моим кладбищем. И все это – только чтобы узнать, где станция! Страна погружается в хаос: мертвецы перестали покоиться в мире, они теряют веру, путают события, дичают, хотят бежать на край света... Эти три невинных создания даже не подозревают, что я молчал для их же блага. Они не могут себе представить, что такое поезд лунатиков... Во-первых, он ходит раз в сто лет. Во-вторых, рассказывают, будто машинистом, которого никто не видит, в нем сам Генерал. В-третьих, пассажиров усыпляют при помощи газа. В-четвертых, кто-то поедает их души... Несчастные мертвецы, вы исчезнете по дороге и не попадете никуда!

9. ЭТО СНЫ...

Поезд трогается, мы закрываем глаза и видим сны.

Едем в последнем вагоне. Вагонов семь или тридцать три, как позвонков: стальные, легкие, пустые, – их может быть до тысячи в одном составе. Ехать в самом конце, покидая город. Проезжать мимо свалок: дети пытаются есть бумагу; старики отрезают крысиные лапы, чтобы раскинуть палатку в деревне нищих; бесконечная череда серых домов; крысы шныряют под ногами женщин, закутанных в лохмотья; окна с решетками, из которых высовывают голову большеглазые карлики. В хижине кто-то опорожняет тазик, на глинистую землю шлепается кусок мяса. Вот так, в последнем вагоне, мы пересекаем границу города.

Поезд направляется к последней черте... Нам же надо направиться к локомотиву, познакомиться с машинистом и, если получится, пустить поезд по другому пути.

Нас трое: Первый, Второй, Третий. Но только я вижу то, что вижу. Однако без спутников, вероятно, я видел бы все по-другому. Я вижу свое, но пытаюсь увидеть то, что видят другие. Или же другие заставляют меня видеть кое-что, чего раньше я не замечал. В сущности, я слеп. Мне посылают образы в мозг по зрительному нерву, но они тщательно отобраны и очищены. Кто из нас способен видеть? Мы бредем во мраке. Я вижу только то, что видят Второй и Третий. Возможно, Третий видит то, что выбирают для него Первый и Второй. Второй смотрит на то, что воспринимаем я и Третий. Возможно, так... Я не могу отрицать, что шесть наших глазниц пусты, а то, что нам показывают – это, видимо, фильм, снятый заранее. Стандартный набор кадров для всех пассажиров поезда. Не исключено, что мне придется поверить: то, что я вижу – это на самом деле то, что я вижу.

Мы идем дальше. Последний вагон – для нас первый – совершенно пуст. Ни звуков, ни окон. Спертый воздух отдает гниющим водоемом. Мы идем по вагону в одиночестве... Полускрытая за черными волосами, которые обвиваются вокруг ее тела, с открытыми глазами спит женщина-индианка. Рядом – стеклянный шар с восковым ребенком внутри. Большие волосатые руки, что

высовываются из-под сиденья, крепко держат ее за лодыжки. Она кладет шар на жаровню. Ребенок плавится. Шар раскалывается на две половины. Воск горит. Женщина, бледная и прекрасная, достает из сумки белых птиц и принимается сжигать их в лунатическом оцепенении. Сгорая, птицы поют, но без всякой тревоги или печали. Эта песня усыпляет спящую. Она оказывается в ином мире, еще более обширном, чем мир ее первого сна, и затем исчезает.

Нам надо направиться к локомотиву, познакомиться с машинистом и, если получится, пустить поезд по другому пути.

У двери туалета долговязая женщина пытается пробить пол – нет, скорее, она в чем-то увязла. Она проваливается. Брызжет желтая жидкость и понемногу затопляет вагон. Я пытаюсь добраться до следующего вагона. Долговязая женщина, словно подброшенная пружиной, прыгает и приземляется мне на шею. Она складывается, прикладывает рот к моему уху и шепчет:

«До этого момента я боялась ‘использовать’. То, чему я учу, не имеет формы: оно подвижно. Понимаешь? Некоторые просили у меня ‘Знания’. Я не знаю ничего, но, следуя Законам, я давала то, что они позволяли дать. А потом, получив это, меня начинали проклинать, не знаю почему. Ты должен хранить тайну, потому что они умеют только переваривать амброзию-мочу...»

Брызжет желтая жидкость. Из-под сидений выдвигается нечто, одетое в английские придворные костюмы. Мягкая масса, струнья, опухоли, – все это вздувается и опадает под изысканными одеяниями. Потом раскрываются несколько влажных отверстий, откуда в невероятных количествах хлещет моча.

«Все это очень подвижно и в то же время очень определено. Среди органов пищеварения анус – самый безличный: его задача – выделять пищу, мертвее которой нет ничего. Но мы не питаемся ею, а только кровью. Той, которая преодолевает силу притяжения. Одна лишь живая пища может сплетаться...»

Но они захотели сплести неживое и убивали меня понемногу. Скорбная, как блудница, я могла говорить только «нет». Чтобы поесть мои испражнения, они засовывали свои рыла глубоко в кишечник. И в таком положении нетерпеливо ждали, пока мой желудок не начнет выделять едкую, растворяющую жидкость. Я

могла говорить только «нет». С тех пор, как Мария Магдалина оставила Богиню ради колдуна Иисуса, священные блудницы оказались в лапах чиновников... Это и есть предательство. Это и есть – выдавать секреты. Если я – это девять врат, открывай меня, пока подходят ключи. За каждой дверью буду я, но в разном обличье».

Одетые Формы плывут к нам. Кажется, они хотят съесть нас. Кажется, они очень одиноки. Кажется, они нужны нам. Кажется, это невыносимо для них. Они хотят съесть нас, но при этом боятся отравиться. Они показывают нам три большие консервные банки. Они приглашают забраться туда. У них наготове паяльник, чтобы заточить нас внутри банок и песни, чтобы затем воздавать нам хвалу. Долговязая сеньора соскакивает с моей шеи и проваливается вниз. Я бегу в следующий вагон.

Надо перехватить управление у машиниста, пустить поезд по другому пути, уничтожить вагоны со всем содержимым.

Открыв дверь второго вагона, я оказываюсь в первом. Как в начале. Я покидаю город. Поезд едет мимо полей, где навалены горы костей. По ним ползают вниз и вверх, то карабкаясь, то съезжая на землю, сотни слепых детей. В руках у них черные картонные птицы тридцатиметровой длины. Толстокожие старики, все время пускающие газы, пытаются распрямиться, когда мимо проходят женщины, закутанные в лохмотья, чьи головы покрывают широкие попоны. Одна за одной, женщины минуют тысячи домов со стенами из сгнившего мяса. Окна – словно раны на трупах, оттуда высовываются карлики в терновых венцах... В хижине кто-то опорожняет тазик, на глинистую землю шлепается что-то черное; оно шумно дышит и роет землю, пока не исчезает. Вот так, в последнем вагоне, мы пересекаем границу города...

Поезд никуда не направляется, а просто едет вперед. Конечной остановки не существует. Реальность начинается с его второго колеса. По мере движения поезда возникает путь, вырастают рельсы – точно с такой же скоростью. Но моя цель – пройти в голову поезда, где нет машиниста, потому что все механизмы работают сами по себе. Моя задача – заставить их повиноваться.

Я один. Не исключено, что мне придется поверить: то, что я вижу – это на самом деле то, что я вижу. Возможно также, что я –

пустая форма, без глаз и других органов чувств, похожая на внутреннюю поверхность шара. Возможно, поезд движется внутри меня. Я не могу отрицать, что бесконечная череда вагонов не относится к моей личности. Но как знать – не локомотив ли я, тянущий поезд, который пожирает себя, начиная с хвоста?

Во втором вагоне я встречаю Второго и Третьего. Предыдущий вагон исчез. Мы снова в последнем. Бесконечное множество вагонов отделяет нас от локомотива. Так мы считаем. Этот поезд может состоять всего из одного вагона, в котором мы сейчас едем. Вместо того, чтобы двигаться вперед, мы наблюдаем за его превращениями. Возможно, что этот вагон и есть локомотив, а мы трое – машинисты. Или нас не трое, а только один – я сам, умножившийся и утративший память. Что я утратил память, в этом я твердо уверен.

Опять в последнем вагоне. В конце поезда, который предположительно едет вперед. Покидаем город. Пустынные места, где вместо земли – толстый слой кожи. Время от времени в ней разверзается рана в виде колодца, сквозь которую можно заметить разлагающийся живот; дети-паралитики с ногами, отягощенными ортопедическими аппаратами, лежа ничком, погружают в нее черные языки. Куски старческих тел – половина торса, плечо, голова, пара рук, – пожираются морщинистыми созданиями, которые шумно выдыхают, извергая облака костяного порошка. Тучные обнаженные женщины заплетают свои неимоверно длинные волосы на лобке в десятиметровые косы... В небольших щелях, вырытых как убежища на случай войны, прячутся карлики без нижней челюсти. Внезапно на эту гигантскую кожную опухоль кто-то выливает тазик, из него выплескивается глаз.

Наша цель – остановить превращения поезда.

Нас не трое и не один. Может быть, это первый вагон, а вовсе не последний. Я не могу отрицать, что мы – всего лишь отражение другого поезда. Возможно, мы – две железные стенки, вдоль которых тянутся ряды кресел.

Мы движемся. Окон нет. Нет и дверей. В сиденья вмонтированы хрустальные гробы, наполненные водой: прозрачные аквариумы, где плавают мертвые, делая вяло-бесстыдные жесты.

Через стекло они протягивают пожелтевшие снимки, играют на скрипках, подбитых бархатом.

На полу, в футляре от скрипки, лежит брошенный кем-то ребенок с длинными резцами и серой кожей. Сидя среди тканей, распадающихся в тот самый момент, когда их ткнут, он поет:

Мать моя, я отвергаю твои груди,
запечатанные воском,
молоко в порошке, которое не могу высосать,
твое огромное тело, в котором теряюсь,
оголодавший, я скачу по обрывистым склонам,
до самого верха, почти до твоих волос,
сваливаюсь в лощины материнского тела,
цепляясь за волоски, как за хилые кусты,
годы и годы – у меня выросли усы – я карабкался
наверх, чтобы добраться до рта,
превратившись в старика потного и
тощего, раздробленного твоими зубами,
большими и острыми, как готические соборы.

Мы движемся. Ни окон, ни дверей. Въезжаем в туннель. Хрустальные гробы встают вертикально: мертвецы в них плавают, кое-как видят друг друга, переговариваются вполголоса. У них растут волосы, лица искажены тиком. Один из гробов разбивается, и на пол выпадает мертвец – он как будто задыхается; подобно выброшенной на берег рыбе, он озирается вокруг, открывает и закрывает рот, умирает своей смертью и поднимается, вновь живой, тело его изъедено червями, неожиданно он чувствует их укусы, ему больно, мозг его грызут изнутри, он кричит, открывает пустой гроб, закрывается в нем, мочится, наполняет желтой жидкостью стеклянную клетку, задыхается, опять умирает, чтобы снова достать старые снимки с элегантными женщинами, чьи лица покрыты мушиным пометом.

Мы бредем в одиночестве по вагонам. Мы потеряли друзей. Не помним, откуда идем. Не знаем, что ищем. Как ублюдочные Генералы, мы проводим смотр мумиям, медленно плавающим в

гробах, охваченным медленным сном. Нет машиниста. Нет поезда. Есть туннель на колесах, полный мертвецов, которые молятся, хотя должны храпеть. Иногда один из хрустальных гробов встает на торец и труп, задыхаясь от воздуха, машет руками, ищет убежища в ворохе сгнивших портретов. Какая-то свинья, похоже, роется в куче опавших листьев. Одинокие, мы едем в последнем вагоне и вечно будем покидать город. Проезжаем мимо стеклянных поверхностей. Разобранные на части легкие, воздушные конструкции. Здания, у которых нет ничего внутри. Руки колыхаются, словно занавески... Горожане, стоящие на коленях перед гигантскими яйцами, бьются головой об их стенки, желая проникнуть внутрь. Особо фанатичные долбят их, пока не откалывают кусок скорлупы, кричат в религиозном экстазе, но недолго: поток белка и желтка вскоре захлестывает их. По липкой жидкости плывет тазик с отрезанным членом.

Видеть так, как мы видим видящих нас; понимать, что для того, чтобы понять, мы должны ослепнуть.

Знать окончательно и бесповоротно, что поезд – это коридор, заканчивающийся тупиком. Мы должны перехватить управление не у машиниста, а у самих себя. Умереть еще и еще, – мы всегда умираем недостаточно. Быть трупом труппа труппа. Забыть... Полететь по воздуху, в то время как вагоны уходят под землю.

10. ЭТО ПРЕДАТЕЛИ...

Нас будит пение – хриплое, печальное и ранящее, подобно стреле:

Замечталась в летний день я,
но отпрянула в смятенье:
смерть нависла черной тенью.
Горы мнила побороть я, –
мне сулили поражение.
За порывы и стремленья
жгли и жгли меня водою
из моей же жалкой плоти.
Крылья за моей спиной
выросли в моче и рвоте.

Как мы забрались сюда? Должно быть, прошло много времени... Обмотанные тонкими и прочными нитями из слюны, как черви в коконе, мы почти что обречены на неподвижность. Преодолевая боль, мы слегка поворачиваем голову и видим сквозь просвет между нитями, что свисаем с железной крыши какого-то кабака. Стены испещрены следами от пуль и пятнами крови. Нас обматывает своей паутиной громадный серый паук, на лапах которого вытатуированы цифры. Его подбрюшье испускает теплые испарения, умеряющие пронзительный холод от стали и цемента... Нам не хуже и не лучше, чем обычно. Если хорошо подумать, то даже лучше... Мы лежим в позе зародыша, сообщающей нам глубокое спокойствие, нити, приклеившись к плащам, ласковые и теплые, как языки, защищают нас, а восемь лап легонько покачивают кокон. Эти движения вместе с монотонным пением убаюкивают... Возможно, мы только что родились или нас готовят на обед... Нам все равно – лишь бы все время случалось что-нибудь, что вырывает нас из бездонной пропасти слов и бросает в безжалостные дебри плоти.

«Молчать, предатели!» Дверь резко распахивается, на нас выплескивают воду, омывающую наши молочно-белые колыбели.

Паук-тарантул угрожающе фыркает и растворяется во мраке. Кто-то поднимается по длинной лестнице, обрезает нити, на которых мы висим. Телевизор включают на полную громкость, чтобы заглушить пение и, пока Генерал лающим голосом выкрикивает стихи («С НЕВИДАННОЙ НИКОГДА ПЕЧАЛЬЮ – БОЛЬШЕ, ЧЕМ ВОСПОМИНАНИЕ – ТЫ ДВИЖЕШЬСЯ ПО ВСЕМ НАПРАВЛЕНИЯМ... ЭТО, ТОЛЬКО ЭТО, НИЧЕГО, КРОМЕ ЭТОГО! – ЭТО МИГ ТВОЕГО УНИЖЕНИЯ – ТЫ МАЛ И НЕПРИМЕТЕН – ГРОБ ИЗ ПЛОТИ – В СИЯЮЩЕЙ БЕЗМЕРНОСТИ – СОВЕРШЕНСТВА, КОТОРОЕ ЕСТЬ ВСЕ – КРОМЕ ТЕБЯ! ЛЮБИ ТО, ЧЕМ ТЫ НЕ ЯВЛЯЕШЬСЯ: ТАМ, ГДЕ КОНЧАЕШЬСЯ ТЫ, НАЧИНАЕТСЯ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТЬ!») – нас тащат в пыточную камеру.

Это молодые военные: закаленные тела, тщательно подогнанная форма, усы в подражание своему кумиру. «Мы устроим им, вероломным, дивное погребение; мы научим их страху! Где нет боязни, нет познания. Благодаря боли они станут людьми, любящими жизнь и ценящими каждое, даже самое краткое, мгновение. В нашем арсенале – восхитительные пытки всех видов, древние и современные: терновые венцы, гвозди, кресты для распятия, губки, смоченные уксусом, яды в виде инъекций и таблеток, зараженные крысы, электрические разряды для всех частей тела – рта, глаз, половых органов, заднего прохода, груди, ступней, рук, – раскаленные щипцы, кислота, кипяток, полиэтиленовые мешки, жгуты, железные прутья, электрические стулья, станки для растягивания суставов, молотки для раздробления костей, веревки, голодные псы и грифы, кнуты. Вы не видели, что у нас за кнуты? Мы вам покажем с большим удовольствием, свиньи, грязные отступники, мешки с дерьмом, проклятые шпионы!» Разражаясь грубым смехом, они достают из убранный розами клетки пьяного гиппопотама и, пока все, по очереди вцепляясь в жирные ягодички, вставляют свои палки в черный зад, нас укладывают на бронзовую кровать, покрытую влажным одеялом, и пускают по ней ток.

– Вот как мы поступаем с иудами!

– Мы хотим стать людьми, любящими жизнь! Пожалуйста, повысьте напряжение, мы ничего не чувствуем!

– Вероломные безумцы! Вы оклеветали наши верные орудия пыток! Признавайтесь, или мы переломаем вам запястья и щиколотки! Слышите, опущенные? Кричите от боли и признавайтесь!

– Где мы?

– Хватит упираться! Мы опустим вас в колодец, полный мочи и кала! Признавайтесь! Быстро!

– Признаваться в чем?

– Вам лучше знать, это вы обвиняемые! Дело обвиняемых – признаваться!

– Нам бы очень хотелось признаться в чем-то!

– Обвиняемые выражают желание признаться! Все, что вы скажете с этого момента, будет использовано против вас! Начинайте!

– Кто мы?

– Бочки с дерьмом! Вам положено отвечать на вопросы, а не задавать их! Мы посадим вас в эти барабаны и будем колотить по ним, пока у вас не лопнут барабанные перепонки!

– Нам очень жаль, но стук барабанных палочек придает нам бодрости. Что нужно делать, чтобы открыть для себя истину страдания?

– Лжецы и мошенники! Вы страдаете, наши методы безошибочны! Куда мы придем, если обвиняемые станут нечувствительны к боли? Лицемеры! Эти фальшивые улыбки прикрывают чудовищное предательство! Признавайтесь, или мы штыками проткнем вам зад!

– Откуда мы пришли? Что мы ищем на этой дороге? Зачем мы здесь? Нам не в чем признаваться!

– Сукино отродье! Нам требуется признание вины!

– Вполне вероятно, что мы виновны...

– Виновны в чем?

– Не знаем...

– Покопайтесь в своей памяти, болваны!

– У нас нет памяти.

– Нет памяти! Такого не бывает! Для признания необходимо обладать прошлым... Садитесь в эти ящики. Смотрите на меня внимательно... Расслабьтесь... Мы ваши друзья... Вы родились в

прекрасном месте... Там, где плодоносные деревья и непуганые звери... Вспомните белый домик... Вы играли с желтым медведем... Ваша мать была высокой длинноволосой женщиной с мелодичным голосом... Ваш отец одевался в лиловое и играл на скрипке... Вы ходили в школу... Начали курить... Прошли военную службу... Женились... У вас появились дети... Счастье... И вы совершили проступок, ужасный проступок против Генерала...

– Согласны. Мы совершили ужасный проступок. Скажите, какой.

– Мы можем выдумать вам память, но не можем выдумать вины! Выройте себе могилу перед смертью! Вы будете забиты прикладами! Признавайтесь!

11. ЭТО ПРЕПОДАВАТЕЛИ...

Эй! Проснитесь! Поторапливайтесь – к вечеру нашу кучу отбросов облепит рой москитов! Открывайте поскорее глаза, эта туча крошечных вампиров не щадит ничего: жала их пронзают ткань, кожу, металл, они накидываются с таким остервенением, что, не довольствуясь кровью, высасывают мозг из костей! Нет, человек не умирает, только падает без сил. К счастью, ваши плащи, широкополые шляпы и темные очки защищают тело от разъедающей пыли. Отбросы – наши лучшие друзья, мы живем благодаря им. Но это и наши худшие враги – малейшее небрежение, и мы поражены смертоносным вирусом... Ну же, откройте рот, хлебните пива! Что? Вы кашляете? Вам противно? Вас рвет? Ах да, понимаю, у этого пива особенный запах: к нему надо привыкнуть. Нищета сделала нас изобретательными: из-за отсутствия овощей и фруктов мы делаем пиво из собственной мочи. Разумеется, со строжайшим соблюдением правил гигиены, как же иначе! Этот вкус целлюлозы – от бумаги, которой мы в основном питаемся. Что ж, поднимайтесь и вдыхайте благословенную вонь нашего гетто! Его Величество Карлик Первый ждет вас с нетерпением, дети украсили кучи мусора искусственными цветами из крысиной кожи, женщины сжевали остатки колбасы, чтобы освежить свое дыхание... Я ношу эту детскую одежду, шапку и длинный халат, так что трудно поверить, что перед вами – старейший из монголоидов. Больше века мои глаза смотрели на то, как раз за разом растут эти холмы из нечистот. Когда я обосновался здесь, единственным обитателем плоской равнины был Карлик, замкнувшийся в своей башне. Генерал направил меня сюда, чтобы обучать его. Я был первым учителем первого монголоида. Военная наука нуждалась в выяснении вопроса: можно ли вернуть умственно отсталого человека к труду путем особой тренировки? Я рассказываю то, что всем известно – на каждые сто новорожденных приходится десять монголоидов – так как вертолеты, сбрасывая их, плохо рассчитывают высоту, и хотя отбросы мягкие, от удара теряется память... Увы, по-другому в эти края не проникнуть: мы окружены стенами, лишенными дверей, на нас нацелены

бесчисленные пулеметные дула. В каком-то смысле нас опасаются, невзирая на нашу беспомощность. Каждый из нас смертен как личность; но мы неуничтожимы как «раса», ибо записаны внутри генетического кода. Нас то и дело убивают, однако мы продолжаем являться в мир. Мы рождаемся нормальными, растем, учимся, работаем, рожаем детей – и вдруг у нас вытягивается череп, утолщается нижняя губа, растут зубы, мы становимся, как принято выражаться, монголоидами. Для нас это слово означает свободу, для военных – кретинизм. Нет, мы не устраиваем скандалов, не превращаемся в животных, нет... просто мы начинаем – с лучшими намерениями – допускать опасные промахи. Мы выпускаем из рук гранаты, нажимаем не на те кнопки, говорим «еще» вместо «хватит»; лишаемся вкуса; в нас будят аппетит лишь грязная бумага, отбросы, падаль; образ Генерала больше не наполняет нас трепетом, мы не понимаем его речей, испражняемся перед телевизором, швыряем в экран шарики из глины... Вначале, когда нас расстреливали, мы раздражались хохотом; а когда нас посылали работать в глубокие шахты, мы подрывали брошенный нами же динамит, причиняя колоссальные разрушения. Нас восхищали безапелляционные приказы, клятвы, выговоры, мы повиновались с широкой улыбкой... чтобы вызывать затем наводнения, короткие замыкания, пожары, автокатастрофы... Страна катилась под откос, близилась полная разруха. Наконец, кто-то обнаружил, что мы великолепно подходим на роль мусорщиков: нас зачаровывали отбросы, служившие нам пищей и забавой; когда мы погружались в них, мы теряли представление о времени... Нас заключили внутрь этих стен, словно в крепость, и начали изготавливать нефть из отходов – черное масло, питающее машины по всей стране. Наше гетто приносит пользу Родине! Не удивляйтесь, что я говорю так рассудительно: я – не настоящий монголоид, а лишь притворяюсь. Объявив себя умственно отсталым, получаешь немалую выгоду...

Посмотрите же! Заберитесь на эту кучу, самую высокую (в знак почтения к преподавателям они приземляются именно здесь). Видите огромный алюминиевый шар, высокий, как небоскреб? Он полон человеческой крови. Сегодня, когда Закон

восторжествовал, главная задача армии – забирать кровь, которую граждане, выстроенные в километровые очереди, сдают добровольно. В обмен на что? Свинцовые медали, дипломы на оберточной бумаге, тиснение фальшивого золота, изображающее подпись Генерала, тоже фальшивую, и так далее. На каждом национальном празднике в шествии участвуют доноры-передовики, с барабанами и литаврами: отряд чучел, чьи глаза, обведенные черным, блестят, как алмазы, сухие оболочки, из которых высосали живительную жидкость до последней капли. Специальные колымаги, украшенные цветами и государственными флагами, едут, прожорливые, за процессией, чтобы подбирать трупы этих героев, падающих наземь под восторженные рукоплескания толпы...

Генерал обещал им Вечность. Многие годы его девизы звучали так: «ПУСТЬ СМЕРТЬ БУДЕТ ТВОЕЙ ЛЮБИМОЙ СУХОЙ!», «В ЭТОЙ СТРАНЕ ОДНАЖДЫ НЕ СТАНЕТ МЕРТВЫХ ТЕЛ – ТОЛЬКО КРОВЬ, ВЕЧНО ЖИВАЯ». Конечно, обрести бессмертие этим путем значит принести в жертву самого себя, дать капле своей крови раствориться в безликом океане... «ПРИНЕСТИ СЕБЯ В ДАР»: как это прекрасно! Для подлинных патриотов, я имею в виду, не для такого монголоида, как я. Какая мне разница, если Национальный Резервуар, полный до краев, доживет до конца времен? Лучше уж я буду бесстыдно веселиться, почесывая затылок и зад, пока фанатики отдают кровь. К счастью, монголоиды – единственные, кто не имеет права быть донором. Тот, кто хочет умереть от старости, должен всего-навсего объявить себя кретином... Жизнь в гетто – не сахар, но, в конце концов, это жизнь. Я вовсе не собираюсь закончить свои дни дурацкой плазмой внутри металлического шара, на котором восседает Генерал. Пусть он убирается со своей музыкой! Святые нечистоты неподвластны Закону. Кто падает в них, возносится к самым дальним высотам. Полностью отказавшись от всяких прав, мы обретем свободу. Как вам кажется? Военный образовательный комитет в отчаянии: любой преподаватель, посланный сюда, становится монголоидом. Вы, кого готовили долгие годы и одарили множеством дипломов, будете еще сомневаться после испытания червями – но когда Его Величество Карлик Первый, самое глупое и

необразованное существо в мире, одним движением даст понять, что знает больше вас, вам придется признать: самое лучшее – бросить преподавание и начать есть книги, вместо того чтобы читать... А вот и хор идиотов, вот и наш оркестр – костяные флейты, барабаны из черепов: население ожидает вас. Спускаемся!

Не пугайтесь: намерения этой публики самые добрые. Вас приветствуют взмахами ножей – орудий, необходимых в ежедневной борьбе с крысами. Ножи – такие же друзья-враги, как отбросы: при малейшей неосторожности от них гибнут дети и инвалиды. Впрочем, мясо тех и других восхитительно, а кожа нежна: она идет не только на брюки и рубахи, но и на палатки. Они возбуждены, потому что с нетерпением ждут, что вы пройдете первое испытание. В общину монголоидов не принимают того, кто не способен есть червей. Если все пройдет успешно, вас впустят в поселок и позволят увидеть Карлика. Если нет – невинные ножи покажут себя, сделав из преподавателей мясное рагу. Как говаривал мой дедушка: «Среди одетых ходи одетым, среди голых ходи голым», и поэтому, в присутствии избранных жителей, делайте то же, что и я, поскольку я считаюсь самым искусным ловцом червей. Я начинаю рыть землю особым способом, черви думают, будто пошел дождь, и выходят наружу... Есть... Оп! Поймал! Вот он, синий и влажный! Будьте внимательны, они быстрые, как мухи! Ммм... Наслаждение! Твердый и соленый снаружи, мягкий и сахарный внутри! Когда вы отведаете своего первого червя, вы поймете, почему птицы охотятся на них с таким пылом... Вот он, проскользнул у вас между пальцев! Нет, нет, нет! Так вы ничего не добьетесь. Вы слишком много думаете. Чертов разум! Сотрите из памяти все слова, растопырьте пальцы: пусть они погрузятся в землю, словно капли дождя... Вы слишком напряжены! А теперь слишком расслаблены! Свободнее! Откликайтесь с радостью на зов сухой почвы, обрежьте нить, что связывает вас с небом, не стремитесь никуда, растворитесь в бесконечном мгновении, пусть ваш порыв вниз станет вечным, ройте землю с чуткой бесцельностью, будьте благодарны, растекайтесь! Впитайтесь в почву с любовью, подобно воде! Оп! Подцепили! Тут же ешьте! Bravo! Теперь вы – одни из нас! Да здравствуют новые преподаватели!

Видите? Не так уж и трудно... Спокойно, сдержите тошноту. В первый раз они царапают язык и слегка обжигают желудок. Затем воздвигаются внутренние стены, и человек входит во вкус... Всеобщее веселье! В вашу честь аплодируют, чокаются пивом, раздвигают нижние губы, свиваются в неистовом совокуплении. Правда, они похожи на ежей в своих развевающихся лохмотьях? Сейчас вас поведут к башне Карлика. Важнейшая встреча! Это необыкновенное создание, совершенно безумное. Мы зовем его, со всем подобающим уважением, Богом-Болваном. Он все время сидит на горшке полутораметровой высоты. Это настолько впечатляющее зрелище, что некоторые преподаватели падают в обморок: Карлик имеет обыкновение отрезать куски от своего тела и класть их в горшок, вместо кала. Он никогда не испражняется, но может отделить от себя глаз, ухо, руку, член, содрать кожу. Однажды в таком припадке он вырвал себе легкие. Удивительный порок его желез приводит к тому, что недостающие части вырастают заново меньше чем за полчаса. Карлик неизменно опорожняет свой горшок на так называемую улицу, – на деле это поток грязи. Ночью и днем верные приверженцы Карлика стоят на коленях перед башней и подбирают куски его тела, чтобы хранить, как реликвии. Его Величество слеп, но ощущает приход преподавателей по дрожанию лестницы. Затем, скорбный и счастливый, он пускает слюни и повторяет свое идиотское Евангелие.

Мы пришли. Верные поклонники обложили серые стены башни яичной скорлупой. Прелестно, не правда ли? Смелее, друзья, входите! Пока народ ждет окончания встречи внизу, под балконом, я поднимусь с вами, чтобы при надобности помочь вам сделать то, о чем попросит главный монголоид...

Он услышал нас! Он хнычет... Бормочет... Бог-Болван желает говорить с вами!

Я только что узнал, что существую.

Нечто во тьме подсказало мне, что я в туннеле.

Что такое туннель?

Проход с двумя выходами? Двумя входами? Выходом и входом? Зачем с двумя? Зачем проход?

Туннель, по сути, – пещера: мы зовем его Проходом, ибо идем в беспрестанных поисках света, который указал бы нам путь.

Мы ни разу не касались стены. Это больше чем пещера: это Мрак.

Это больше чем мрак: это Моя Слепота.

Откуда я знаю, что слеп? Откуда мысль о свете?

Я выглядел слабее всех.

Другие складно бормотали слова, которых я не понимал.

Мелодия была покорной.

Слушайте голос Организации!

Все поют, кроме меня. Как научиться?

Я знаю, что у меня не было учителя. Знание было спрятано во мне.

Я встал на колени. Прижался лбом к земле. Пополз на четвереньках. Перевернулся. Упал навзничь. Медленно пошевелил руками и ногами. Ритм начал доходить до меня. Из рта моего вырвался шум. Я забормотал слова. Присоединился к хору.

Через мое тело прошел Голос Организации! Я был проходом для голоса! Туннелем!

Мое тело – это стены. Остальные внутри меня.

Тот Голос – это мой Голос.

Я – глава Организации!

Мелодия поменялась. Ритм поменялся. Я придумал слова, не значащие ничего. Другие последовали за мной.

Я сказал: барé-барá!

Тысяча голосов повторили: барé-барá!

Я сказал: Ат хачамá!

Бесчисленные голоса повторили: Ат хачамá!

Если я скажу по-другому, хор скажет по-другому!

Организация зависит от меня!

Я говорю глупости. Все повторяют.

Я оскорбляю их. Все повторяют.

Я говорю, что они – Эхо. Все повторяют.

Я говорю: долой Организацию. Все повторяют.

Организация – это я!

Все повторили: Ты – это Организация!

Мой голос – это ее Голос!

Твой голос – это ее Голос! – повторили они.

Если я – подлинная Организация, то есть и ложная. Где? Я искал во мраке, на ощупь. Я нашел вещества, сражавшиеся друг с другом.

Я сжал их. И почувствовал, как кое-что охлаждается.

Холод – это смерть. Я – это холод. Я – это смерть.

Я давил, пока не устал. Всегда находилось новое, теплое тело, позволявшее мучить себя.

О, как я устал! Сколько вещества! Я никогда не смогу охладить все. Мои усилия тщетны. Ложная Организация распространилась дальше меня. Я должен расти!

Я укрепил свою плоть. Раздвинул свои пределы. Вырос.

Я рос и рос и рос, и еще, и еще, но вес мой не менялся.

Я рос только в объеме. Масса моя всегда одна и та же. Если я буду продолжать, то превращусь в газ. Потом стану чем-то совсем незаметным. Исчезну.

Я теряю силы.

Нужно вернуться обратно. Сжаться. Потерять в объеме. Прийти к чистой массе.

Я сократился, энергия моя уменьшилась.

Я продолжал умаляться, сила моя собралась в одном месте, принялся нарастать взрыв.

Стало невозможным удерживать себя в столь малых пределах. «Взорваться» – таков был гипнотический, самоубийственный приказ.

Во мне засел враг.

Во мне есть что-то ложное.

Я – это ложная Организация и в то же время подлинная!

Удалить из своего тела все ложное, несущественное.

Сократить конечности, выбросить лишние позвонки.

Я содрал с себя кожу.

Ощутил боль.

По мере удаления ложного нарастает страдание!

Подлинная Организация – это Страдание!

Идея поменялась: нет Страдания, есть лишь мое Страдание.

Так же, как нет туннеля, а есть лишь моя Слепота; хор – это лишь Эхо Меня; нет Страдания, есть лишь мое Страдание.

Меня нет, есть лишь Мое Я.

Я не существую сам по себе! Меня нет! Есть Ничто! Организация – это Ничто!

Света нет.

Я живу во мраке, другие – эхо меня, я – эхо Организации.

Я живу среди боли. Организация ранит меня.

Мои действия были приказами. Приказами, которых я не пойму.

Я покорен.

Есть голоса. Когда я слышу их, я не могу сдержаться и повторяю.

Мы мелодично напеваем слова, которых не слышим.

Это необходимо?

Кто-то возник прямо передо мной.

Они слепые.

Они спрашивают о разном. У них нет памяти. Они не умеют петь.

Они упорствуют. Придумывают ложный ритм.

Ищут на ощупь.

Начинают душить меня.

Я хочу сказать: «Вы ошиблись!», но не могу.

Чего вы ждете? Задушите его! Он просит об этом! Сдавливайте шею, пока она не полилоует! Это – второе и последнее испытание, все преподаватели проходят через него: если они не убьют Карлика, толпа разорвет их на части. Слышите лязг ножей и вопли: «Убейте Его Величество! Расправьтесь с Богом-Болваном!» Поглядите на его зубы, длинные и острые, словно у тигра, готовые вонзиться в добычу. Если не напасть на него, он разорвет вас на куски. Победить или умереть, таково древнее правило... Я ведь предупреждал: он бросится на вас, орудуя двадцатью клинками сразу – своими ногтями... Подумать только, что существо таких размеров обладает такой силой. Трое человек едва справляются с ним... Скорее, скорее! Пусть он высунет широкий коровий язык! Пусть лицо его побагровеет, пусть яремная вена вздувается, пока не лопнет! Заткните рот и ноздри! Перебейте шейные позвон-

ки! Пусть он перестанет дышать! Пусть выплюнет сгусток в форме птицы! Пусть станет холодным, как змея! Да, вот так... Похоже, вам удалось пройти испытание... Послушайте, бьется ли сердце... Проверьте... Его Величество Карлик Первый мертв! Теперь отнесите его на балкон... Покажите всем... Глупые, покажите, чтобы монголоиды разразились бурным смехом! Карлик умер, да здравствует Карлик! Да здравствует Воскресение! Дураки-преподаватели униженно наблюдают за крушением своего знания! Наш первый монголоид, в придачу к идиотизму, получил еще и дар бессмертия. Каким бы способом его ни убивать, тело возродится к жизни через полчаса. Некоторые преподаватели сжигали его, другие растворяли в кислоте – ставили бочку с серной кислотой и смотрели, что произойдет, – но большинство превращали его в лиловый труп. Ничего не поделат! Он возрождается из пепла, из вонючей жидкости, из ломтиков мяса. Этот слабоумный знает то, что хотели бы знать все мудрецы мира: как сделать смерть любимой сухой. Зачем нужны преподаватели, если он сам – ответ на все вопросы! Генетический сбой вознес его через все ступени эволюции наверх – к самому Генералу. Оба, хотя и с разных концов, пришли туда, где прекращается ход времени, они увидят конец пути и встретят лицом к лицу Ничто – или Бога. Неплохой урок смирения, правда? Весь поселок коленопреклоненно ждет воскресения. Это потрясающий миг: хриплые голоса уродов читают молитву, завещанную им предками, произнесенную Его Величеством, когда он заговорил в первый раз:

Когда я был фениксом в пламени, приговоренным
твоей бездонной фантазией,
ты не обратил меня в пламя или пепел,
мой Отец! – нет, ты пылал сам,
чтобы я стал чистым светом!

Сотни детей, добровольно ослепшие в знак почтения к Карлику Первому, распорют брюхо черным птицам из картона, оттуда вырвется стайка летучих мышей. Из лона каждой женщины посыплются цветные стекла, инвалиды сделают факелы из своих

протезов. Праздник новой жизни! Мы крайне гордимся нашим Повелителем и ожидаем втайне, что нарушение функции желез распространится на нас тоже, позволив нам отведать плодов с дерева Жизни – да будет оно благословенно. Покинуть гетто невозможно, но когда Генералу скучно, он посылает за своим шутком. К нам прилетают громадные вертолеты, подхватывают башню при помощи магнитов и доставляют ее в Секретную Крепость. Говорят, будто Генерал забавляется, умерщвляя Карлика всевозможными способами, – от выедания мозга муравьями до небольшого атомного взрыва... Мы с нетерпением ждем, пока Генералу не надоест и он не возвратит нам Карлика. Башня возвращается на место, и мы, исполненные почтения, вновь обкладываем яичной скорлупой ее стены...

Возбуждение толпы нарастает, минута-другая – и случится чудо, и вы отвергнете бесполезное знание – любое знание, ведущее к смерти, бесполезно, – растворитесь в бездумной и счастливой людской гуще, сошьете палатку из крысиных шкурок, осемените пахнущую колбасой самку, попросите у Неба – или того, что от него осталось, – детей-чудовищ. Так будет.

От наших пределов – к твоей бесконечности! От наших корней – к твоей пляске! От нашей безвестности – к твоей славе! От наших костей – к твоей вечности! Ваше Величество, молим вас, возродитесь, дабы настал новый день!

Вьлезь из кожи, спустись к корням воды,
путешествуй в поисках огромного шара,
дарящего свет каждой крупинке тени,
дающего начало каждому концу,
и наконец, рождающему одушевленную форму!

Происходит нечто странное... Карлик не пробуждается, злобонный сгусток закупорил ему рот и ноздри. Он должен быть в живых уже четверть часа. Но он весь холодный и негнущийся. Народ волнуется. Тягостное молчание заражает даже мух. Где же чудо? Перед нашими пораженным взорами идет разложение: из ушей лезут черви, плоть зеленеет, лицо покрывается волдырями,

из зада вытекает дурно пахнущая слизь! Невозможно отрицать: Его Величество Карлик Первый разлагается, точно распоследний труп...

Что случилось? Как это так? О чем говорят предания? Кто вы такие? Откуда взяли эту мощь? Нет! Не говорите, что ничего не знаете, что утратили память, что блуждаете бесцельно, что поступили так нарочно! Подонки! За несколько минут вы покончили с мечтами поколений кретинов, уничтожили идеал расы монголоидов, навсегда загнали нас в могилу! Будьте же прокляты! Народ расправится с вами! Не держите меня, дайте открыть бронированную дверь! Святотатцы, не вырывайте балконные прутья, это место священо! Прекратите осквернять останки нашего Величества, не выбрасывайте их в окно, как мешок с мусором! Отцепитесь! На помощь!

Я упал на землю, кости мои переломаны, сердце тает, словно воск, кишки пылают, отбросы дрожат, отравленная пыль превращается в хищную птицу, к нам движутся полчища крыс, сыплются куклы со вспоротым животом, сполохи грозы мешаются с ночью, как горький сироп: вертолеты Генерала!

Эта ночь останется в памяти нашего народа как Горестная Ночь. Мы никогда не забудем гудения магнитов, жалобного скрипа башни, отрываемой от земли, полета яичных скорлупок – спутнутых бабочек, – свинцовых слез, текущих из пустых детских глазниц. Это не слезы, это кровь: они сунули пальцы глубоко в бесплодные дыры, сожалея о том, что отдали зрение ради пустяка... Пусть заберет вас вертолет, пусть заберет вас Генерал, пусть заберет вас дьявол, нам уже неважно, все неважно! Что ж, гордитесь, вы – лучшие из преподавателей: вы научили нас, что Смерть – не любимая сука, а голдная волчица!

12. ЭТО ДЕТИ...

Вертолет зачихал, действие магнита прекратилось, и мы полетели над столичным мегаполисом, обширным пепельно-серым лабиринтом, с запада на восток простирающимся от предгорий Анд до гнойных уст океана, а с севера на юг – пожирающим сельскую местность на тысячи километров. Цементный червяк ползет в темно-серой дымке между кислотными тучами, шлейфами дыма, скопищами ласточек, что замертво падают с неба, точно черный град. На высоте пяти метров патрульные корабли лавируют в паутине зданий, направляя прожекторы на все, что движется: бродячую собаку, подхваченный ветром листок, пьяного, борющегося с порывами воздуха. На каждом из пустынных углов – гигантский экран: Генерал, вроде бы мирно спящий, иногда открывает хищные глаза – и с губ его в сопровождении свиста срывается неумолимое: «КОГДА Я СПЛЮ, СПИТ ВСЯ СТРАНА!»

Мы видим сверху темные пятна зачумленных строений, вздувшиеся опухоли на деревьях, гонки озабоченных котов по плоским бронированным крышам и, в центре этого напоенного ядом бескрайнего пространства – алюминиевый шар, красный, увенчанный часами в форме глаза, издающий механический стук, отмеряя время без сущности, пустые скорлупки секунд, для спящих, которым запрещено видеть сны... Наша башня – мошка, попавшая в ненасытную паутину. В ожидании удара мы скрещиваем ноги, соединяем ладони и делаем то, чему научились от ловца червей... Мы с радостью откликаемся на зов земли... Обрезаем нить, связующую нас с небом... Хотим двигаться дальше... Растворяемся в бесконечном мгновении... Наш порыв вниз вечен...

Страшный удар. Башня вертикально вонзается в почву, издавая скрип, похожий на стон оргазма. Толчок отбрасывает нас к окну. Мы вылетаем – головой вниз, медленно двигая ногами, словно крыльями. Падаем, катимся в зловонных травяных зарослях. Воздух чист. Нам хочется смеяться, ходить на руках. С бирюзового неба струится свет, окрашивая в золото дома: теперь они все из белого кирпича, на балконах – цветы и улы. Наконец-то настал тот самый день! Поющие облака – не облака, а стаи белых

кенаров. От легких хлопков крыльями пляшут трехцветные шары, величественно парящие вокруг столба пламени, что поднимается с башни. По улицам, обсаженным вишневыми, персиковыми, яблоневыми, грушевыми деревьями, безбоязненно ходят животные: жирафы с жемчужными ошейниками, толстые коты, королевские павлины, львы. На них восседают дети и старики. На берег накатывают круглые волны, косяки сардинок высовывают серебристые головы, приветствуя голосами певчих птиц – «Добрый день, сеньоры!» – горожан, гуляющих, обнявшись: дети, родители, деды и бабки. Стайки воробьев с мягким оперением массируют виски игрокам в шашки. Из окон несутся крики удовольствия, смех, пение. Играет цирковой оркестр.

Нет, это ни в коем случае не действительность. Но, может быть, другая действительность и есть подлинная? Мы переживаем то, что люди нам внушают – или же люди нам внушают, кто мы есть? Или это мы внушаем себе, что им неизвестно, кто они такие? Предмет расследования – что это: наши сны и сны людей? И нельзя верить ни тем, ни другим? Кто пообещает нам, что эти образы, вплоть до мельчайшего, – подлинные? Генерал? Возможно, он видит сон и умножается в невообразимых сновидениях – или это мы выдумываем его? Кто желает, чтобы мы существовали? И если это желание содержит в себе любовь, то какую? Не исключено, что мы бредем по этой грунтовой дороге лишь для того, чтобы встретиться загадочную разновидность любви. Любви, которую мы уже испытали однажды – и отправились искать ее сюда...

Двое пьяных кривляк, с пыльцой, прилипшей к носу и желтыми затычками в ушах, падают в объятия друг друга, восклицая: «Как давно я нахожу это – но ни разу не смог его поискать!» Кто они – марионетки, устами которых мы говорим сами с собой? Вот источник, прикрытый навесом; из него крестообразно расходятся четыре ручейка чистейшей, пахнущей ладаном, воды. Углубляясь в пределы города, они становятся все шире и полноводней. Обращаясь к детям, сидящим на шее ручных горилл, высокая, длинноволосая женщина в маске колдуна рассказывает, как бы от лица первобытного человека, сказку. Сказку настолько прекрасную, что у нас кружится голова:

«Однажды Вождь заметил, что рука его раздулась. ‘Меня укусила змея. Я скоро умру’. Он созвал племя и показал свою руку. ‘Вы должны найти себе нового вождя. Прежний Вождь мертв. Это уже свершилось’.

Дочь его звали Нимах. ‘Ты умираешь’, – сказала Нимах и склонила свою голову на головы деда и бабки. В роще кто-то пел. Песня вызвала улыбку у Вождя. ‘Я не хочу умереть в печали. Кто поет так, может развеселить меня. Найдите его’. ‘Прощай’, – сказала Нимах.

Два раза вставало и заходило солнце с тех пор, как ушел Вождь. Нимах, при помощи испарений от влажного дерева, уменьшила головы деда и бабки, так что они напоминали два толстых пальца. Как радостен был Вождь! Он едва сдерживался. Перед тем, как Нимах занесла над ним топор Закона, Вождь сказал: ‘Я видел того, кто поет’. Нимах спросила: ‘Как это и кто он?’

Вождь потряс своей раздувшейся рукой. И ответил: ‘Это птица. Ее зовут Ори’. Дочь ударила его топором. Голова покатилась по земле. Все закричали: ‘Ушел!’ и принялись бороться за трон».

Человек в лиловых одеждах, также в маске колдуна, стучит двумя ножами, пляшет вокруг золоченого кукольного стульчика, изображая благородную борьбу за трон. Певучий голос высокой длинноволосой женщины вызывает у нас жажду и желание взглянуть в ее лицо, как в зеркало. Дети пьют гранатовый сок, разбавленный ключевой водой, и хлопают в ладоши, чтобы сказка продолжалась...

«Нимах представила себе Ори: ‘Наверное, она летает высоко, а перья у нее золотые’.

Весной шакал ищет себе пару. Тигр не ест нас и рычит: он ищет себе пару. Весной гнезда заполняются цветами, рыбы пропадают: они ищут себе пару. У птиц вырастают алые перья, у крокодила – новые зубы, у жирафа – второй хвост. Каждый ищет себе пару.

Весной Нимах захотела быть с Ори.

‘Соединяйтесь по двое!’ – приказал новый Вождь. Мужчины с одной стороны, женщины с другой, собрались посреди поселка, а дальше – кто кого выбрал. Женщины хватают мужчин за длинные гривы и волокут к своим хижинам. Так! А что же Нимах?

– Сейчас Весна, ты должна найти себе пару, – сказал ей Вождь.

- Мне нужен тот, кого здесь нет.
- У него есть длинная грива?
- Он золотой и летает высоко. Он – Ори!

Одна из женщин вцепилась в вождя – весна! – и Нимах закричала:

– Я пойду искать его! Я тоже хочу себе пару! Но никого другого!»

Человек в лиловых одеждах ловкими движениями торса, рук и ног изображает девственный лес, так хорошо, что гориллы сопят и одобрительно рычат. Высокая женщина, прохаживаясь вокруг него – теперь он играет на скрипке – заканчивает сказку:

«В лесу Нимах позвала Ори. Появилась безобразная птица, серая, летевшая низко. Девушка спросила:

- Ты видел его?
- Я вижу его в тебе.
- Да, но я ищу того Ори, которого нет во мне.
- Давай поищем вместе.

Так они шли и шли, а когда пришло время пахоты, Нимах воскликнула:

- У тебя выросло золотое перо!
- А как Ори, который в тебе?
- У него выросло серое.

Так они шли и шли, а когда пришло время сева, Нимах воскликнула:

- Как высоко ты летишь!
- А как твой Ори?
- Он летит совсем низко!

Так они шли и шли, а когда пришло время собирать урожай, Нимах воскликнула:

- Ты весь златоперый!
- А твой Ори?
- Он весь серый!

И Нимах добавила:

– Наконец ты существуешь не только во мне, Ори. Ты весь златоперый и летаешь высоко. Но ты мне уже не нужен. Я люблю серую безобразную птицу, которая летает низко.

Ори спросил:

– Где же она?

– Во мне».

И вот высокая длинноволосая женщина с певучим голосом раскрывает свои объятия, и из ее груди, через зеленый бархат платья, высовывается голова серой птицы. Птица насвистывает мелодии – настолько радостные, что плоды созревают, коконы отворяются, покрывало на храме отлетает прочь, сожженные жертвенные голубки воскресают. Скрипка в руках мужчины в лиловом распаивается веером золотых лучей. Женщина принимается кормить воробьев камфорными пастилками с языка, мужчина, подобно светящейся бабочке, парит над головами детей. Те с веселыми криками выделывают акробатические трюки, пытаются поймать его. Занавес падает. Мы плачем неизвестно почему и подходим поближе в поисках щели – заглянуть внутрь. Ласковые руки гладят нам – через занавес – лица, хватают за уши и тянут нас мягко, но решительно, на сцену. Актеры скидывают маски. Он – темнородый, справа и слева – белые клоки волос; она – с лицом девственницы. Ее взгляд, лазурнее самой лазури, вбирает нас, погружает в море спокойствия... Мама, мы здесь...

Наконец-то вы вернулись, дети мои. Мы с папой все время ждали вас. У нас все как раньше или даже лучше. Вы уже знаете, что такое Страна Колдунов, и поэтому вы здесь. Вы хотели познать иной мир, «настоящий»... Вы вошли в башню, хотя мы говорили вам – не играйте поблизости. Ее называют «Дом-Бог», а не «Дом Бога», потому что это здание со стенами из плоти – живое существо, демон, непрерывно искушающий нас: «Сейчас, прямо сейчас я обещаю вам путешествие в мир невозможного!»... Вам не нравилось оставаться детьми, вы томились среди всеобщего счастья, устав видеть, как старики умирают с улыбкой, повторив три раза: «Что за чудо!»... Вы играли в ковбоев, гангстеров и раввинов, вы забирались на сторожевую вышку, хотя вас предупреждали: «Куда бы вы ни пришли, спрашивая, вы будете чужаками. Ваш приход станет событием. Другие искатели, сидящие на месте, обступят вас, веря, что вы несете ответ. Они будут спрашивать вас, а вы – их. Вас будут спрашивать, считая мудрецами и полагая, что ваши вопросы – это ответы»... Вы проникли

через уста Лжи, мы ничего больше не знали о вас и только однажды получили грустную весть, которую принес Кондор, весь в слезах: «Мы проснулись в пустынном и незнакомом городе. Мы бредем на ощупь по улицам, ища хоть кого-нибудь. Но находим одни глухие фасады и запертые двери. И вдруг, завернув за угол, мы видим освещенный дом. Легкая дверца приоткрыта. Мы хотим понять, откуда этот свет, кто или что находится внутри. Мы идем по длинному коридору к источнику света. Он – за дверью в глубине коридора. Обнадеженные, мы заходим в помещение и видим сияние, не исходящее ни от кого, ни от чего, ниоткуда. Свечение заполняет комнату так естественно, словно вода – аквариум. Разочарованные, мы возвращаемся на темную улицу и продолжаем искать хоть кого-нибудь...» Отцу нужно многое вам сказать, но язык его стал маленьким, как ноготь. Он изобрел алфавит, который можно сыграть на скрипке, из двадцати шести нот: часть обозначает согласные, а часть – гласные. Вместо слов – мелодии. Слышите? Пока мы идем к дому, вы научитесь его понимать...

Пока мы идем к дому, в нос нам бьет запах. Сотни голых детишек купаются в канале. От их шевелюр исходит вонь и стелется по улицам. На подоконниках стоят кормушки с сахаром, для муравьев и бабочек. На берегу моря дети играют, пуская блинчики. Большие камни не тонут, а следуют к горизонту, словно разноцветные корабли. На крышах домов – большие медные арфы. Когда ветер перебирает струны, город превращается в музыкальный инструмент... Какое это счастье – иметь родителей!

Дети мои, вот в этом доме вы родились. Помните? Если внести в него любую вещь, она делается белой. Мебель, цветы, одежда, продукты, – все белое. Белые зрачки. Голоса и мысли тоже становятся белыми. Там, внутри, мы любили вас белой любовью. Когда нас одолевала тоска по краскам, мы выходили на веранду. Там нас поджидал желтый медведь, с которым вы играли. Если открыть ему живот, он заговорит. В животе – диск, на котором записано семьдесят восемь миллионов умных фраз. Он еще не все успел произнести. Послушайте, что он говорит сейчас: «Существует много способов уничтожить и только один – создать», «Одиночество – неумение оставаться наедине с собой», «Чтобы

убить птицу, надо сначала превратить ее в феникса»... Мы сохранили все игрушки, ничего не пропало. Вот нищие, вот паяцы, вот Хемуль... «А-где-хлеб» бьет в дверь ладонями и высовывает язык между зеленых зубов. Он говорит «А-где-хлеб», то есть спрашивает: «Нет ли хлеба?», собирает от дома к дому мешки с черствым хлебом – и потом, окруженный сворой бродячих собак, разжигает костер на берегу, готовит из сухих корок вкуснейший суп, а когда тот остывает – ныряет в котел, чтобы псы, вылакав суп до дна, благодарно облизывали его... «Шмель» просит, чтобы ему положили в рот монетку, и он улыбнется, кивая на отрезанные руки. Он научился так быстро двигать обрубками, что издает звуки, похожие на шмелиное жужжание. Обмазанный медом, он проходит между цветов, вокруг него пчелы, для которых он – настоящий бог... А этот крепкий старик, «Беззубый», потягивает водку из бутылочки с соской и горланит песенку, днем и ночью, пока не очнется от беспробудного пьянства. Слова ее, за полным отсутствием смысла, считаются невероятно глубокими, и мы повторяем их, точно мантру:

Кўкара кука!
Кўкара кай!
Тумба тумбита!
Тумба тумбай!

Цирк с паяцами, как и прежде, дает представления. Помните, какие они смешные и неуклюжие? Дурачки, одно слово... Мы любили их, потому что нам открывались глаза на собственные промахи. Паяцы считали себя бессмертными: им разрубали голову топором и оставляли его в черепе. Так они и шли дальше, как будто ничего не случилось, с топором вместо шляпы... В парикмахерской, чтобы уничтожить вшей у них в волосах, парикмахер стрелял им по кумполу – а они продолжали рассматривать журналы вверх ногами, потому что не умели читать... У них были фартуки, перчатки, рубахи невообразимой длины, женские юбки, уморительные панталончики, громадные башмаки, кричащие цвета – но они считали себя элегантными, вдев цветок в петличку.

Выгуливали тряпчную собаку на поводке и хвалили ее за то, что она не ест. Слезы лились из них рекой, но им было все равно... Некоторые паяцы, посильнее, избивали других, но, получив подзатыльник от директора цирка, склонялись перед ним в три погибели, чтобы затем отыграться на самом слабом... Иногда они воображали себя публикой, садились в кресла, свистели, аплодировали, нетерпеливо ожидая выхода артистов, но те не появлялись, так как артистами были сами паяцы... Перед тем, как подняться с великим трудом по небольшой лесенке, они прощались с товарищами, обнимались, рыдали... Переодетые солдатами, они перекидывались дурацкими вопросами-ответами: «Сколько тебе лет?» – «Один месяц, мой Генерал!» – «Давно служишь?» – «Двадцать пять лет, мой Генерал!» – «Я кто, по-твоему, дурак или недоумок?» – «И то и другое, мой Генерал!». Они слепо доверяли своему трусливому подельнику. Когда тот, не желая с чем-то разбираться, говорил: «Ты же сильный, возьми вон у того!», слабые паяцы верили ему, бежали драться на кулаках с главным задирой... Они сносили все тяжкие оскорбления, но когда слышали непонятное – и всегда невинное – слово, обращенное к ним, то приходили в ярость... Паяцы больше всего восхищались искусством акробатов, пытались подражать им, ходя по канату или висая на трапеции, но тут же, охваченные страхом, издавали жалобные вопли и никогда ничего не умели... Мы смотрели на них часами, потому что их неловкость оттеняла для нас мастерство воздушных гимнастов. Мы сравнивали их с лягушками, поющими при луне, – она одна видит их серебристыми... Да, мы любили паяцев, ведь те делали все, чтобы исчезнуть.

А вот и Хемуль. Сходяв к нему, вы возвращались домой преобразенными. Мы навещали его в день зимнего солнцестояния: он был новым светом, обозначающим конец самой длинной в году ночи... Заходите же, его умелые лапки превратили участок в настоящий сад: дорожки, клумбы – все геометрически безупречно, ни одного животного; все отражает порядок, который должно быть, царил в Эдеме. Хемуль – не лошадь и не олень – так тонко организован, что питается только пылью и оболочкой некоторых семян. Его пищеварительные органы настолько малы, что

ему хватает на неделю пищи в размере наперстка и двух капель воды, не больше. Он испражняется восхитительными янтарными шариками, – от них моментально исчезают морщины... Хемуль одинок, ибо он – гермафродит и не нуждается в совокуплении. Он живет, счастливый, сам с собой, постоянно блаженствуя. Все, абсолютно все ученые сходятся на том, что это – самое добродушное животное на свете, не исключая и человека. Он встречает нас незабываемым взглядом: смотря ему в глаза, мы постигаем добро... Когда он видит нас, то видит на всю глубину, сквозь пелену окутывающего нас тумана, пробивает любую защиту, доходит до самой сердцевины, до алмаза, что прячется под улем; он становится свидетелем, он с нами целиком, он видит нашу обнаженную сущность, раскрывает наше предназначение, показывает нас такими, какими мы не осмеливаемся быть. Мы знаем, что он – жертвенное животное, самое чистое из всех, единственное, достойное стать пищей Бога. До встречи с ним мы полагали, что опустошить себя, избавиться от внутренней горечи можно лишь простив... простив человека, рождения, смерть, творца всех страданий. Он научил нас, что истинный путь к святому опустошению иной: не прощать, а просить прощения. Сравнив себя с Хемулем, мы осознали, что в нашей жизни ничто – ни мысли, ни чувства, ни желания, ни поступки, – не было отмечено совершенством. Мало-помалу мы делали ошибки, он заставил нас припомнить их и загладить раскаянием. Хемуль – наш наставник в смирении; он поводит шелковистыми ушами, и мы падаем на колени, и начинаем признаваться в проступках, неудержимо рыдая. Он сворачивается в клубочек, дышит нам в лицо – и от этого черные мысли разлетаются, словно мухи. На краткое время – пока он рядом – мы познаем Истину... Погладить Хемуля – это привилегия: не так много осталось этих животных. Чародей питается одними лишь Хемулями. Но не будем тратить драгоценные мгновения на печальные речи: лучше снять очки и взглянуть Хемулю в глаза!

Посмотрим в глаза Хемулю... Он чуть дрожит, два зрачка-изумруда впиваются в наши зрачки, блестящие, но пустые; и вот, в родильных муках, он вырывает для нас свое сердце. Потoki любви, океан нежности, всеобщее прощение, тело, отдающее все свои

атомы, вплоть до последнего, и мы глотаем, еще и еще, нам все не хватает, все мало, каждый глоток усиливает чувство неудовлетворенности, мы наполняемся, но пустота внутри нас растет: чем больше пьешь, тем больше жаждешь... Хемуль ищет нас, но не находит и теряется в безграничности, как охваченный пламенем порох. Он хочет вызволить нас из колодца, но проваливается в пустоту, и в этом непомерном усилии давать и давать он дарит нам свою жизнь. Из ноздрей его хлещет кровь, лапы переломаны, из груди вырывается благородный стон – и, оглядывая нас с безраздельной нежностью, он отдается смерти, точно холодная ласка наших рук – это последнее причастие... Зачем? Кто мы? Мы не заслужили такой жертвы... Мы обрекли на гибель волшебное животное... Мы погубили жемчужину, нам не принадлежащую, наша память – густые потемки, наше прошлое фальшиво – луч, который должен пройти мимо нас; мы не дети и никогда не были ими; поэзия – это ловушка.

Мы повторяем слова Чародея и теряем доверие. Смелее, дети мои, не впускайте этот мрак в наш мир! Смотрите, что происходит, когда вы отрекаетесь: на улицах темнеет, воздух насыщается отравой, на углах появляются телеэкраны, звери познают страх, военные корабли патрулируют на пятиметровой высоте... Воспоминание нечетко, образы непохожи на окаменевшие тучи: память изменяется ежедневно и подобна послушному животному, ее можно обеднить, а можно расцветить. Глядите: по проспекту, обсаженному кипарисами, течет река. Разделите поток взглядом, как ножом, пусть он с одной стороны по-прежнему стремится вниз, а с другой мы его перегородим, чтобы он вздулся от наплыва воды, не перехлестывая через край, вздыбился вверх готическим собором. Пусть рыбы сплываюся к центру прозрачного храма, образуя серебряный трон. А башни, не переставая расти, теряются в облаках... Изменять образы легко, но Чародей хочет, чтобы все зависело от него, он – единственный источник света, единственный, кто не только доживет до конца времен и завоюет будущее, но переделает представления об истории, захватит прошлое и заполучит в свои руки основы мироздания. Он желает завладеть пространством, длиться в вечности и раздвинуться до

бесконечности. Чтобы завоевывать, проникать, он пытается разрушить сознание всех людей: воспоминания их должны непрерывно ухудшаться. Не слушайте Его! Оставьте себе эту, хорошую, память! Сделайте нечеловеческое усилие и одолейте его! Говорите вслед за мной, не зная, кому вы молитесь: «Благодарим тебя за то, что слушаешь нас; просим тебя, верни нам смерть!..» Видите ли, если вы полны веры, то все воскреснет. Ничто не умирает, а только замирает: погладьте брюхо несчастного зверя, верните ему энергию, которую высосали из него, пусть он вновь задышит, раскайтесь, оденьте очки, чтобы свет вернулся, а уроды разбежались... Если вам нужна настоящая память, обратитесь к истокам. Только так вы поймете, где истина. Мы покажем, как вы рождались...

Вначале мы дали имена животным, и те образовали пары; тогда мы поняли, что, хотя нас двое, мы соединены спинами. И мы попросили у Вечного Чуда, чтобы оно ниспослало нам сон, в первый раз. Во дворце сна мы смогли оказаться лицом к лицу, женщина и мужчина, каждый особо: брат и сестра. Затем, желая доказать самим себе, что существуем, мы вышли из повиновения, отвергли навсегда пищу, которая не была плодом нашего труда, познали добро и зло. Вечное Чудо, гордясь нашей дерзостью, даровало нам свободу, изгнав с бесконечной нежностью из своего зачарованного сада... И вот мы вдвоем, одинокие, вольные, лишённые прошлого, идем по сухой земле, ревниво таящей семена в своем чреве, но исторгающей их со всей силой при ранении железом. От нас, нашего терпения, нашей любви, зависело, будет ли она покрыта сорняками или станет плодоносной. Мы не имели наследников, покрытые лишь данной от рождения кожей, и были чутким корнем, всей совокупностью будущего; от нас зависело – погибнуть от одиночества, холода, голода, жажды, мятежа, погубив своих детей в животе матери, либо совершить великое дело искупления, так, чтобы однажды человек из плоти и разума добрался до неба, потянув следом весь род людской. Среди нечистот нечто высшее призывало нас к невиданной чистоте. Мы не были гордыми и отделились на волю течения... Это памятное мгновение запечатлено в золотом храме: входите же! Вот земля, перепаханная нами вплоть до четырех концов света; вот

источник святой воды, омывавший наши тела; вот сок первых трав, откликнувшихся на заботу наших рук; вот мы, созданные в юном возрасте и не знавшие детства, лицом к лицу, удовлетворяем звериное желание, пропитавшее каждую клетку наших тел. Он распростерся надо мной, я раскидываю ноги, дарю ему влажный поцелуй. Он проникает внутрь меня, вдвигая до половины свой член, чтобы не заполнять пещеру до конца, чтобы зов желания звучал не переставая, чтобы пламя охватило самые отдаленные уголки тела... Он смотрит мне в глаза, познавая меня, отделяясь от меня: я должна существовать вне его, прельщать его. Наконец, он окидывает умственным взором всю протяженность моих мыслей; восхищается каждым моим словом; тонет в моих чувствах, в озерах, ливнях, наводнениях, в глубоком спокойствии и вспышках неумного веселья; видит, как вырастают деревья, как разламываются фрукты, источая едкий сироп, как вьется желание вокруг луча, как жарко дышат тигры, как открываются ворота плоти, словно морская звезда; видит засасывающий его туннель, что ведет к садам, полным алмазов... Тогда в первый раз со времени сотворения мира мы ощутили доступное человеку наслаждение: этот сияющий венец, трепет, что заставляет плясать горы, дрожь, превращающую моря в куски горячего льда, головокружение, увлекающее за собой вселенную, – мы путешествовали по созвездиям, ищущим случки... Собирая воедино всю свою волю, отдавая всю свою жизнь, я открыла вход в мое лоно – лучше сказать, повиновалась зову ока, исторгающего чистое семя, белое сокровище, жидкий храм Вечного Чуда... Распахните память, чтобы она сохранила все, пусть это мгновение запечатлется в ней навеки, словно выжженное раскаленным железом! Отец и я, мы зачали вас, крича от восторга, вы стали светлой точкой, возникшей посреди наивысшего удовольствия: удовольствия повиноваться. Между наших ног пролегла тень Вечного Чуда. Смотрите: вот так вы родились, сосали грудь, росли. Вы научились не бояться шипов и даже делали из них триумфальные венки. О да: вы, дети наших душ, родились на ложе из кустарника, который, мало-помалу, мы терпеливо очистили от колючек. Понемногу мы привыкли, стали добывать себе хлеб и вино. И пока виноградный сок

бродил в темноте, превращаясь в вино, мы учились управлять нашими снами, изгонять Чародея за их пределы, и наконец, наша память стала счастливой. Она остается такой по сей день.

Послушай, мать, все это не нужно! Нам хотелось бы такой жизни, но мы не желаем становиться пленниками придуманной памяти. Кто-то, выполняя изощренный приказ, погрузил ее в наш мозг – если только он существует. Возможно, мы и не люди вовсе – невзирая на то, к чему стремимся всеми силами, – и бредем по этой дороге, выясняя свое призвание. Может быть, оно – в том, чтобы уничтожить весь этот воображаемый мир...

Все миры – воображаемые, дети мои. И каждый из них вправе выбирать самые подходящие для него сны. У иллюзии много ступеней: от самоубийственной тоски до восхищения всем сущим. Научитесь взбираться по древу символов, чтобы сорвать плод вечной жизни... И снова говорю вам: главное – верить, особенно в самих себя. При любом сомнении войска Чародея переходят границу. Вот и сейчас город гудит. Перед белыми фасадами видны сооружения из цемента в виде плотоядных коренных зубов. Сладостные ароматы сменяются зловонными испарениями, слизняки заползают в священные кубки. Не давайте победить себя! Пусть жизнь ваша укоренится здесь! Вспомните: вы родились в прекрасных местах... Вспомните белый домик... Вы играли с желтым медведем... Ваша мать – высокая длинноволосая женщина с мелодичным голосом... Ваш отец одевался в лиловое и играл на скрипке... Вы ходили в школу... Начали курить... Прошли военную службу... Женились... У вас появились дети... Счастье... Что может быть лучше? Вы познакомитесь с женщиной вашей жизни. Не судите ее наскоро: она молода и, несмотря на скрытые очками близорукие глаза, внутри прекрасна, как золотое кольцо, покрытое слоем свинца. Сначала она покажется вам вялой, но понемногу, меняясь, станет другой, способной достичь всего, что доступно человеку. Она станет дочерью, и сестрой, и любовницей, получит возможность сделаться матерью и, наконец, Великой по святительницей. Вы молча обожали ее с детских лет. Она скромна и работает в маленькой аптеке, уставленной флакончиками с восхитительными синими ярлыками. По понедельникам она

нетерпеливо ждет, когда же вы унесете заботливо упакованные ею свертки...

– Сеньоры, как я рада вас видеть! Вот они, реактивы для ваших экспериментов! Ртуть! Соль! Сера! Трисульфат висмута! Универсальный растворитель! Тяжелая вода! Щелочи! Бура! Серная кислота! Кровь пеликана! Что-нибудь еще?

– Флакончик киновари, пожалуйста.

– Конечно, все для вас... Как опыты, пока ничем не закончились?

– Мы читаем и перечитываем, учимся, молимся, работаем. Одинажды у нас все получится.

– Извините, я тут совсем разболталась... Но я умираю от любопытства узнать, что же вы ищете!

– Мы можем ответить, только открыв веер и обмахнувшись несколько раз.

– А-а, мои яичники! Жжет изнутри! Не знаю, что со мной! Уши мои полны гноя! Этот бесконечный запах... Если бы вы знали, что делается, когда я снимаю трусики! Будто у меня между ног дохлый пес! Зеленая жидкость течет себе и течет! Нижние губы вздуваются, фиолетовые, словно куриная кожа! Фурункул на клиторе! Все влагилице в угрях! Оттуда с шумом вырываются газы! Я разрожусь грибом в двадцать сантиметров! В мочевом пузыре завелись морские улитки! А еще из меня вытекают черные сгустки!

– Спокойно, сеньорита, мы можем вылечить вас. Мы обладаем необходимым даром... Дайте ваты – заткнуть нос. А сейчас мы прижимаем нос к вашему животу и приступаем к легкому массажу...

– Аaaa! Oooo! Мmmm! Настоящая панацея! Ниже! Ниже! О, я не в силах устоять: вздыхаю, стенаю, верчусь, повожу бедрами, задыхаюсь, кричу так, что аптека становится вверх дном! Да, да, я теперь как новая! Вы не представляете, насколько благотельны ваши носы! Не только все мои недуги прошли – но если приподнимете юбку и сунете палец во влагилице, то обнаружите там нечто удивительное: между ног моих образовалась поразительнейшая дыра! Она подрагивает, трепещет, заполняется водой, издает превосходный запах, нагревается и остывает, исходит волнами наслаждения. О-о! Она растягивается изнутри, достигает

моего мозга! Я хотела бы, точно курица, ронять большие светлые яйца в ночные часы. Надо еще прибавить, что нижние губы, до того морщинистые и оттопыренные, как уши, стали гладкими. Теперь они розовые и напоминают губки на лице кинозвезды. Не желаете взглянуть?

– Если вам так хочется, сеньора. С большим удовольствием.

– Прелестно. Я сяду на прилавок, осторожно приподниму юбку, приспущу трусики, раздвину ноги. Встаньте на колени, осмотрите тщательно...

– И в самом деле, как ротик кинозвезды. А какие алые!

– Если честно, то это не есть их натуральный цвет. Я подкрашиваю их помадой. Обожаю наводить красоту. Я буду идеальной супругой! Если вы пригласите меня к себе, то увидите, какая из меня отличная хозяйка. Не успеете и слова вымолвить, как я наведу порядок. Прикажу пробить лишние окна, чтобы выгнать затхлый воздух. Заменю мебель. Натру паркет. Повешу яркие занавески. Мы будем спать на медной кровати. Ежеутренне я буду выносить за вами горшки, чтобы в точности запомнить цвет мочи. Я заведу в садике, конечно же, заброшенном, шиповник и гевею, настоящего жирафа, дерево с вороньим гнездом, часы с маятником, вделанные в ствол, рождественскую иллюминацию, искусственный туман и, наконец, гипсового гнома... Вы ведь холостяки?

– Именно так.

– Я гляжу вам в глаза: вы стораете от жажды пригласить меня. Хорошо, я согласна. Эту ночь я проведу с вами. Вы не представляете, что значит для женщины найти три родственные души, чистые и скромные, как ваши! Мой анус сжимается, следуя ритму сердца! Я так взволнована, что пускаю шумные ветры! О, какой стыд! Что вы подумаете обо мне?..

– Не беспокойтесь, сеньорита... Этот звук прекрасен, как мотоциклетный выхлоп.

– О сеньоры, как я хотела бы оказаться среди вещей, которые вам по нраву! Но вот что: я люблю вас и потому ненавижу. Вы – моя величайшая радость и величайшее горе. Я хочу вас, как простая сука, и готова навлечь на себя Господень гнев, лишь бы заполучить вас. Вы стали основой моей души, воздухом моей жизни,

огненным мечом, что превращает меня в черного зверя. С каждым поцелуем из моего лона выходят куски сердца. Я люблю не только форму ваших тел, но и тень, отбрасываемую ими. Вы прекрасны, как хлеб, но мне достанутся одни крошки. Ради бога, снизойдите до меня. Я буду лизать вам зад, чтобы повстречать Ангела Сознания. Пусть мои ласки достигнут ваших колыбелей. Я стану целовать ваши башмаки. Вы для меня – как отпущение грехов... Верьте, прошу вас: быть и добиваться – разные вещи. Я есть, но не добиваюсь вас. И все же я наводняю вашу жизнь. Вместе мы зажжем светильник во тьме мироздания!

Да, это так: весной цветок распускается для всего мира, но ты его не видишь – и никогда не увидишь. Ты останешься перед исписанным снизу доверху холмом, не понимая смысла надписей; на наших лбах несуществующими знаками будет начертано послание – ты его не прочтешь. И все же станешь упорствовать: «Я знаю, что в нем говорится: вы уйдете утром, а я останусь здесь. Камни под холмом пустили корни. Все пускает корни во мне, даже очки. Ваши орудия растут в моем животе, подобно деревьям, ветви их пронзают меня, листва забивает легкие. Сжальтесь... Ваши имена вырезаны во мне навсегда». А потом мы встретимся в аптеке: тебя, чьи руки скрещены, клюют куры. Изю рта, словно хобот, высовывается ветка, на ней – каменные листья, на листьях вырезаны наши фальшивые имена... Как нам хотелось бы захотеть остаться лицом к лицу с тобой, получая от тебя собачью любовь! Как мы желали бы пожелать сколь возможно глубоко (если в нас вообще есть глубина, что сомнительно) протянуть тебе тонкий хрустальный бокал и добыть твоей менструальной крови! Позволь нам захватывать, направлять, украшать, пожирать! Оставить отпечаток раскаленного семени в твоих яичниках! Стоя на коленях, глядеть, как твой живот набухает и рождается младенец, и еще, и еще, согласно расположению звезд! Обвить в кружении, озарившись, твое беспрестанное кружение вокруг нас! Загнать вселенную в твой тихий уголок, подарить тебе тысячи жаб, воспевающих твою красоту, сломать твой детский колчан – пусть твои движения станут по-мужски уверенными, ты отрежешь мужские

признаки богу-быку! Помочь твоей мухе стать драконом, сопроводить тебя в твоей изумительной слепоте, где ты – лишь неистощимый вопль, обращенный к никогда не бывшему солнцу! Как бы мы жаждали, прикрыв лица собачьими личинами, притянуть тебя к себе и скитаться между мебели, ища следов, которые совсем не следы, – тени, скользящие в плотном предрассветном мраке, увлеченные в бессмысленный поход на Юг, разбитые неистовым желанием превзойти пределы, назначенные человеку, словно змеи, ползущие по смертному ложу, со ртом, раскрытым в жутком безмолвном крике, – путь гибели и возрождения, непростой отрезок времени, когда, скинув старый панцирь, мы ждем появления нового, и в наших прозрачных глазах светится запредельное стремление не быть вовсе – или быть в избытке! Мы знаем, что ты ждешь сотни месяцев, как отражение, как отпечаток; истончившееся тело, служа тенью для которого (точно срезая мозоль в груди, сдирая с себя кожу и плоть, ты уничтожила собственное имя; точно планета с чистой водой, ждущая иссохшего рта, ты глядишь на путников, и вся твоя кровь приливает к языку), мы не можем проникнуть в сердцевину твоих замыслов. И хотя ты – самая утонченная, самая сильная, самая хрупкая, самая страшная, самая прекрасная из всех известных нам женщин, – мы не можем попасть в ловушку, изображая видимость жизни. У нас уже есть очки, шляпы, плащи; мы не можем облачиться в заемные личины. В этом мире, рядом с тобой, мы – никто!

Подождите, дети мои; если это и неправда, то все же так красиво! А красота есть отблеск Правды. Нет-нет, вы нисколько не изменились, пребывая в вечном детстве. Вам еще рано видеть влюбленные пары... Может быть, все по-другому. Своим возвращением вы губите нас. Жизнь отливает известково-белой волной и проливается на землю отвратительным месивом. Четыре наших реки несут мертвых бегемотов. Дома изрыгают из себя мебель многокилометровым потоком: стулья, кровати, вешалки, колыбели, конторки. В окнах видны горожане, сдирающие кожу со своих лиц. Эти кровавые маски, уносимые ветром, падают на голову прохожим, на лошадей, на голубей. Девочка стряхивает старческую кожу,

попавшую ей на туфельку. В темных углах слышен стук когтей. Пчелы соорудили лабиринт из меда. Тем, кто прилипает к его стенам, опустошают глазницы и устраивают в них маленькие соты. Нет ни улиц, ни проулков. Земля покрылась глинистой массой. Воздух распался на пластины, которые двигаются вплотную к почве, обрезая нам ступни. Женские груди взрываются... Лишь от вас зависит, сохранится ли это непрочное равновесие... Идемте выше по течению времени, забудьте пока брачные дела. Признать существование другого – значит отказаться от себя; но в тот момент, когда нужно отдавать, вы принимаетесь искать. Вы еще неспособны отвергнуть Ничто, и пустоту тоже... Солнце умирает, теперь оно – точно уголек... Скорее, туда, дальше, к школьным годам. Вот старая учительница – она так вас любит...

– Дети!

– Сеньора, вы здесь? Как вы нашли нас в этом сумраке?

– Да что вы, сейчас ведь солнечный день! Повсюду цветы. По земле бегут пахучие тропки...

– Неправда, сеньора. Вы знаете, что дорог и проходов не осталось. Все вокруг – болото. Разве не видите, как мы тонем?..

– Нет, мои родные ученики: все залито светом. Вдохните аромат, разлитый в воздухе. Школа, как и деревья, растет из земли.

– Кто способен видеть в этом мраке?

– Уже светает. Пыльная буря кончилась. На крыше школы расцвел цветок с чашечкой семиметровой ширины. Пойдемте со мной, я научу вас быть невидимыми.

– Нам холодно. Поддувает. В стенах нет окон...

– Терпение. В подвале есть окно, которое выходит в землю. Школа растет, скоро окно окажется на поверхности, и мы увидим через него цветущую местность.

– Да, школа растет, но только вниз. Подвалы обратились в корни, мы спускаемся в темные галереи в поисках выхода. Какие-то неясные фигуры замышляют вторжение, мы слышим их смех и бег в темноте. Пока мы движемся, эти проворные твари роют ходы, и те расширяются до размеров тоннеля метро. В один прекрасный день они захватят верхние этажи школы, завладеют

классными комнатами, и мы никогда больше не увидим солнца! Спасите нас, сеньора!

– Перестаньте страдать. Я знаю путь и выведу вас из подземелья!

– Смотрите, учительница: они снова пускают корни у нас на подметках. Такие быстрые! Стоит только поставить ногу, как они тянут вниз, мешая идти. Мы теряем целый день, срезая их, но все бесполезно.

– Пусть шаги ваши будут уверенными. Когда вы действительно хотите идти вперед, они слабеют и гибнут. Если вы умеете хотеть, продолжайте! Лошадей хлещут, пока те не научатся прыгать через барьер. Все ваши муки призваны наставить вас на путь освобождения. Поднимайтесь вместе со мной! Смелее, трусишки!

– Нет! Мы не хотим! Цветок на крыше увял. Вновь спустилась ночь. Скоро вокруг будет сплошная пустыня. Нам лучше. Мы привикаем к глине и – как здорово – в те редкие мгновения, когда блещет свет, мы тоскуем по мраку болота. Кротам сияние приносит боль. Поднимайтесь наверх без нас. А мы останемся под землей...

Дети мои, зло неизлечимо! Ваша вера слаба, и все изменилось. Чародей нарушил границы. Настало царство потемок... Верьте, умоляю вас, вера – всего лишь дело выбора: из двух иллюзий должна выжить та, что прекраснее... Но вы предпочитаете погасить солнце и запереться. Да, мы преобразуемся – бесповоротно. Я прикована к операционному столу и агонирую. Ваш отец потерял левую ногу, вместо нее – протез. Вы одни, ночью, заперты в черном доме и жалобно кричите: «Нет, мама! Не хотим сидеть в темноте, прижавшись друг к другу, нам нужно немного тепла; не гаси, пожалуйста, свет, потому что во тьме мы уходим в себя, а там, внутри – одна лишь ужасающая пустота. Сколько будет три минус три? Что такое время? Почему нам не уйти? Почему не вырасти? Почему не заполучить желанную для нас женщину? Почему мы – пленники этой комнаты? Где выход? Где решение? Нет, мама! Не уезжай в театр, не привязывай нас, чтобы мы не свалились с кровати. Мы ведь маленькие, мама! Не затыкай нам рот, чтобы мы не плакали, пока ты часами смотришься в зеркало; и хотя у нас жар, ты отправляешься в театр – обновить только что

сшитое платье... А мы остаемся, веревки удерживают нас во тьме. Невидимая служанка скребется в дверь, чтобы напугать нас; мы плачем! А она, с испачканными ладонями, трясет кротом, которого выкопала в саду! Нет, кормилица, не надо, не подноси крота к нашим лицам, мы не можем двинуть рукой, мы привязаны, а этот зверь выцарапает нам глаза!.. Мы писаем от страха, слыша хохот служанки; а ты, в огромном театре, притворяясь, рассказываешь о любви к своим детям, чтобы мужчины поверили, что ты – лучшая мать на свете!» Дети мои, вы навели меня в больницу, сели у кровати-распятия и сказали только: «Ты должна радоваться нашему злопамятству, ведь оно одно теперь связывает нас с тобой!» Какая страшная жара! Сорок один градус, и температура поднимается! Это конец. Что-то колет меня изнутри и подсказывает: пришло время умереть. Я почти не вижу. Где шкаф? Боже, дай мне сил дотянуться до одежды... Альый шелк, зеленые перья... тонкая ткань облегла мое тело, как горячие руки, и муж рычал: «Шлюха! Хочешь соблазнить всех мужчин! Подумай о детях. Не смотри ни на кого. Опусть глаза. Бесстыдница! Соблюдай свой долг!» Да, я признаюсь во всем. Я виновата, сильно виновата... Жар у меня в животе... Я сдерживала себя весь день, а ночью царапала его бесчувственное плечо... Я боролась изо всех своих – немногих – сил, но откуда-то из глубины меня пробивалась эта кошмарная похоть... Какой стыд! Я зажимала себе рот, чтобы не завывать. Мое небо высохло. Сердце перестает биться. Но, в конце концов, какая разница? Что мне нужно? Я все время навязывала себя семье, заставила всех поверить, что без меня им не прожить. На самом деле я всегда была ненужной. Незаменимых нет. Никто не имеет значения. Я была лишней. Бесплезная в бесплезном мире... Ха-ха-ха, милый, не целуй меня в шею, мне щекотно! Хватит. А то я засмеюсь так громко, что разбужу детей. Они расскажут все мужу, и тебя придется спрятать в шкаф. Нет, не уходи, у меня есть кое-какие сбережения. Открой ящик стола. Ты доволен? Поцелуй меня. Я умираю. Обними меня крепко, милый, я задыхаюсь. Ты мне так нужен. Ты молодой. А-а, кровь изо рта! Поклянись, что никому не расскажешь. Я дрожу. Все соседи на меня смотрят и делают непристойные жесты. Воздуха! Ты издеваешься надо мной!..

- Дайте умереть спокойно! Что вам здесь надо?
- Я твой муж. Я имею право видеть твой смертный час. Вот тебе подарок: золотой перстень, покрытый свинцом.
- Вечно ты не вовремя. Когда я хотела тебя, ты отстранялся, зарывшись в книги. А когда не хотела, ты ластился ко мне, ласкал волосками, что растут у тебя из ушей. Зачем мне сейчас перстень?
- Перед тем, как уйти, прости меня...
- За что?
- За ногу.
- Но, милый, я привыкла к ней.
- Неправда. Я знаю, каким разочарованием для тебя было видеть меня упавшим с лестницы в первую брачную ночь.
- Ну да, такая нелепица! Я любовно раскрыла тебе свои объятия, я вся была твоя, вся в облаках и вдруг шлеп! Я открываю глаза, а ты катишься вниз. Неуклюжий!
- Я поскользнулся, милая, и от этого остался хромым. Я выл от боли под лестницей, а ты смеялась, белая как смерть. Я хотел исчезнуть навсегда. Смех, да и только!
- Не горячись.
- А эти глупые шутки, совершенно детские, которыми ты мстила мне за мое увечье? Помнишь, как ты налила воды в протез, чтобы он поскрипывал? Иккк.... Иккк... Ха-ха-ха! Иккк... Прости меня за ненужное присутствие рядом с тобой все эти годы. И почему я считал тебя источником всех своих бед?

Хватит! По-моему, я жила до всего этого. По-моему, однажды, в другом месте, я встретила кого-то, кто мог быть моим братом, и мы разговаривали, не прибегая к словам. Может быть, во сне. Мы были двое в одном. У нас не было тела, и потому мы страдали. Затем мы разделились, и нас очень почтительно обтянули кожей. Я чувствую себя калекой... Я что-то забыла... Что мы делаем здесь? Как нам удалось столько всего изменить? Нить порвалась навсегда. Наша плоть смешалась с землей. Наши крылья слишком тяжелы. Нам больше не взлететь. Сколько лет мы живем вот так, не своей жизнью? Сколько раз возвращались к одному и тому же?.. Бедные мои дети, вы позволили Чародею одержать победу; все

потеряно. Этот великолепный мир распадается. До того, как цементные здания, бесконечная ночь, военные патрули, яркие экраны, передающие речи для тысяч детей, и глухой ужас захватят любимый город, выройте рядом с истоком четырех священных рек могилу и опустите туда два наших тела, тела ваших родителей, у каждого во рту – горсть семян. Мы бережно хранили их с самого начала... Настанет день, рухнет царство мрака, и на этом месте вырастут деревья, плоды которых никогда не станут запретными для вас...

13. ЭТО ВОИНЫ...

Привет, друзья, мы – воины, как и вы! Пароль и отзыв? «Ржавый кинжал, двойная опасность, бей и отравляй!» Здорово, что вы опять дышите! Как это с вами случилось – сесть и поджидать нас под окаменевшим деревом? Здесь каждый спит каменным сном и по прошествии какого-то времени может вовсе не проснуться. Хотя эти деревья – единственная растительность в столице, ни птицы, ни мошки не садятся на них, ибо тотчас же застывают. Века и века с них свисают одни и те же плоды, так прочно прикрепленные, что ни одна душа не в силах сорвать их. Генерал – чтоб у него лопнули кишки, проклятый солдафон! – много раз пытался вырубить их, но ничего не вышло. Они устойчивы к кислоте, бомбам, огнеметам. Кроме того, корни их настолько длинные, что, видимо, пронзают насквозь земной шар. Полиция в конце концов решила окружить их стеной, чтобы отделить от города. Поэтому воины всей страны встречаются здесь, ведь никто из армейских не осмеливается сюда сунуть нос: стоит занести ногу за ограду, как они навсегда погружаются в кому. К нам двое ветеранов, наоборот, относятся с почтением, но мы вынуждены прижиматься к стене, иначе обратимся в камень. Вы не знаете об этом, иначе не совершили бы такого безумства – усесться ждать прямо под деревьями. К счастью, мы приплыли вовремя и прямо с борта бросили лассо, пробудив вас от смертельно опасного сна. И хотя теперь мы в относительной безопасности, надо торопиться. Под каждым камнем спрятан микрофон, скоро флот начнет нас обстреливать. Мы доставим вас в центральный тайник... Этой ночью Генерал – пусть эта толстая жаба сгниет заживо! – начал сорокачасовую речь, и все горожане высыпали на улицу, чтобы слушать ее стоя. Тех, кто заснет, бросают в машины-измельчители... Так что мы проскользнем в толпе незамеченными... Вот, держите вату, заткните уши: слова и голос Генерала действуют гипнотически. Никто не может сопротивляться чарам Верховного Потаскуна. И главное, не смотрите на экраны: кроме мерзопакостной физиономии, они транслируют скрытые кадры, выводящие из равновесия самые устойчивые мозги.

ВЫ НЕ ЗНАЕТЕ, ЗНАЮ Я! ВЫ НЕ ИМЕЕТЕ, ИМЕЮ Я! ВАС НЕТ, ЕСТЬ Я! ВЫ НЕ НАШЛИ, Я НАЙДУ!.. ВАШЕЙ ЖИЗНИ ДЛЯ МЕНЯ НЕДОСТАТОЧНО, Я ХОЧУ ОТ ВАС ДОГОВОРА О ПОВИНОВЕНИИ НЕ МЕНЬШЕ ЧЕМ НА ПЯТЬ ТЫСЯЧ ЛЕТ!..

Я ВЛАДЕЮ ВРЕМЕНЕМ, КОТОРОЕ ВЛАДЕЕТ МНОЙ, Я ОКРЕЩУ ВАС ВСЕХ: ИМЯ, ДАННОЕ РОДИТЕЛЯМИ, ТЕПЕРЬ НЕДЕЙСТВИТЕЛЬНО, ИМЯ, ДАННОЕ МНОЙ, ПОДОЙДЕТ ВАМ БОЛЬШЕ. Я ИЗМЕНЮ РЕЖИМ ВАШЕГО ПИТАНИЯ: ЕСЛИ ВЫ ЕДИТЕ МЯСО, Я ЗАСТАВЛЮ ВАС СТАТЬ ВЕГЕТАРИАНЦАМИ, А ЕСЛИ ВЫ ВЕГЕТАРИАНЦЫ – ЗАСТАВЛЮ ПОЕДАТЬ МЯСО, ВЫ ОТДАДИТЕ МНЕ ВСЕ СВОЕ ВРЕМЯ, ЦЕЛИКОМ, НЕ ТОЛЬКО ЧАСЫ БОДРСТВОВАНИЯ, НО И ЧАСЫ СНА. Я ДОЛЖЕН СТАТЬ ЕДИНСТВЕННЫМ ПРЕДМЕТОМ ВАШЕГО ВНИМАНИЯ: ВАМ НАДО ПРЕБЫВАТЬ НЕ ПРИ СВЕТЕ И НЕ ВО ТЬМЕ, А ТОЛЬКО СО МНОЙ. ОТДАЙТЕ СЕБЯ В МОИ РУКИ И НЕ СОМНЕВАЙТЕСЬ: ВЫ НЕ ЗНАЕТЕ, ЧТО ПОЛУЧИТЕ ВЗАМЕН. НЕ ВИДЯ МЕНЯ, ВЫ БУДЕТЕ СЛЕПЫМИ. НЕ СЛЫША МЕНЯ, ВЫ БУДЕТЕ ГЛУХИМИ. НЕ СЛЕДУЯ ЗА МНОЙ, ВЫ БУДЕТЕ МЕРТВЫ... ВАШИ ЖИЗНИ НИЧЕМ НЕ ПРИМЕЧАТЕЛЬНЫ, МОЯ ЖЕ ВСЕГДА ПОЛНА УДИВИТЕЛЬНЫХ СОБЫТИЙ: РОДИВШИСЬ, Я УМЕЛ ХОДИТЬ, ГОВОРИТЬ И ЧИТАТЬ. ОДНАЖДЫ В МОЮ ГОЛОВУ ПОПАЛ ОГНЕННЫЙ ШАР, СЛЕТЕВШИЙ С НЕБА. ЕЩЕ СОВСЕМ ЮНЫМ Я ОБНАРУЖИЛ ЗОЛОТУЮ КНИГУ, НАПИСАННУЮ АНГЕЛАМИ. ОДНАЖДЫ Я УПАЛ С ДЕРЕВА, НО ПОКА МОЕ ТЕЛО ВАЛЯЛОСЬ НА ЗЕМЛЕ, Я ПО-ПРЕЖНЕМУ СИДЕЛ НА ВЕТКЕ. ТАК Я НАУЧИЛСЯ ПОКИДАТЬ СВОЮ ТЕЛЕСНУЮ ОБОЛОЧКУ И ПУТЕШЕСТВОВАТЬ ВО ВРЕМЕНИ И ПРОСТРАНСТВЕ. Я ЗНАЮ О КАЖДОЙ СВОЕЙ ПРОШЛОЙ ЖИЗНИ. МНЕ ИЗВЕСТНО, ГДЕ РАСПОЛОЖЕНЫ ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ ЦЕНТРЫ, ДАРУЮЩИЕ МОГУЩЕСТВО: Я МОГУ УБИТЬ СЛОНА НА РАССТОЯНИИ ОДНОЙ ЛИШЬ СИЛОЙ МЫСЛИ. В МИГ МОЕЙ СЛАВЫ Я БЫЛ ИЗБРАН, ЧТОБЫ ВО МНЕ ВОПЛОТИЛИСЬ ВСЕ УЧИТЕЛЯ ПРОШЕДШЕГО. Я МОГУ ТВОРИТЬ ВЕЩИ, ОТШВЫРИВАТЬ ПРОЧЬ КАМЕННЫХ ИДОЛОВ, ОДНИМ ДУНОВЕНИЕМ РАЗБРОСАТЬ ТОННЫ ПЕПЛА, УСТРОИТЬ ДОЖДЬ

ИЗ ЦВЕТОВ, СНИМКОВ, ЧАСОВ. Я ПОЯВЛЯЮСЬ ВО МНОГИХ МЕСТАХ СРАЗУ. ХОТЯ Я ЗА ТЫСЯЧИ КИЛОМЕТРОВ ОТ ВАС, МНЕ ВЕДОМЫ ВАШИ ДЕЙСТВИЯ. Я ПРИДУ В ВАШИ СНЫ, ОБЪЯСНЮ ВАМ, КАК ПРАВИЛЬНО ЗАНИМАТЬСЯ ЛЮБОВЬЮ, А ЗАТЕМ СОЗДАМ ШКОЛЫ ДЛЯ ВАШИХ ДЕТЕЙ, ГДЕ БУДУТ ИЗУЧАТЬ МЕНЯ И ТОЛЬКО МЕНЯ. ВЫ ВРУЧИТЕ МНЕ СВОИ БОГАТСТВА В ОБМЕН НА ВОЕННУЮ ФОРМУ И ЗНАКИ РАЗЛИЧИЯ. Я НЕ ХОЧУ, ЧТОБЫ ВЫ ДВИГАЛИСЬ, КАК ВАМ ЗАБЛАГОРАССУДИТСЯ, И ПОТОМУ ПРИКАЗЫВАЮ ВАМ ПОДОЛГУ ОСТАВАТЬСЯ НЕПОДВИЖНЫМИ. ЛЮБОЕ НЕСОГЛАСИЕ СО МНОЙ ЕСТЬ ПЛОД СЕБЯЛЮБИЯ И ЗАВИСТИ. Я – ОКОНЧАТЕЛЬНОЕ РЕШЕНИЕ ВСЕХ ПРОБЛЕМ!

Смотрите, как эти тупицы уставились на тупое изображение! Свора жополизов и хуесосов! Когда восстание победит, мы отрежем головы всем этим тысячам педиков! Но пока что благодаря им, скользя между сбитыми в кучу телами, по улицам, мы можем добраться до ворот. Мы слышим море; чувствуем вонь, приносимую зараженными волнами. У чаек, за неимением свежей пищи, выпали перья; словно громадные неловкие кроты, они роют ямы на побережье, надеясь добыть немного цемента для еды. Поднимаемся по склонам этого холма, где убогие домишки едва держатся на подгнивших столбах. Вот они, дети нищеты – отстраненные, с водянистыми глазами, – играют в вековой тени потрескавшихся стен, сами точно тени, бесприютные, с коварными кошачьими движениями. Видите там, наверху, сквозь заросли кипарисов, четыре балкона? Это бар «Эль Мундо». Дверь – в этой пирамиде, увенчанной золотым кубком. Входите, приятели. Таверна открыта сутки напролет, в ней четыре помещения. Первое – для богатых сынков, пожизненных эксплуататоров, которые приходят сюда окунуться в народную гущу, вдыхать острый запах пота, свойственный низшим, подсмеиваться над публикой – и в то же время, повинувшись зову плоти, уединяться в номерах с «черными серафимами», которых на трезвую голову зовут «гордцами с гор». Второй зал – для людей со средствами, выскочек без громкого имени, толстопузых чиновников,

торговцев с часами на цепочках, одетых в штатское военных, поедających жареный картофель с майонезом среди псевдомавританского декора... В третьем, где темно, кишат рабочие, круглоглазые служанки, в общем, бедный люд. Именно здесь можно видеть желание, мускулы, члены, соски, зады, мир простых страстей, которые у других классов превратились в игрушку... В четвертом зале усядемся мы: гипсового ангела с красными глазами окружают столы для отбросов общества, артистов, монахов диковинных сект, бандитов, моряков и шлюх. Вас никуда не отведут насильно, просто каждый выбирает для себя зал, соблюдая неписанный устав, освящающий кастовый строй... Если привстанете, то увидите в центральном помещении, куда выходя все залы, оркестр в квадратной яме. Четыре музыканта каждые полчаса перестают играть и смотрят вверх, на листок с надписью: «Мы не подчиняемся дирижерам. Спасибо». Посетители со смехом осыпают музыкантов сверху градом монет. Те улыбаются – чем разгоряченней публика, тем больше прибыль, – стараются защитить головы и, когда с опасным воздаянием покончено, контуженные, вновь наигрывают единственный мотив, пасодобль, сочиненный Генералом, да поразит его сифилис! Эта мирная атмосфера – никаких ссор, каждый спокойно сидит в своем зале, – заслуга доньи Грасии, чудовищного создания: она подрабатывала на ярмарках как самая толстая в мире женщина. Ее грудь сотрясается от бессильных рыданий под телесного цвета платьем. Но улыбается она всегда приветливо, сидя в стеклянной клетке и протягивая через круглое отверстие руку за чаевыми. Все знают, что у этой женщины редкостный дар: губить всякую жизнь. Если поднести к ней ветку с цветами, лепестки тут же сморщатся и опадут. Церемонные повара приносят в ее обширное укрытие кур, кроликов из питомника, коз и прочих животных, чья судьба – появиться на столе у посетителя. Усыпленные невероятным жаром, исходящим от толстухи, животные перестают вырываться, задремывают и безмятежно испускают последний вздох. Получаются восхитительные на вкус блюда – из-за того, что звери расстались с жизнью добровольно, без надрыва. Рассказывают, что один слабо-сильного вида человек захотел переспать с ней и вместе с семенем

изверг прочь свою душу. На всякий случай, чтобы клиенты были спокойны – все боятся внезапной кончины – донья Грасия не выходит из своего заточения... Это очень подходит для нас, воинов, ибо наше центральное убежище скрыто как раз под ее необъятным задом. Полиция никогда этого не откроет, а публика, одурманенная вином и речами Большого Бабуина, даже не заметит, что мы вошли в клетку. Так, теперь наклоните голову, ползите на четвереньках, осторожно, лезьте под юбку, потом между ног, задержите дыхание, чтобы сохранить силы, ищите люк – он под сиденьем, спускайтесь вниз. Там ждет Пятнадцатый, наш вождь.

НАСТАЛ ЧАС, КОГДА НАМ НЕВАЖНО, КТО ТАКОЙ ЧЕЛОВЕК, ВАЖНО ТО, ЧТО МЫ ХОТИМ И МОЖЕМ ИЗ НЕГО СДЕЛАТЬ...

ЖИВ БОГ ИЛИ НЕТ – ЭТО НЕ ГЛАВНОЕ. ГЛАВНОЕ – ВЗЯТЬ СЕБЯ В РУКИ И СОВЕРШИТЬ САМИМ ТО, ЧТО МЫ ПРОСИЛИ У БОГА...

ЕСТЬ ЛИ ЧТО-ТО ЗА ПРЕДЕЛАМИ НАШЕГО МИРА, ТЕПЕРЬ НЕВАЖНО. ВАЖНО ЖИТЬ, ОСТАВАЯСЬ НА ВЫСОТЕ СОБСТВЕННЫХ СНОВ...

МОРАЛЬ, ЗАВЕЩАННАЯ БОГОМ, СМЕШНА, ИБО ОНА – ДЛЯ ДЕТЕЙ. МЫ ХОТИМ ИНОЙ МОРАЛИ, СОЗДАННОЙ ЧЕЛОВЕКОМ И ДЛЯ ВЗРОСЛЫХ...

МОРАЛЬ ВЗРОСЛОГО ЧЕЛОВЕКА НЕ СОДЕРЖИТ НАГРАД И НАКАЗАНИЙ, ОНА ПРЕДЛАГАЕТ ВЫБОР: СТАТЬ ЧАСТЬЮ НАСТОЯЩЕГО ИЛИ БЫТЬ ИЗ НЕГО ИСКЛЮЧЕННЫМ.

БЫТЬ ИСКЛЮЧЕННЫМ ИЗ НАСТОЯЩЕГО – САМОЕ СТРАШНОЕ ИЗ НАКАЗАНИЙ.

ВОЙТИ В НАСТОЯЩЕЕ МОЖЕТ ЛИШЬ ТОТ, КТО ПОКЛЯЛСЯ ВЕЧНО БЫТЬ В СОЮЗЕ СО МНОЙ!

ВЫ – НЕ ГЕНЕРАЛ, НО ГЕНЕРАЛ – ЭТО ВЫ!

Товарищи! Я выражаю вам признательность и вместе со мной – наша Родина, подлинная, не та, что обещана и поражена гнусной опухолью по имени «Генерал». Со всех сторон нашей драгоценной дороги в полную яда Столицу стекаются те, кто

решил предложить нам свою помощь и более того – свою жизнь. С вашим прибытием сил становится достаточно, и можно перейти к действию и свергнуть тирана. Десяти решительных человек хватит, чтобы изменить мир; мы – эти десять. Знаю, вы ненавидите Генерала от всего сердца, но вряд ли сильнее меня. Вы будете выполнять мои приказы, и потому вправе проявить интерес к моей жизни. Впервые после побега из Черного Госпиталя я снимаю повязку с головы... Не правда ли, необычно?.. Одно ухо у меня между бровей, другое – на затылке. Нет, я не родился таким. Злощастные медики отрезали мои уши в детстве и пришили в эти места. Зачем? Чтобы позабавить Генерала. Вся моя жизнь искаверкана – лишь ради пары минут удовольствия для этого подонка. Шутка, ничего больше... Генерала развлекают шуты, карлики, великаны, сумасброды, вундеркинды и уродцы. Что-то он в них находит. Возможно, они, как зеркало, отражают его собственную чудовищную натуру. Но все это очень непостоянно и изменчиво. Развлечение обычно длится всего несколько минут, самое большее – час-другой, и очень редко – несколько дней. Когда же они надоедают, то отсылаются в полутемные помещения Черного Госпиталя, пополняя личную коллекцию Генерала: он осматривает ее один раз в каждый високосный год. Уроды не видят нормальных людей, только бездушных медсестер и врачей-садистов, и умирают от отвращения к жизни. Мать моя была прекрасна: густые смоляные волосы, глаза морской синевы, длинные ресницы, полные губы, ровный ряд зубов, налитые груди, белая кожа с дурманящим запахом, сладкое дыхание, нежный голос, маленькое, безупречное по форме лоно. Единственный ее недостаток – то, что она родилась без рук и ног... Поймите меня правильно, ее тело не выглядело ужасающе, никаких обрубков, все везде было гладким, как полированный мрамор... Генерал устроил с ней дьявольскую игру: лишил девственности, а затем велел раскрасить, как шлюху, и выставить на обочине дороги, на поругание случайным прохожим. Не раз медики подбирали ее: семя текло из нее рекой, на теле – отвратительные пятна... Отца своего я не знаю и зову себя «сыном народа». Я сосал чистое молоко из ее груди, покрытых шрамами, следами укусов, ожогами от сигарет. Красота ее голоса оставалась

неизменной. За неимением рук, она ласкала меня своими песнями. Я рос отверженным. Кроме нее, никто не обращал ко мне слова, никто не потрудился дать имени; я был «воспитанником номер пятнадцать», вот и все. Когда мне отрезали и заново пришили оба уха – это считалось большой привилегией, – то позволили гулять по коридорам. Однажды ночью мать попросила меня о невозможном. И я не смог ей отказать. Я обернул ее наволочкой, точно ворох ветоши, и, ковьяля, отнес на балкон, выходящий на отвесную скалу. Если кто-то из узников госпиталя умирает, его без всяких траурных церемоний сбрасывают с этого балкона. Моя мать упала там, где валяются кости сотен уродов... Меня высекли и заперли, чтобы примерно наказать, в камеру вместе с человеком-желе: отростки его тела припирали меня к стене, душили... Я думал, что погибну в этом аду. Но как-то раз, сжалившись надо мной и устав жить, человек-желе вспорол себе железкой бесформенное брюхо. Я положил на свою кровать, под простыню, куклу из тряпок и спрятался в его останках. Никому не хотелось даже прикоснуться к человеку-желе, и его смыли на балкон при помощи пожарных рукавов. Поток холодной воды отправил нас обоих в пропасть под аплодисменты и саркастические ухмылки медиков. Когда, несколько часов спустя, полузадушенный, я решил отползти от трупа, то едва не был задавлен сямскими близнецами: обманув бдительность охраны, они также решились на самоубийство. Близнецы упали прямо у моих ног. У них была одна голова – и, в качестве забавы, череп рассекли надвое. Я извлек из их мозга себе на память вживленный туда магнитофон и бежал в горы, поклявшись отомстить за несчастных. Я прибил к бездомной суке и пил молоко из ее сосков. Я окрестил ее «Смертью». Многие годы сны мои были сплошным кошмаром. Один сон то и дело повторялся.

Моя одежда из кожи сгнила и покрыта червями: те пожирают ее, непрерывно умножаясь. Я уменьшился, плоть моя исчезла, через прозрачную кожу виден хрупкий скелет. Я не могу двигаться: у меня нет мускулов. Я лежу на кровати из слоновой кости с платиновыми украшениями, задвинутой в угол спальни. Могучий першерон, привязанный к изголовью, встряхивает гривой. От

навозного запаха я все крепче сжимаю челюсти. Сжимаю так сильно, что, когда мавританские ковры развеваются от конского ржания, вместо зубов у меня порошок. Горло мое от этого пересыхает. В уголках губ появляются трещины. Потом они превращаются в два разреза, я напоминаю теперь куклу чревовещателя. Наконец, Генерал приподнимает укрывающую меня простыню – она совершенно прямая, будто крышка гроба, – приподнимает меня за голову левой рукой, сажает к себе на колено, одновременно взбираясь на лошадь, и ударяет меня между лопаток, так что там образуется дыра. Его пальцы пробираются к моим легким, сдавливают их, так что я выпускаю воздух и принимаюсь говорить. Першерон пускается в галоп, таща за собой кровать. Вдали показывается кладбище. Женщины, скрытые могильными камнями до половины, словно туманом, хлещут себя с резким смехом. Чтобы освободиться от Генерала, мне нужны ножницы. Он, перекрывая мой голос, обращается к женщинам с речью эротического содержания. Преодолевая жуткую боль, я незаметно вытаскиваю свое оружие и, опустив руку, насколько можно – силой мысли, рука моя высохла, – срываю пуговицы с его брюк, просовываю туда ножницы, яростно отрезаю ему гигантские яйца. И снова я – в углу спальни, где несут дежурство возле Генерала. Обнаженные женщины, покрытые лишь куском черной ткани, воют стихи, глядя в тетрадки с задачами. Я вынужден постоянно чесаться, так как черви, пожрав кожаную одежду, принялись за меня. Солдаты, вооруженные хлопучками, кидают мне на руки труп. Хотя он в три раза больше меня, но весит меньше птицы. Мясник только что вскрыл труп. Он, не переставая, извиняется за фартук, запачканный кровью, говорит, что не было времени надеть другой, что его предупредили в последний момент. Затем вскрывает грудную клетку, находит, что «эскалоп» не поврежден, что в легком имеются царапины. Он продолжает разделявать, комментируя свою работу. Я слышу слово «бифштекс». Вдруг плач прекращается, солдаты и женщины, любопытствуя, задерживают дыхание и подходят ближе: мясник приступил к самой ответственной задаче – исследованию мозга. Слышатся глухие звуки ножа, вскрывающего череп. Женщины схватили тело, поворачивают его, чтобы

мясник мог придать останкам форму крышки гроба. Люди расступаются и вхожу я, его сын – мне следует вонзить пальцы в напوماженную шевелюру Генерала и потянуть со всей силой, пока остальные держат его за ноги. Появляется мозг на кости и остается в моих потных ладонях. Я тащу из извилин мозга пергамент сантиметровой ширины и бесконечной длины, на котором огнем выжжены старинные письма. Он заполняет всю комнату. Солдаты подходят ближе, наставляя на меня хлопушки, мясник ножом пронзает мне бок, но я тяну и тяну этот бесконечный документ, зная, что если начну чтение, то никогда его не закончу...

Этот кошмар почти что свел меня с ума. Кроме Смерти, моей собаки, я не желал никого видеть. Мне было стыдно за свои уши. Я вел ночной образ жизни, скакал по скалам, точно бездумная коза, пока не падал от усталости в какой-нибудь расщелине, пытаюсь не заснуть, чтобы вновь не попасть на похороны Генерала, моего отца в этом мире. Днем я скрывался в глубине пещер, неподвижно распростершись на земле, почти не дыша, наблюдая за фанатиками, заживо пожирающими безумных дев. В одну из ночных вылазок мне повезло: я заснул в гнезде Кондора. Проснувшись, я увидел, что меня обнимают два гигантских крыла. Не знаю, какой благодетельный инстинкт заставил птицу увидеть во мне птенца. Издавая клекот, настолько нежный, что почти переходил в рыдание, снимая тяжкий груз одиночества с моих плеч, кондор сунул мне в руку белый камешек, который прятал в клюве. Вот так, внезапно, в приступе любви, чистой, как песня родившей меня женщины-обрубка, он отдал мне свое сокровище. Руководствуясь его свистом, я научился распознавать старинные иероглифы, покрывавшие поверхность мозговидного камня... Это послание, донесенное сквозь тысячелетия, открыло мне, что есть любовь – надежда, которая простирается вглубь времен; я понял, что кто-то в далеком прошлом отдал жизнь, чтобы я обрел сознание. Собака была моей матерью, Кондор – моим отцом, камень – моим наставником! Я стал воином! Словно булавка, круглые сутки колющая великана, я напал на Генерала, пока все не переменилось и я не сделался его кошмаром. Моя мощь росла год от года. Я сумел правильно использовать секрет, переданный бе-

лым камнем: как возлюбить ближнего больше, чем самого себя. И я, который был меньше, чем ничто, еле тащивший тяжесть собственной души, нашел готовых встать рядом со мной. Меньше, чем ничто, превратилось в огромную армию угнетенных, избравших меня своим вождем. И хотя жалкое и убогое детство навсегда стало частью прошлого, я не мог и не хотел забыть Черный Госпиталь. Чтобы вы поняли лучше, в каких страшных условиях началась моя жизнь – как вы скоро увидите, мой план атаки логически дополняет жертву моей матери, – послушайте мысли сиамских близнецов, записанные на магнитофон. Когда я на грани полной потери сил – в партизанской войне неизбежны отступления, разочарования, предательство, зависть, неблагодарность, препятствия, на первый взгляд непреодолимые, – то всегда слушаю этот спор двух душ, погруженных Генералом во мрак неведения, и заряжаюсь беспредельной ненавистью. Судите сами:

– Я – чудовище. К моей голове приделано непонятно что. Я тащу за собой самозванца.

– У меня два тела и одна голова. Это признак высшего существа. Мне никогда не будет одиноко.

– Сиделка, сестры и главный врач считают меня бесполезным, неудобным, лишним в этом мире. Наверное, они убьют меня.

– Моя палата – самая лучшая, с видом на море. Хорошо бы, сиделка побыла рядом со мной, мы вместе смотрели бы вдаль.

– Однажды я ковлялся по коридору, когда ко мне подошел человек со многими горбами и сказал: «Хе-хе, тебе нужно вдвое больше башмаков, чем остальным». И он алчно поглядел на мои ноги.

– Дует свежий ветерок. Мыши играют с ошипанными чайками.

– Врачам надоело кормить меня, он знает, что те в любой момент могут вскрыть меня для своих исследований. Тогда горбун заполучит две пары моих башмаков.

– Море бьет в берег под окнами. Сегодня первый летний день. Я счастлив.

– Не дам! Лучше я их сожгу!

– Ветер доносит запах андских кустарников и... что такое? Другое тело берет с пола башмаки и хочет выбросить их в уборную. Нет!

– Наглец! Придурок! Он дерется со мной! Я могу сунуть руку внутрь него, расплющить ему сердце, но тогда мне конец. Надо подождать.

– Он наконец успокоился. Вообще я все больше тревожусь... Должно быть, это восхитительное летнее тепло так на него подействовало. Иногда я задаюсь вопросом, не обладает ли другое тело собственной волей и сознанием.

– Он не дал мне сжечь башмаки! Может, он способен думать? Невозможно, ведь голова-то моя.

– Сиделка растирает мне плечи и грудь, потом, одев в два белых фрака, ведет в выставочный зал.

– Многократный горбун, женщина-сука и старик, лишенный рта, умирают от зависти: ведь сейчас я – любимец Генерала!

– Сиделка играет на виолончели, чтобы я танцевал для Генерала. Когда я готов свалиться от усталости, она ободряет меня нежным взглядом.

– Идиотка! Не умеет играть! Она говорит мне: «Высунь, пожалуйста, язык. Вращай глазами, пожалуйста. Выдвинь вперед ногу номер четыре, пожалуйста. Левой рукой правого тела почеси, пожалуйста, правую ягодицу левого тела». Пожалуйста, пожалуйста, пожалуйста! Я убью ее!

– Мне жаль остальных: Генерал не задерживается перед ними, бросает презрительный взгляд и возвращается смотреть, как я танцую двумя парами ног.

– Я едва выношу этот взгляд всемогущего тирана, и лишь потому, что горбун мне завидует. Вот моя месть ему!

– Я задыхаюсь. Нет, я почти не потею, но ненужное тело – настоящая пытка. Как оно меня утомляет! Это невыносимо – иметь другое тело, которое двигается не по моей воле!

– Я представляю, как он ворочается в постели, обнаженный, влажный, как я. У нас одинаковая температура. Нет, все же я – другой человек, только голова одна на двоих. Нет: просто у меня одним телом больше. Именно так. Оно двигается не по моей воле, но голова-то у него моя. Как же иначе, если я все время о чем-то думаю! Каждое мгновение я здесь, и нет места для другого. Лишнее тело никого не обременяет. Почему не попытать счастья с сиделкой, если я люблю ее?

– Я устал от Генерала, от врачей, от горбуна, и особенно от этой проклятой сиделки. Сколько еще времени мучиться от ее виолончели? Я – ее пляшущая марионетка. И потом, нужно, чтобы все узнали о моем бунте. Что-нибудь потрясающее: пусть все узнают, кто я на самом деле, прежде чем меня не станет! Я убью ее! Пойду-ка к ней в комнату...

– Мое чувство не должно оставаться неразделенным. Я хочу ее, а она хочет меня. Надо принять решение, ведь я же мужчина. По такой жаре все задремали, на этажах нет зрителей... Пойду-ка к ней в комнату.

– На этажах нет зрителей. Я задушу ее подушкой.

– Я бесшумно двигаюсь по коридору.

– Другое тело идет рядом; никогда еще мы не действовали так слаженно.

– Открываю дверь...

– Сердце мое бьется.

– Сердце мое бьется. Я протягиваю к ней четыре руки, чтобы легонько разбудить.

– Я стисну ей горло.

– Вот оно, счастье! Проснись, любовь моя... Что такое? На помощь! Тот, другой, хватает ее за горло! Я в отчаянии!

– Вот болван: хватает меня за запястья, не дает закончить дело... А-а! Она успела схватить хлыст!

– Как больно! Она бьет не только того, виновного, но и меня, который так ее любит!

– Бегут санитары с двойной смирительной рубашкой, обступают меня... Надеюсь, больше меня не выставят на потеху. Как только смогу, я добуду огонь и подожгу госпиталь.

– Двойная смирительная рубашка... Видно, сделали специально для меня. Что, они подозревали заранее? Почему? Я никогда не буйствовал! Тот, другой, хотел задушить ее, не я! Все было заранее обдумано. Где он? В моей голове, больше нигде.

– Мне не дали убить ее. Все было заранее обдумано. Где он? В моей голове, больше нигде.

– Она избивала его и меня одинаково.

– Они принесли двойную рубашку, хотя другой пытался защитить ее.

– Она считает, что я – один человек, но я боюсь, что нас двое.
– Они считают, что я – один человек, но я боюсь, что нас двое.
– Моя голова не принадлежит мне целиком. Часть ее – в распоряжении другого.

– Другое тело не повелевает мной, но я им тоже. А значит, половина мозга принадлежит ему. Не знаю, о чем его мысли, но он способен следить за мной. Как доказать обратное? Возможно, он ведаёт все мои мысли: он паразитирует на мне!

– Как удостовериться, что мои мысли – это не мысли другого? Как быть уверенным, что я не выдуман им, что я не создан для его нужд?

– Наши четыре ноги ходят вместе, я отдаю приказы только двум. Не исключено, что он распоряжается всеми четырьмя. Не исключено, что оба тела и мозг – его собственность, что меня вообще нет.

– Может быть, меня вообще нет. Но как осознать самого себя?

– Если я осознаю самого себя, то не буду самим собой. Осознавать может лишь другой. Или я – это я сам, или я осознаю. Но возможно, нас трое, четверо, и так до бесконечности. А горбун и прочие уроды – части моего тела...

– Возможно, все это заведение – одно существо, а мы, врачи, сиделка – части целого. Но тот, другой, главное. Он думает за всех, не я.

– Я – это не я. Кто-то заставляет меня мыслить. Здесь, в госпитале, мы как шахматные фигуры. Каждый наш шаг берется на заметку. Это ужасно. Хочу быть собой!

– В конце концов, знать об этом – значит приблизиться к счастью. Быть одним целым и в то же время не существовать. Быть единым со всеми, кто в госпитале, разделять одну душу с сиделкой...

– Глупые фантазии! Я заперт в палате. И этот идиотский придаток, другое тело, соединенное с моей головой... Врачи меня уберут, рано или поздно. Ах, были бы у меня спички...

– Ни одного свободного движения! Я лежу неподвижно и жду приказаний. Черный Госпиталь говорит мне, что делать, о чем думать.

– Другой упал на пол, увлек меня за собой. Это уж слишком! Хватит. Они забыли запереть дверь. Я пойду на балкон, к обрыву. Лучше сделать это самому.

– Он идет к балкону. Смотрители дремлют. Как это приятно, когда тебя тащат! Там, внизу, море хлещет о скалы. Оно тоже – часть Госпиталя. А я – часть моря...

– Пришли! Вперед, на скалы! Хоть бы приплыли акулы и сожрали мои башмаки...

– Моя голова и два тела медленно падают вниз. Мы летим к морю, к Черному Госпиталю, к сиделке. Все мы сольемся воедино. Я счастлив.

– Я разобьюсь, и пусть вслед за мной разобьются все!

Поймите меня правильно: всякий раз, слушая мысли двух несчастных созданий, я плачу – не над ними, а надо мной, над вами, над обитателями нашей страны. Мы – одна громадная толпа шутов. Всем нам, так или иначе, Генерал вставляет в мозг магнитофон и слушает, что мы думаем, искусно пользуясь нашими просчетами, сомнениями, колебаниями, нашей встревоженностью. Мы – нация чудовищ, зеркало, в которое он глядит, чтобы развеять скуку. Ему хочется веселиться, но лишь чужое страдание способно порадовать его. Все, что он создал, служит к возрастанию нашей тревоги: грунтовая дорога, что непрерывно удлиняется, ядовитое море, вечная ночь, зараженный лабиринт Столицы. Генерал играет: такова постыдная истина.

Я вызвал вас в это укромное место, зная о вашей храбрости, осторожности и верности. То, что мы замыслили, не задумывал еще никто. Но я верю в успех нашего дела: ведь наша ненависть к диктатору намного превосходит любовь к себе. Наша цель – опустошить город, а затем убить тирана. Мы отвлечем внимание солдат и полиции, устроив пожар сразу в нескольких кварталах. Там уже заложены бомбы, для взрыва достаточно нажать кнопку. Вы вчетвером поднимете населенные бедняками предместья, на севере, юге, западе и востоке, чтобы четыре мстящих потока обрушились на столицу с четырех сторон, грабя магазины и разбивая экраны. Вы подорвете стену, отделяющую от нас монголоидов. Пусть эти недоумки ринутся на армию сокрушительной волной!

А потом, с помощью вас троих, я совершу то, что считается невозможным: я взорву алюминиевую сферу, кровавый бассейн, любимую игрушку Генерала! После этого мы покончим с ним, но не спрашивайте, как. Позже я дам вам инструкции, которые пока что следует держать в строгой тайне. Собирайте свои силы: настало время выступить!

О ДЕТИ МОЕГО ЗЛОВОНΙΑ: Я ПРИШЕЛ, АЛМАЗНЫЙ ЖЕНИХ, К ТОМУ, КОГО УНИЖУ САМ, ЧТОБЫ ГНИЛЬ СТАЛА ЕГО МАТЕРЬЮ! ЧТО Я МОГУ ДАТЬ ВАМ, КРОМЕ НЕВЕДЕНИЯ, ИБО ОНО ЕСТЬ ПЕРВОЕ УСЛОВИЕ ЛЮБВИ? ЭТО, ОДНО ЭТО, НИЧЕГО, КРОМЕ ЭТОГО, КРОМЕ ВАШЕЙ ЖАЛКОЙ ЖИЗНИ, ВАШЕЙ ТЮРЬМЫ ИЗ МЯСА И КОСТЕЙ ВНУТРИ СИЯЮЩЕЙ БЕЗБРЕЖНОСТИ: ОНА – ВСЕ, ИСКЛЮЧАЯ ВАС. ОСТАВЬТЕ НАДЕЖДУ, МОЯ ПОВЕРХНОСТЬ НАВСЕГДА ЛИШЕНА ГЛУБИНЫ. ВЫ ВОЗВРАЩАЕТЕСЬ ИЗ МЕСТ, ГДЕ НЕ БЫЛИ НИКОГДА, БЫТЬ И ПРЕСЛЕДОВАТЬ – ДВА РАЗНЫХ ДЕЙСТВИЯ. Я ЕСТЬ, НО Я НЕ ПРЕСЛЕДУЮ! ВОТ МОЯ ТЫСЯЧЕЛЕТНЯЯ ЖАБА, В ЕЕ РАСКРЫТОЙ ПАСТИ – БЛАГОУХАННАЯ ЖЕМЧУЖИНА. ЧТОБЫ ВЫ МОГЛИ ПУСТИТЬ КОРНИ НА ЗЕМЛЕ, Я ЛЕЧУ К СЕРДЦЕВИНЕ НЕБА. КЛЮЧ МОЙ БОЛЬШЕ ДВЕРИ. Я НЕ СПРАШИВАЮ ДЕРЕВО, ЧТО ОНО ХОЧЕТ ДОНЕСТИ, А ПРОСТО ЕМ ЕГО ПЛОДЫ. ПУТЬ ДОЛОГ ЛИШЬ ДЛЯ УСТАВШИХ. ВЕЩИ НЕ СМЕНЯЮТСЯ ВНУТРИ МЕНЯ, Я СМЕНЯЮ САМ СЕБЯ ВНУТРИ ВЕЩЕЙ. ВЕЛИЧАЙШАЯ МИЛОСТЬ, О КОТОРОЙ ВЫ МОЖЕТЕ ПРОСИТЬ – ЧТОБЫ Я НЕ ПРОКЛЯЛ ВАС. Я ДОЛЖЕН ПРЕОБРАЖАТЬСЯ, ЧТОБЫ ВЫ ВЕРНУЛИСЬ К НАЧАЛУ ПУТИ. ПОЖЕРТВУЙТЕ ВСЕМ, ДАЖЕ ТОЙ ЧАСТЬЮ СЕБЯ, КОТОРАЯ ЖЕРТВУЕТ. ВЫЛОВИТЕ В СВОЕМ ЖИВОТЕ ЛОЖЕЧКОЙ КАМЕНЬ, НА КОТОРОМ Я ВОЗДВИГНУ СВОЙ ХРАМ. СМОТРИТЕ НА МОЮ РУКУ: ПРОЗРИТЕ В НЕЙ МОЕ СЕРДЦЕ, СТАВШЕЕ СЕМЕНЕМ. Я СЛЫШУ, КАК ДИКО ГУДЯТ ВАШИ МЫСЛИ. ГДЕ КОНЧАЕТЕСЬ ВЫ, НАЧИНАЕТСЯ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТЬ. ЕСЛИ ХОТИТЕ ОБРЕСТИ ПАМЯТЬ, ОТДАЙТЕСЬ ЗАБВЕНИЮ!

Внимание, друзья: теперь, в час торжества, мы в особенности не должны поддаваться сладким песням! Генерал всегда готовит великолепную ловушку под названием «поэзия». Красота и благо не имеют ничего общего. Муза поэта – змея, чья ослепительная кожа не мешает ей произвести смертельный укус. Держитесь! Обратите помыслы к Великому Делу! С крыши небоскреба, стоящего близ сферы, нам видны зарева пожаров, охватывающих город. Оглушительно воют пожарные сирены, растерянные войска двигаются к предместьям, пытаясь сдержать натиск восставших, чьи победные крики доносятся до нас. Это случилось!.. Столица-шлюха, получай! Твое серебро стало окалиной, твое вино смешалось с водой, ибо правители твои сделались ворами и пособниками воров. Погрязшие во взятках и подношениях, чиновники перестали творить справедливость, предали дело сирот и вдов. И вот мы, ангелы-уничтожители, требуем стереть тебя с лица земли и навеки забыть твое имя! Пусть ветер унесет тебя, как дохлую муху, в помойную яму Истории!

Настал момент для последнего удара: центральная площадь пуста, нам надо остерегаться одних радаров. Мы обманем их при помощи вот этого планерчика... Внутри у него мощный заряд взрывчатки. Вы столкнете меня с крыши – и я направлю его на проклинаемый всеми шар, пробью оболочку, оттуда хлынет высосанная из нас кровь... Красный поток зальет улицы, разъест асфальт и цемент, превратит все вокруг в сплошную топь... Никто не сможет отмыть сгустки этой крови. Моя смерть станет и смертью Столицы. Когда на взрыв яростным пчелиным роем слетятся корабли, не бегите и не прячьтесь: размахивайте вот этим белым флагом... Никто не убьет вас; наоборот: как величайшую драгоценность, вас погрузят в роскошный вертолет и доставят в секретную крепость... Я знаю Генерала: скука для него хуже, чем рак. Прежде чем подвергнуть вас сотням пыток, он захочет выяснить, кто создал столь грандиозный план, захочет позабавиться с вами – своим новым развлечением... И, наконец, выжав из вас все до последней капли, снова во власти сплина, он погребет вас – кучку человеческих ошметков – в Черном Госпитале... Держите: это камень Кондора. Священные письма на нем раскрывают не

только тайну Любви, но и тайну Смерти... При встрече с ним воспользуйтесь этой пращой – ее легко спрятать под плащом. Когда соски Смерти высохли, я смог охотиться с ее помощью на фазанов и горных крыс, не зная голода... Да, братья мои, воспользуйтесь этим неприметным оружием, пустите со всей силой, со всей ненавистью белый камень прямо в лоб этому разбойнику. Только камень способен убить его! Поклянитесь, что сделаете это! Благодарю вас! Я верю вам, потому что знаю, кто вы и откуда идете. Вы правильно поступили, что хранили молчание на свой счет, чтобы не завоевать мою симпатию: это было бы бесчестно по отношению к другим товарищам. И так как я вам верю, я приготовил для вас самую неблагодарную задачу: хочу, чтобы вы прямо сейчас – время не терпит – отрубили мне руки и ноги... Вы не можете отказаться! Планер не поднимет большой груз. Кроме того, в час гибели я хочу стать похожим на свою мать, символически перевоплотиться в нее. Будет справедливо, если и она познает вкус мщения. Пусть ее падение станет взлетом, а жалкое самоубийство – героической смертью. Мстителем буду не я, а ее тело-обрубок... Без колебаний и без жалости! Это миг наслаждения: если я не страдаю в душе, боль для меня – ничто... Я счастлив! Теперь я – это она, моя мать! Рубите! Рубите! Рубите! Рубите! Так! Исток четырех горячих рек, мать моя, я снова повстречал тебя, я исчезаю в тебе, пою твоим голосом... Толкайте, дети мои! Туда, к шару!.. Генерал, я вижу зарево твоей гибели!

ДА, СЕНЬОР, Я СКРЫВАЛ МНОГОЕ, С ТАЙНЫМ ЧУВСТВОМ, ЧТО СЕКРЕТ НЕВОЗМОЖНО ХРАНИТЬ, ЧТО НЕТ ТАКОЙ ОДЕЖДЫ, В КАРМАНАХ КОТОРОЙ ПОМЕСТИЛСЯ БЫ МИР. БЫТЬ В СПИСКАХ, ЕГО РУКИ КОПАЮТСЯ В НАШЕЙ ПЛОТИ – И НЕ ИМЕТЬ НИЧЕГО, БЫТЬ БЕЗБИЛЕТНЫМ ПАССАЖИРОМ. ДА, СЕНЬОР, МЕНЯ НИКТО НЕ СОТВОРИЛ, Я ВСЕГДА БЫЛ ПРОСТЫМ КАМНЕМ В НЕНУЖНОЙ БОРЬБЕ, ДЕРЕВОМ, ПОЖИРАЮЩИМ СОБСТВЕННЫЕ ПЛОДЫ. Я НИЧЕГО НЕ ЗАВОЕВАЛ, НИКТО НЕ СМОГ РАЗГЛЯДЕТЬ МОИХ ДВИЖЕНИЙ И В ОСОБЕННОСТИ МОЕГО БЕССИЛИЯ, СЕНЬОР, Я БЕЗЗАЩИТНЕЕ БРОДЯЧЕЙ СОБАКИ И,

НЕСМОТЯ НИ НА ЧТО, ЕЩЕ И ТРУСЛИВ. БОЯЗНЬ, ОХВАТЫВАВШАЯ МЕНЯ НОЧЬЮ, БОЛЬШЕЙ ЧАСТЬЮ ПОДВИГАЛА МЕНЯ НА НЕВИДАННЫЙ РАЗГУЛ. ДА, БОЯЗНЬ БЫТЬ РАЗДРОБЛЕННЫМ НА ЧАСТИ И БОЯЗНЬ ОДЕРЖАТЬ ПОБЕДУ, БОЯЗНЬ ВЫИГРАТЬ, НЕ ПОКУПАЯ БИЛЕТА, И ВСЮ ЖИЗНЬ ТЕРПЯ НЕУДАЧИ. ОТКУДА Я ЗНАЮ, МОЖЕТ, В КАРМАНАХ, КАК В ЙОГУРТЕ, ЖИВУТ НЕКИЕ СУЩЕСТВА, ОНИ РАЗМНОЖАЮТСЯ И ПОСТАВЛЯЮТ СЪЕДОБНУЮ МАТЕРИЮ, МОЖЕТ, ЗА МНОЙ БЕГАЮТ СТАИ БЕЗДОМНЫХ ДЕТЕЙ, ПИТАЮСЬ РВОТОЙ МОЕЙ ОДЕЖДЫ. И ВОТ СКОРО Я, СЕНЬОР, СТАНУ ПОДОБИЕМ МЕССИИ, ХОТЯ НИКТО НЕ ПОПЫТАЛСЯ, НИКТО НЕ РЕШИЛСЯ БРОСИТЬ МЕНЯ В ОКЕАН, СЕНЬОР, И ТЕПЕРЬ Я ЗДЕСЬ, БЕСКОРЫСТНО, Я УМОЛЯЮ ДАТЬ МНЕ ПРОДОЛЖИТЬ ПУТЬ, КОТОРЫЙ ТАК ЖЕ БЕСЦЕЛЕН, КАК ЧИСТЫЙ ОПЫТ ЖИВОГО СУЩЕСТВА. ЧТО ВАМ СТОИТ НАРУШИТЬ КОДЕКС РАДИ ТАКОЙ МАЛОСТИ, КАК МОЕ СУЩЕСТВОВАНИЕ? ПУСТЬ СМЕРТЬ МЕНЯ ЗАБУДЕТ ИЗ-ЗА МОЕЙ НИЧТОЖНОСТИ, ПУСТЬ МОЙ СЕКРЕТ БУДЕТ В ОТСУТСТВИИ СЕКРЕТА, ПУСТЬ МНЕ БУДЕТ ДАНО ПЕРЕЖИТЬ ВСЕЛЕННУЮ... ВЫ, КАК И Я, ЗНАЕТЕ, ЧТО ВСЕ МЫ НЕВИНОВНЫ; ЧТО ВСЕ СУЩЕЕ НЕОБХОДИМО; ЧТО ВСЕ БЫВШЕЕ ДОЛЖНО БЫЛО БЫТЬ; ЧТО ЗЛА НЕ СУЩЕСТВУЕТ, И ПОТОМУ ДЬЯВОЛУ ОСТАЕТСЯ ЛИШЬ ТОСКОВАТЬ ПО ЗЛУ. ТАКОВО МОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ, СЕНЬОР, БЛАГОДАРЯ ВСТРЕЧЕ С ВАМИ Я ОСОЗНАЛ, ЧТО ПУСТИЛСЯ НА ПОИСКИ ЗЛА, СЛОВНО РЕДКОЙ ЖЕМЧУЖИНЫ... А-А! ЗАРОДЫШ ЖЖЕТ МОИ ВНУТРЕННОСТИ, Я НЕ МОГУ!.. НАДО ЗАКРЫТЬ ОКНА И ДВЕРИ, СЕНЬОР, И ПРЕДАТЬСЯ ИГРЕ НАВСЕГДА. КТО ВЫЙДЕТ, ПРОИГРАЕТ!

А, вот оно – ложное смирение! Сволочь! Трус! Узнаешь? Я – твоя невеста, невиновная ни в чем женщина-обрубок, которую ты проткнул стальным членом, как цыпленка вертелом... Ты вошел, слепой, глухой и немой, в девственное царство, и, будучи первым, навсегда оставил в нем свой след. С тех пор любовь и страдание для меня нераздельны – а ты, я верю, я знаю, не смог

стереть следы, оставленные моей лаской в твоей беспредельной жестокости. Я любила тебя и после смерти и потому, взяв тело свое искалеченного сына, отниму у тебя кровавый водоем, так же как ты отнял у меня девственность и сны. Я возвращаюсь к тебе в полете – ты должен увидеть, что так и не смог подрезать мне крылья; и моя малость могущественнее твоей необъятности. Луч света способен разогнать тьму во всем мире. В смерти мы станем одним целым. Ты помог мне познать строение любви; ты дал мне именно то, без чего я могла обойтись; отнимая, ты делал меня богатой; благодаря твоему отсутствию я присутствовала в мире. Разрушение, приносимое мной сейчас – способ родить тебя. Появись немедленно на свет! Да придет простое наслаждение – наслаждение от взрыва!

Как?.. Почему?.. Невероятно! Зловещая сфера цела и невредима. Мой планер столкнулся с алюминиевой стенкой и стал падать бессильной мухой вниз, на стальную сетку, насмешливо ждущую его. Сирены бомбардировщиков затихли. Пожары, словно по мановению волшебной палочки, потухли. По всему городу – смех и рукоплескания... Сфера разделяется на восемь блестящих лепестков, они опускаются на восемь улиц, ведущих к центральной площади. Вместо крови из шара многоцветными облаками вырываются миллионы бабочек. Посреди него, как светящийся пестик, поднимается гигантское золотое изваяние Генерала. На месте головы у него телевизор, с экрана в меня вонзается кинжальный взгляд довольного тирана; его громкий хохот бесконечно умножает экраны всей страны. В руках Генерала – рог изобилия, из которого на город изливается дождь сигар, шоколадок и медалей. Из окон доносится ритмичный стук: женщины в исступлении колотят по дну кастрюль. На улицах – народные шествия в сопровождении цирковых оркестров. Серпантин, конфетти, флажки. Все празднуют мое поражение... Взрывы были фальшивыми и пожары тоже. Народное восстание – искусно разыгранной комедией. Мои соратники – агентами правительства. Мой планер – безвредной игрушкой. Внутри шара не было крови; Генерал смотрит на него с противоположной стороны. Они посмеялись надо мной.

ХА! ХААА! ХА-ХА-ХА! ХААА! ХА-ХА-ХА!
ХААА! ХА! ХА-ХА-ХА! ХАААА! ХА!
ХААААА! ХА-ХА! ХААААА! ХА! ХААААААА!
ХААААААААААААААА! ХААААААААААААААА!

Героические сотрудники Тайной Полиции, как Верховный Координатор этой карательной экспедиции, я имею удовольствие и честь вручить вам эти Трехцветные Шарфы, высшую награду, которую Генерал, да будет благословенна луна, освещающая его ночи, связал собственными руками, в благодарность за арест опасного преступника по кличке «Пятнадцатый», причинившего столько вреда нашей Родине и лежащего теперь перед нами, на площади, как предупреждение всем будущим предателям, после того как жаждущая мести толпа свершила над ним суд, наигравшись в футбол головой злоумышленника, изнасиловав его перед этим в зад, как обычно. Если бы не вы трое, известный мятежник ускользнул бы у нас из рук с помощью легендарного белого амулета. Превосходная идея Генерала, да будут благословенны воздух, которым он дышит, и молоко, которым питается: задействовать тех уродцев, родившихся, как и «Пятнадцатый», в Черном Госпитале! Этот дикий зверь не доверял никому, кроме себе подобных, вроде вас, сиамских близнецов особого рода: три тела, соединенных одной душой. Вы не могли не завоевать его доверия. И он попался в ловушку, как ребенок. Осторожно, чтобы не вызвать подозрений, мы поставляли ему сведения относительно нового феномена, созданного медиками, – трех мертвых тел, объединенных живой душой. Затем он узнал, что вы бежали, устроив пожар в операционной. Однако он решился положиться на вас, только предварительно лишив памяти, чтобы в случае провала вы не раскололись под пытками... Мы должны, конечно же, сказать и о том, что ваша образцовая работа не была бы возможной без содействия шести доблестных лже-воинов, высокопоставленных офицеров армии, и обитателей предместий, которым мы обещали за помощь в организации спектакля недельный карнавал с бесплатными хлебом и вином. Генерал – да будут благословенны земля, которую он попирает, и муравьи, которых он давит! – с нетерпением

ожидает вас в Тайной Крепости: этой чести удостоиваются лишь немногие из шутов... Вы можете гордиться: вся Столица затягивает национальный гимн в честь трех мужественных уродцев. Поднимайтесь в правительственный вертолет! Но прежде чем вы улетите, я, в нарушение официального этикета, прошу вас извинить постоянное обращение к вам во множественном числе, как если бы главным в вас были три тела. Возможно, мне следовало бы говорить, обращаясь к единой душе. На всякий случай скажу: прощай, героический собрат по духу, вся страна завидует тебе; скоро ты испытаешь наивысшее счастье, встретившись лицом к лицу с Генералом, – да будут благословенны экраны, доносящие его образ!

14. ЭТО НИКТО...

Молчание! Ни слова! Не двигаться! Вам не позволено делать ни одного жеста. Ваше время кончилось! Теперь исполняется только моя воля. Доверьтесь мне! Я знаю все. Как радостно видеть вас без лиц, без тел, без отличительных признаков, словно зеркала, зная, что, отражая меня, вы живете, а при попытке стать кем-то помимо меня – погибнете! Вы потрясены? Это естественно. Наконец-то вы здесь, предо мной! Все рано или поздно оказываются в Тайной Крепости. Некоторые ожидают этого миллионы лет, то продвигаясь, то отступая, преследуя тысячи целей, чтобы понять: куда бы ни идти, что бы ни искать, в конце всех путей – я! Вы старались вернуть себе память? Вот она – перед вами! Вы должны помнить меня, и только меня! Задача непростая – ведь в это мгновение вы и я несопоставимы по размеру. Чтобы дать мне определение, надо сперва осознать меня, «приблизиться ко мне», так сказать, в физическом и духовном плане – я упоминаю об этом детском различии, только желая быть лучше понятым: вы – три капли воды рядом с океаном. Для вас я не высок и не низок, не толст и не тонок, не силен и не слаб, не черен и не бел, поскольку сейчас вы ослеплены тем, что исходит от меня, и не способны приложить ко мне никакой меры. Вас притягивают одни лишь мои глаза – но вам не дано различить их цвет, ибо вы покорены беспредельностью взгляда. А также моим обликом, моими качествами, что неудивительно: вы никогда не сталкивались, и, полагаю, никогда не столкнетесь с подобным мне. Я – Непознанный, непостижимая тайна, существо без имени, пола, возраста, изменчивое и неуловимое: облако, дуновение ветра. Не имея возможности постичь меня, пользуйтесь этими минутами, выдумывайте тысячу и один образ, дабы пополнить вашу коллекцию образов. Можете видеть во мне безумного офицера, ученого-садиста, бессмертного чародея, воплощенную адскую силу – или попросту продолжение во плоти грунтовой дороги... Вы в состоянии уловить лишь то, что вам уже знакомо. Каждая встреча с новым, невиданным, сбивает с толку ваш разум, размывает одну из его бесчисленных границ, подводит вас почти что к агонии...

Когда тело становится трупом, клетки живут собственной жизнью, проявляя паразитическую активность, высвобождая потаенную энергию, глубоко спрятанную мощь, чтобы в последний роковой миг защитить себя: это – трупное существование, момент невиданного испускания волн и частиц, нераскрытых сил, непроявленной энергии, первоначального света, излучаемого физическим телом, могущественным и последним признаком былой цельности... Вместо отрицания страха смерти вы должны отдаться ему, чтобы обрести иное, более обширное сознание; должны всеми средствами вызвать в своем мозгу ощущение агонии, жить в состоянии риска, наступая на хвост спящему тигру, балансируя на краю бездны, танцуя под дождем из мечей, освобождая воображение, пока вы не подпилите опоры рассудка и он не свалится в разъяренные волны... Если бы однажды вы перестали мыслить, если бы сумели, преодолев ужас и отвращение, стать «тем», чем вы являетесь, обитающей в вас «сущностью» – диковинной, как тарантул, тогда и только тогда вы начали бы видеть меня.. Но, разумеется, вы не удивлены. Ваша воля побеждает мой «гипноз». И вот вы преисполнены гордости, даже не замечая, что все трое говорите враз одним голосом, отзываясь о моем мире как о «пышном спектакле, поставленном большим разумом с целью ощутить Бога». Внутренность моего сурового убежища для вас – стальной храм обширнее любого собора, с гигантскими розетками-экранами, передающими все изменения моего лица, вплоть до самых мелких. Я, одетый в раззолоченный военный мундир, скрестив ноги и соединив руки, гляжу на вас с серебряного трона, сидя между выпотрошенными Хемулем и Кондором, окруженный рабами, сотнями, тысячами рабов, которые двигаются всегда на корточках, одев плащ, шляпу и очки, как и вы. Они слагают к моим ногам драгоценности, цветочные букеты, сладости, протирают линзы телекамер, все время направленных на меня, подметают мраморный пол, смахивают пыль с магнитофонов, передающих в унисон всевозможные священные мелодии, зажигают благовонные палочки и свечи, беспрестанно бормочут невнятную молитву: «Кукара кука, кукара кай, тумба тумбита, тумба тумбай!»... И для большей выразительности вокруг моего трона с опорами пятиметровой высоты развешивают невидимые нити

слепые дети, расставленные кругами; они изображают птиц, хлопая руками, и поют мне хвалу голосками кастратов... Вы же, сами не зная почему, оскорбляете меня. Длинное путешествие по грунтовой дороге научило вас умирать. Мой «детский маскарад» напугал вас. Итак: покончим с игрой, покончим с ложью! Вы хотите правды... Ваше желание исполнится! Я открою вам величайший из секретов: существу только я один! Я – страна и ее обитатель, я – море, горные цепи, дорога, город, храм; я – свет и тень, сопутствующий свету. Я послал вас, чтобы вы обошли страну и нашли хоть одного праведника, но, поступив так, я послал себя самого. Я искал сам себя; найдя меня, вы нашли себя. Пребывая в поисках, вы утратили свои личности. Вы вконец отчаялись стать кем-то... Теперь я помогу вам сделать последний шаг: разбейте зеркало, откажитесь от удовольствия отражать меня, растворитесь во мне!.. Вы отступаете, машете руками, спрашивая, что мне от вас надо, зачем я привел вас сюда, если считаю никем, вы кричите, что я хочу уничтожить мир, что я убийца... Несчастные тени, вам не понять! Я, сидящий здесь, вне времени – как я могу думать, что жизнь отнимается или дается, если, не начинаясь и не заканчиваясь нигде, я – само Настоящее? Никто никого не убивает: одни превращаются в других, и все. Смерть миллиона человек значит не больше, чем смерть одного: это непостижимый для вас круговорот жизни. Когда я расправляюсь с чудовищем, я всего лишь убиваю свое отращивание к нему... Почему вы извиваетесь, как черви? Как смеете вы плевать в сторону моей высокой особы с возгласами: «Безумец!», «Маньяк!», «Ублюдок!», «Параноик!»? Довольно! Никто не осмелится бросить мне вызов! Я сказал, что вас нет, и сейчас докажу вам это! Сотню рабов ко мне, немедленно! Схватите одного из этих трех! Поставьте на колени! Сорвите с него шляпу, очки и плащ! А теперь отойдите! Видите вы, двое? Третий исчез. Осталась только кучка одежды. Он не был никем! Фокус, трюк? Он не исчез, говорите? Рабы, одетые как он, увели его, скрытого среди сотни человек? Эти вещи – не его? Все было подстроено? Ах, вот как? Вы смеете сомневаться во мне? Раздевайтесь! Покажите мне прямо тут, что вы – нечто большее, чем надетое на вас! Сейчас вы хнычете, что я решил вас унижить, что нагота ничего не изменит... Довольно

влиять: или вы раздеваетесь, или мои рабы изрежут ваши плащи ножницами!.. Отлично, повинуйтесь, пусть даже через силу... Давайте, давайте... Шляпа приклеилась к голове? Очки не снимаются? Даже ценой нечеловеческого усилия вам не скинуть плащи... Не смешите меня! Жулики! Обманщики! Прекратим это гнусное лицедейство. Вы можете раздеться, только не хотите. Вы сомневаетесь не во мне, а в себе. И из гордости продолжаете этот фарс. Вам хочется остаться на поверхности, не имея центра: раздевшись, вы исчезнете... Как? Еще один мой трюк? Если одежда не приросла к вашему телу – значит, это я вас загипнотизировал? Я управляю вами через экраны, завладеваю вашей волей (предположим, что она у вас есть)? Я ставлю себя выше всех, но без машин я – ничто? Итак, я, с напояженной шевелюрой, с искусственными зубами, накладными усами и непомерным тщеславием – жалкий карлик и трус? Видите, ваши слова не задевают меня, я плыву по глади моего вековечного спокойствия – вы же выглядите побелевшими и разъяренными. Одно из ваших двух тел силой прорывается через толпу рабов, раскалывает кулаком три-четыре черепа, устремляется к моему трону, взбирается по одной из опор. Тихо! Слуги, не вмешиваться! Пусть он лезет, кашляет, отплевывается, задыхается, падает, снова лезет. Пусть он рычит, проклиная меня: «Преступник! Кровопийца! Мошенник! Я разможу тебе голову! Выбью из нее мозги! Вспорю живот! Помочусь на твои кишки! Вырву глаза! Изрублю на куски член! Ты и твой мир исчезнут! Забирай свою грунтовую дорогу! Я вычеркну тебя из людской памяти!» Bravo, брависсимо! Мне по душе искусная ругань. Как, всё? Так быстро? Ты хочешь добраться до сиденья трона, но не можешь? На, держи руку. Ты в отчаянии, потому что я помогаю тебе. Ты не понимаешь этого. Ты падаешь ко мне в объятия, прижимаешься к моей груди, словно сын, сдавленно рыдая. Из спинки трона выдвигаются светящиеся палочки и ритмически покачиваются. В розетках показываются крупным планом мои глаза. Я баюкаю тебя, напевая глухим и нежным голосом:

Как соломинка, что приближается к огню,
как ягненок, что подставляет шею под нож,

как кусочек сахара, что плывет по морю слюны,
ты приносишь мне этот прозрачный цветок,
уменьшенный глаз, блещущий во мраке
сердцевины,
еще одну жемчужину для моего ожерелья из мертвецов:
твое незапятнанное сознание.
Знай же, сын мой:
я никогда тебя не покину.
Я всегда оставался, смеясь,
на дне твоих ран.

Ты неспособен к сопротивлению. Ты шепчешь сквозь сон: «Мои сияющие замыслы обескровлены... Тучи, окаменевшие в воздухе, падают дождем из булыжников... Небо отделяется от горизонта, оставляя лишь черный корень воды...» Ты распростерся передо мной, беззащитный. Все кончилось, река дошла до моря. По-матерински мягко я снимаю с тебя шляпу, очки, плащ... От тебя не осталось ничего... Ты исчез! Но вот твоё тело перед моими ногами рычит в горячке: «Пусть я исчезну тоже! Заткни мне рот! Кто я? Почему нас было трое, а не один? Откуда мы шли? С какой целью? Куда ведет грунтовая дорога?» Я даю тебе суровый ответ: «Кто примется спрашивать меня, встретит молчание!» Ты падаешь на колени. Рыдаешь. Ты побежден. Слуги ставят перед моим тронном лестницу, на ней блестят тысячи огней, которые угасают и вновь загораются, следуя торжественному пению моих незрячих ангелов... Я спускаюсь к тебе. Я хочу стать для тебя всем: хлебом, молоком, кровом, воздухом, которым ты дышишь. Я хочу стать для тебя колыбелью, ложем и гробом. Столом и шкафом. Желанием и предметом твоих желаний. Сердцем, любовью, любящим и любимым. Камнем. Песней, крылом, полетом и падением. Черной точкой, куда устремляются все стрелы. Я хочу, чтобы мои случайные пули всегда поражали твою грудь, милый мой, твою грудь... Я поглощу тебя без остатка, без следа. От тебя не останется ничего... У тебя есть еще силы? Забавно. Ты защищаешься с безнадежной яростью умирающего. С неожиданной мощью ты скидываешь руку: последний признак того, что твоё

незримое тело живо. С собачьим лаем, со свистом кондора ты посылаешь мне в лоб старинный белый камень... О страшные тайны Любви и Смерти! Как я предвкушал это мгновение! Благодарю! Твоя задача выполнена, сын мой... Мои силы на исходе, я – истощенная почва, я должен отправляться в подземный мир. Ты – новый свет. Ты, ставший чистым мятежом – единственный, кто вправе отдавать приказы. Слушай же: отныне и навсегда ты становишься мной. Погасить свет! Выключить телевизоры! Повинуйтесь мне во тьме! Повинуйтесь! Надень мою форму, дай мне свою одежду! Вот мои зубы, парик, усы, огненные глаза – вставь их в пустые глазницы! Я надеваю шляпу, очки, плащ, – с ними я сойду в могилу! Зажгите свет! Включите экраны! Вождь вернулся на трон!.. Я умоляю тебя, стоя на коленях: «Генерал, отдайте мне свой первый приказ!..» Хор кастратов затягивает славословие, и ты – да будут благословенны спины, которые ты сечешь! – бросаешь мне:

ВЫ ТРОЕ, РАССТАНЬТЕСЬ С ПАМЯТЬЮ!

СОДЕРЖАНИЕ

1. Это ангелы...	5
2. Это следователи...	13
3. Это старики...	19
4. Это посланники...	25
5. Это убийцы...	35
6. Это ветеринары...	45
7. Это тени...	53
8. Это покойники...	56
9. Это сны...	63
10. Это предатели...	69
11. Это преподаватели...	73
12. Это дети...	84
13. Это воины...	106
14. Это никто...	127

ИЗДАТЕЛЬСТВА KOLONNA PUBLICATIONS И
МИТИН ЖУРНАЛ ПРЕДСТАВЛЯЮТ

Кеннет Грант
ПРОТИВ СВЕТА

Кеннет Грант (р.1924) – крупнейший британский оккультист, ученик Алистера Кроули и Остина Османа Спейра. Основатель Ложи Новой Изиды и Тифонианского Ордена Восточных Тамплиеров, – магических обществ, работающих с темной стороной кабалистического Древа Жизни. Автор девяти книг, объединенных в циклы «Тифонианских трилогий». В романе «Против света» (1997) Грант изучает свою оккультную родословную, восходящую к ведьме Аврид, казненной в 1588 году за сношения с дьяволом в образе крокодила. Русский перевод книги публикуется впервые.

«Против света» – книга для отважных читателей, готовых бродить по темным лабиринтам и разглядывать удивительные картинки в сюрреалистическом калейдоскопе. Этот роман дышит мрачной роскошью болотного царства, где твердую почву сменяет податливая трясина. Врата, которые отыскал Кеннет Грант, открыты для всех, кто рискнет погрузиться в ошеломительные извивы нелинейного повествования.

Иэн Фрайз

Моник Виттиг
ЛЕСБИЙСКОЕ ТЕЛО

«Лесбийское тело» – самый радикальный феминистский роман XX века. В лесбийской «Песни песней» Моник Виттиг предлагает «пересказывать собственное тело», деконструируя патриархальный мужской язык ради создания нового языка лесбийского бунта против гетеросексуального общества.

Книга высочайшего класса, ни с чем не сравнимая по своей смелости.

The Boston Globe

Филип Ридли
СТРАХ ГИАЦИНТОВ

Филип Ридли (р. 1964) - один из самых ярких писателей британской новой волны, драматург, художник и кинорежиссер. В своих романах, рассказах, пьесах и фильмах (культовые ленты «Зеркальная кожа» и «Темный полдень») он создает мир, пронизанный черным юмором и эротическим символизмом, где нежность переплетается с жестокостью, а страсть с апатией.

В кино, театре, прозе и акварелях Ридли обнажает темную сторону человеческой природы, исследуя двусмысленность чудовищного и прекрасного.

Observer

Филип Ридли - писатель, которого можно назвать гением - создатель самых любопытных, гротескных и завораживающих британских пьес и фильмов последних лет.

Time Out

ИЗДАТЕЛЬСТВА KOLONNA PUBLICATIONS И
МИТИН ЖУРНАЛ ПРЕДСТАВЛЯЮТ

Евгения Дебрянская
НЕЖНАЯ АГРЕССИЯ ПАУТИНЫ

Фантасмагорическая проза этого любовно изданного томика переполнена трупами и грубым сексом, всевозможными извращениями и фекальными водами, которые и призваны, видимо, победить в данном конкретном случае всю розовую женскую чушь. Дебрянская призывает относиться к себе, как к крутому пацану с наколкой на каком-нибудь интимном месте. Возле левого соска, например. Однако покатошь бёдер выдаёт страну происхождения.

Топос

Александр Ходоровский
АЛЬБИНА И МУЖЧИНЫ-ПСЫ

Спокойствие маленького чилийского городка нарушено появлением двух таинственных женщин – уродливой Каракатицы и соблазнительной Альбины, тайну происхождения которой знают только тибетские мудрецы. Впервые на русском языке проза знаменитого кинорежиссера («Крот», «Священная гора», «Святая кровь»), автора мистических комиксов, исследователя языка Таро, основателя постсюрреалистического движения «Паника», композитора, поэта и психошамана Александр Ходоровского. «Альбина и мужчины-псы» – фантастический роман о мутациях, вечном перерождении и магической подоплеке повседневности.

Одновременно фантастический и натуралистичный, изящный и brutalный, роман о том, что главный выбор, который делает человек, – выбор между наслаждением и жизнью. Или любовью, которая начинается с ненависти и похоти, и сексом, который эту любовь отвергает.

GQ

Шиш Брянский
СТИХОТВОРЕНИЯ

Творчество Шиша Брянского, как и само его имя-маска, очевидно значащее партизанский кукиш захватчикам родной речи, порождены ощущением отчаянья. В качестве «лирического субъекта» собственного стихотворчества Шиш Брянский являет собой тип экзальтированного дебила, знающего и восторженно любящего поэзию Кюева, Кузмина и Есенина.

Textonly

Шиш явил нам свой особый путь преодоления инерции современной поэзии. За его стихи не стыдно, что они - стихи.

Вести

Книги издательств «МИТИН ЖУРНАЛ», «KOLONNA publications» можно купить:

в московских магазинах:

«Проект ОГИ», Потаповский пер., дом 8/12, стр. 2
«Пироги на Дмитровке» ул. Б.Дмитровка, дом 12, стр.1
«Ад Маргинем», 1-й Новокузнецкий пер., 5/7
«Фаланстер» Б.Козихинский пер., д.10
«Книжная лавка при Литинституте им. А.М.Горького»,
Тверской бульвар, дом 25
«У Кентавра», ул. Чайнова, дом 15
«Молодая гвардия», Москва, ул. Б.Полянка, дом 28
«Московский Дом Книги» ул. Новый Арбат, дом 8
«БУКБЕРИ» Сеть книжных супермаркетов

в Санкт-Петербурге, в магазинах торговой сети «БУКВОЕД» по адресу:

Улица Пестеля, 23
Невский проспект, 13
Кирочная улица, 23
Московский проспект, 172
Лесной проспект, 61, корп. 1
Лиговский проспект, 4
Загородный проспект, 35

в Интернет:

«Озон» – www.ozon.ru
«Межкнига» – www.mkniga.ru
«Лавка Я+Я» – www.shop.gay.ru/books/

По вопросу оптовых продаж книг издательств
«МИТИН ЖУРНАЛ», «KOLONNA publications» обращаться
в ООО «БЕРРОУНЗ», телефон 095-104-68-36

Для заказа книг по почте наложенным
платежом редакция просит обращаться по
адресу:

170024, г.Тверь, а/я 2448

в интернет:

www.mitin.com/request.shtml

Александр Ходоровский ПЛОТЯДНОЕ ТОМЛЕНИЕ ПУСТОТЫ

KOLONNA Publications: Россия, 170024 Тверь, а/я 24048
Формат 60 X 90 / 16, объем 13,5 п.л.,
подписано в печать 09.01.2005 г.
Гарнитура NewBaskerville. Тираж 1000 экз. Заказ № 0013
Отпечатано с готовых диапозитивов издательства.
«Тверская фабрика печати», 170021, г.Тверь, Беляковский пер., 46.
Электронная почта (E-mail) - tfk@tvcom.ru